

Библиотечка
ПО НАУЧНОМУ СОЦИАЛИЗМУ

А. ЛАБРИОЛА

ОЧЕРКИ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ ИСТОРИИ

★

ГОСПОЛИТИЗДАТ
1960

БИБЛИОТЕЧКА ПО НАУЧНОМУ СОЦИАЛИЗМУ

А. ЛАБРИОЛА

ОЧЕРКИ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ ИСТОРИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА · 1960

ПРЕДИСЛОВИЕ

Антонио Лабриола (1843—1904) — первый пропагандист марксизма в Италии, выдающийся теоретик и деятель социалистического движения времен II Интернационала. «Из всех последователей марксизма в Западной Европе,— писал орган ЦК Итальянской компартии «Ринашита» в связи с пятидесятилетием со дня смерти А. Лабриолы,— он глубже других понял обновляющее и революционное значение марксистской теории. Отсюда вытекает его ожесточенная борьба против оппортунизма и других враждебных течений» *. Он первый в Италии, указывал П. Тольятти на VIII съезде ИКП, «дал солидную теоретическую разработку марксистской концепции» **.

Начало сознательной деятельности А. Лабриолы совпало с первым десятилетием существования молодого итальянского государства, возникшего в результате длительной и упорной национально-объединительной борьбы итальянского народа. Итальянская буржуазия, игравшая в этой борьбе, особенно в революции 1848—1849 гг., прогрессивную роль, после достижения своей цели — превращения Италии в единую конституционно ограниченную монархию — очень быстро утратила свои революционные традиции. Итальянский либерализм 70-х и 80-х годов прошлого столетия был выражением этого поворота вправо и содействовал тому, что широкие демократические слои, в том числе и молодой рабочий класс Италии, долго оставались в плену старых буржуазно-демократических представлений о якобы достигнутой полной политической свободе. Буржуазно-либеральные идеологи утверждали, что политический строй молодого итальянского государства

---

* «Ринашита» № 2, 1954, стр. 117.

** Материалы VIII съезда ИКП, Госполитиздат, 1957, стр. 108.

является результатом всей предшествующей революционной борьбы, воплощением ее идеалов. Между тем национально-политическое объединение Италии, создавшее условия для быстрого капиталистического развития страны, породило и все свойственные капитализму противоречия.

Итальянский пролетариат еще до завершения борьбы за национальное объединение, в которой он участвовал, имел свои политические организации и проникался идеями социализма, но главным образом в виде различных утопических теорий. В период создания I Интернационала в Италии сильное распространение получает мелкобуржуазное анархическое учение Бакунина. Влияние же идей научного социализма было весьма слабо, что объясняется вековой политической и экономической раздробленностью и отсталостью страны, слабым развитием — до последней четверти XIX в.— крупной капиталистической промышленности, небольшим удельным весом пролетариата. Только к середине 80-х годов в Италии начинают распространяться и оказывать свое влияние произведения Маркса и Энгельса. В эти годы усиливаются массовое стачечное движение на севере и в центре Италии и волнения среди крестьян-батраков и мелких арендаторов на юге страны, где почти полностью сохранялись старые феодальные отношения. Потребность объединения многочисленных социалистических кружков и партийных групп для совместной борьбы, усиление интернациональных связей итальянского пролетариата с социалистическим движением других стран, где уже существовали мощные социал-демократические партии,— все это привело к организации в Италии в 1892 г. социалистической партии. Итальянский пролетариат вошел в единый международный лагерь социалистического движения. Однако Итальянская социалистическая партия пережила длительный период своего оформления и не сразу встала на твердую теоретическую основу марксизма.

Характерной чертой социалистического движения Италии, обусловленной особенностями его исторического развития, является, с одной стороны, разрыв между глубокой стихийной революционностью рабочих масс, воспитанных в традициях общедемократической национально-освободительной борьбы против иноземных захватчиков, папского произвола и отечественной феодальной реакции, а с другой стороны, низкий уровень классового со-

знания пролетариата, медленно и мучительно преодолевавшего влияния самых разнообразных утопических, мелкобуржуазных, религиозных течений, ничего общего не имевших с научным социализмом.

В соединении стихийного рабочего движения с социалистическим сознанием в Италии выдающуюся роль сыграл А. Лабриола. Он, по словам А. Грамши, стремился утвердить марксизм в итальянской культуре как самостоятельную философию, действительно способную разрешить основные проблемы истории Италии.

А. Лабриола оставил сравнительно небольшое количество трудов по марксистской теории. Его первые марксистские работы относятся к началу 90-х годов, а уже в 1904 г. смерть прервала его деятельность. В 1895 г. вышел в свет первый из его очерков по историческому материализму — «В память о Манифесте Коммунистической партии». В 1896 г.— второй и самый важный по значению очерк — «Об историческом материализме». А. Лабриола оставил ряд глубоко содержательных критических статей, направленных против ревизионизма (Бернштейна), против мелкобуржуазных взглядов анархо-синдикалистов типа Сореля, против либеральствующих «упразднителей» марксизма в лице Б. Кроче и Т. Масарика.

Значение А. Лабриолы в развитии марксистской теории лучше всего подчеркнуто той высокой оценкой, которая была дана его трудам Ф. Энгельсом и В. И. Лениным и руководителями Итальянской компартии. Ф. Энгельс, получив от А. Лабриолы экземпляр его первого очерка «В память о Манифесте Коммунистической партии», писал автору: «Все очень хорошо... имеются лишь отдельные мелкие фактические неточности — и в самом начале излишне ученый способ изложения. Я с нетерпением ожидаю остальную часть» *. В письме к Зорге от 30. XII. 1893 г. Энгельс подчеркивает важность исследований А. Лабриолы по вопросу о генезисе марксизма и называет его «строгим последователем Маркса».

В. И. Ленин, находясь в селе Шушенском, писал своей сестре, А. И. Ульяновой, о желательности перевода на русский язык «Очерков материалистического понимания истории», которые он читал в это время в сокращенном переводе. В. И. Ленин называл работу Лабриолы

* «Ринашита» № 3, 1954, стр. 183—184.

«чрезвычайно интересным трудом», «чрезвычайно умной защитой «нашей доктрины»» *, «превосходной книгой» **.

Товарищ П. Тольятти в 1954 г. указывал, что А. Лабриола сыграл выдающуюся роль в XIX в. «в момент, когда итальянская общественная мысль переживала кризис и разброд, в момент, когда назрел перелом в ее развитии. На долю Лабриолы выпала задача осуществить практически в нашей стране, в конкретных условиях исторического развития Италии, тот коренной идейный переворот, который марксизм осуществил во всей европейской культуре» ***.

Содержанием предлагаемого читателю выпуска «Библиотечки по научному социализму» является работа А. Лабриолы «Очерки материалистического понимания истории».

«Очерки материалистического понимания истории» состоят из двух статей: «В память о Манифесте Коммунистической партии» и «Об историческом материализме». В первом из них А. Лабриола показывает всемирно-историческое значение этого великого документа, открывшего новую эру в истории человечества и являющегося «новым завоеванием мысли, сделанным под неотвратимым влиянием развивающегося нового мира».

Главное значение «Манифеста», указывает А. Лабриола, заключается в новом, материалистическом понимании истории, которое является основой научного социализма, теорией мирового пролетарского движения. А. Лабриола показывает глубокую качественную разницу между теорией Маркса и всеми другими политическими и социологическими теориями, между научным и утопическим социализмом. Он подчеркивает, что теория научного социализма есть итог критического усвоения предшествующих учений об обществе. А. Лабриола отмечает интернациональный характер научного социализма, его значение для социалистического движения пролетариата во всех странах. В очерке дается критика всех тех мелкобуржуазных и утопических теорий, которые имели хождение среди итальянских социалистов: прудонизма, лассальянства с его «правом на труд» и «государственным социализмом», теорий Луи Блана, Бланки и др. Критика враждебных марксизму течений в первой статье «Очер-

* *В. И. Ленин.* Соч., изд. 4, т. 37, стр. 69.

** *В. И. Ленин.* Соч., изд. 4, т. 2, стр. 453.

*** «Ринашита» № 4, 1954, стр. 254.

ков» дана кратко, но ярко, при постоянном противопоставлении всем критикуемым теориям и направлениям превосходства, научности, действенности идей, развитых в «Манифесте Коммунистической партии».

Основные мысли Лабриолы, выраженные им в первом очерке, получили свое дальнейшее развитие во второй статье — «Об историческом материализме». Здесь марксистское материалистическое понимание истории резко противопоставляется вульгарно-материалистическому сведению общественных явлений к естественным, а также и всем идеалистическим концепциям истории человеческого общества, историческую обусловленность которых А. Лабриола так ярко показывает.

Значительно более глубоко во втором очерке дан анализ возникновения и развития идей утопического социализма. Подчеркивая, что сильной стороной утопического социализма являлась критика капиталистического общества, А. Лабриола глубоко и оригинально раскрыл коренное различие между критикой утопистов и критикой коммунистов-марксистов. Первые критикуют с субъективистских позиций, пытаясь исправить и даже реорганизовать общество путем «разумного устройства», принцип которого развит на основе личных убеждений того или иного мыслителя-социалиста. Вторые, т. е. коммунисты, понимают, что настоящая критика общественных недостатков заключается в самом обществе, в его противоречивом развитии. Не привносить в общество «разумные» законы, а понять диалектику его противоречивого саморазвития, борьбы классов и строить деятельность партии на основе этой борьбы — значит превратить субъективную критику в объективную, единственно научную и революционную.

В дальнейшем изложении А. Лабриола подробно показывает несостоятельность теории географической среды, «теории факторов», подвергая глубокому анализу классовые и гносеологические корни этих теорий. Он подчеркивает, что наивысшим пунктом развития буржуазной исторической мысли является теория «взаимодействия», обрекающая исследователя вращаться в замкнутом кругу. Разорвать этот порочный круг и показать основу всего общественного развития смогла только революционная мысль основоположников научного социализма. А. Лабриола прекрасно излагает такие вопросы, как марксистское учение о базисе и надстройке, освещает различные формы над-

стройки, многогранность и многоступенчатость связей между ними, отвергает упрощенчество теоретиков вульгарного экономизма, пытавшихся вывести сложные идеологические явления непосредственно из процесса производства.

Будучи одним из глубочайших в Западной Европе знатоков произведений Маркса и Энгельса, в сочетании с огромной эрудицией историка, А. Лабриола в «Очерках» делает интересные и актуальные для его времени наблюдения над особенностями общественного развития в разных странах, подчеркивая тем самым марксистский принцип конкретности истины в историческом процессе. Так, например, он останавливается на милитаристических тенденциях внешней политики Италии 90-х годов XIX в. как на одном из проявлений обострения противоречий в капиталистическом обществе. В противоположность большинству теоретиков II Интернационала, он утверждает важность крестьянского вопроса для революционной борьбы социалистических партий, показывая это на примере Италии и России.

Развивая мысль о преемственности теоретических и организационных принципов, установленных в «Манифесте Коммунистической партии», с программами и тактикой социалистического движения в конце столетия, А. Лабриола показывал всю сложность и многообразие современных условий борьбы пролетариата и предупреждал от опасности чрезмерного увлечения парламентскими успехами, профсоюзным и кооперативным движением, которые ревизионисты типа Бернштейна превращают в самоцель, тогда как на самом деле все это — лишь средства для осуществления главной цели — победы социалистической революции.

Блестящие по изложению и глубокие по содержанию работы А. Лабриолы не свободны от существенных недостатков. Прежде всего обращает на себя внимание уже в первом очерке — «В память о Манифесте Коммунистической партии» недостаточное внимание к таким важнейшим вопросам, как теория государства, диктатура пролетариата и социалистическая революция, руководящая роль партии в подготовке и проведении революционного переворота.

А. Лабриола указывал на значение диктатуры пролетариата как на средство для насильственного захвата у буржуазии орудий производства. Но он не понимал всего значения диктатуры пролетариата как государства нового

типа, как главного рычага всех экономических, политических и культурных преобразований, необходимых для победы социализма. Идея диктатуры пролетариата представлялась ему как имеющая отношение к очень отдаленному будущему. С этой точки зрения недооценил Лабриола и всемирно-исторического значения Парижской коммуны как первого опыта пролетарского государства. Как указывал П. Тольятти в своем докладе на VIII съезде ИКП в 1956 г., эти неправильные взгляды А. Лабриолы являлись следствием недостаточно глубокого понимания им сущности связи теории с практикой в социалистическом движении *, уровень развития которого в Италии в те годы был еще невысок.

Представляя себе победу социалистической революции как неизбежную, но еще очень отдаленную, А. Лабриола не понял и ведущей роли партии как авангарда пролетариата. Видя организационную слабость и идейную шаткость реформистского руководства в социалистической партии, А. Лабриола считал, что задача итальянских социалистов на долгий период будет ограничиваться повседневной пропагандой идей марксизма, парламентской борьбой и привлечением в партию широких масс рабочих и интеллигенции. В последние годы жизни А. Лабриола ошибочно отождествлял неправильные взгляды и тактику оппортунистического руководства Итальянской социалистической партии во главе с Ф. Турати с общей линией развития всей партийной жизни и отстранился от всякого участия в ней, возлагая надежды на стихийный размах рабочего движения и тем самым повторяя мелкобуржуазные заблуждения анархо-синдикализма, против которого он сам же боролся. Однако А. Лабриола до последних дней своей жизни продолжал вести борьбу по разоблачению реакционной внешней и внутренней политики итальянского правительства, активно участвовал в организации и поддержке стачечного движения рабочих и крестьян-батраков, а также не прекращал своей публицистической работы в органах социалистической печати. Отрыв А. Лабриолы от участия в практическом руководстве социалистическим движением, вытекавший из недооценки им значения этого движения, показывает, что Лабриола,

* См. Материалы VIII съезда ИКП, Госполитиздат, 1957, стр. 108.

хотя и указывал в своих статьях на некоторые признаки империализма, содействовавшие обострению классовой борьбы, все же не смог подняться до понимания наступившей новой эпохи в развитии борьбы пролетариата, когда социалистическая революция уже не являлась туманным будущим, а была поставлена историей в порядок дня.

Несмотря на недостатки «Очерков материалистического понимания истории», автор их остается выдающимся представителем марксистской мысли конца XIX в., сыгравшим исключительно важную роль в распространении марксизма в Италии, в критике враждебных ему оппортунистических течений. Переведенные почти на все европейские языки, работы А. Лабриолы были известны и оказывали свое влияние далеко за пределами Италии, несмотря на то, что оппортунистические деятели социалистических партий II Интернационала в союзе с буржуазными либеральными философами всячески искажали истинное лицо этого замечательного ученого-социалиста, изображая его деятельность как кабинетную, оторванную от практической жизни, а его теоретические взгляды — как примиренческие.

В настоящее время Итальянская коммунистическая партия обращает большое внимание на широкое ознакомление рабочего класса и прогрессивной интеллигенции с трудами А. Лабриолы. Освещению его трудов и их исторического значения посвятил многие замечательные страницы своих «Тюремных тетрадей» А. Грамши. П. Тольятти, глубоко изучавший труды Лабриолы, отмечает его значение в развитии марксистской теории и социалистического движения в ряде своих докладов и статей.

Имеющиеся на русском языке работы А. Лабриолы давно уже стали библиографической редкостью. Появление в новом переводе «Очерков» А. Лабриолы позволит советскому читателю шире познакомиться с выдающимся мыслителем, который после долгих лет исканий пришел к убеждению в правоте и всесилии великого учения Маркса и Энгельса.

Перевод «Очерков» сделан с итальянского издания книги: Antonio Labriola, La concezione materialistica della storia, Bari, 1953; первый очерк и главы 1—7, 11 и 12 второго переведены М. Л. Абрамсон, главы 8—10 второго очерка — Т. С. Злочевской.

З. Мелещенко

Очерк I

В ПАМЯТЬ О МАНИФЕСТЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Через три года мы, социалисты, сможем отпраздновать наш юбилей. Памятная дата выхода в свет *Манифеста Коммунистической партии* (февраль 1848 года) напоминает нам о времени, когда мы впервые уверенно вошли в историю. Эта дата является исходным моментом для всех наших суждений об успехах, которых добился пролетариат за последние пятьдесят лет, и для любой нашей оценки этих успехов. Эта дата знаменует собой начало *новой эры*, которая возникает и вырастает, или, точнее, высвобождается из современной эры в силу присущих последней законов развития. Следовательно, наступление новой эры необходимо и неотвратимо, каковы бы ни были ее дальнейшие судьбы и последующие фазы развития, которые в настоящее время, разумеется, невозможно предвидеть.

Тем из нас, кто считает важным полностью осознать свои собственные действия, приходится вновь и вновь мысленно обращаться к причинам и движущим силам, определившим *возникновение* Манифеста, к обстоятельствам, при которых он появился, ибо он не случайно появился накануне революции, вспыхнувшей на территории от Парижа до Вены, от Палермо до Берлина. Лишь таким путем нам удастся найти в современной форме социального строя объяснение тенденции к социализму и, как следствие этого, обосновать самим правом этой тенденции на существование в настоящее время также неизбежность ее будущего торжества, которое мы предвидим.

* * *

В самом деле, разве не в этом заключается сила Манифеста, его сущность, его решающее значение *.

В то же время было бы, несомненно, ошибкой искать все это в перечисленных в конце II главы практических мероприятиях, которые рекомендуются на случай революционного успеха пролетариата, или же в содержащихся в IV главе указаниях, касающихся политической линии поведения в отношении других революционных партий того времени. Хотя эти указания и эти рекомендации являлись ценными и заслуживали внимания при тех обстоятельствах и в тот момент, когда они были сформулированы и предложены, хотя они весьма важны для четкой и определенной оценки политической деятельности немецких коммунистов в революционный период 1848—1850 годов,— тем не менее теперь они более не представляют для нас собрания практических советов, исходя из которых нам надлежит принимать решение в каждом конкретном случае. Политические партии, которые организовались в разных странах со времени Интернационала, вербуя свои ряды в основном из среды пролетариата и решительно выступая от его имени, ощущали и ощущают по мере своего возникновения и развития настоятельную необходимость сообразовать свои требования и деятельность с различными и многообразными обстоятельствами и случаями. Однако ни одной из этих партий диктатура пролетариата не кажется столь близкой, чтобы ощущать потребность или хотя бы испытывать желание или искушение подвергнуть пересмотру и переоценке предлагаемые Манифестом мероприятия под углом зрения их проверки на практике, ибо такая проверка представлялась бы возможной лишь в том случае, если бы эти меры были близки к своему осуществлению. В действительности существуют лишь те исторические эксперименты, которые сама история производит неожиданно, а не по заранее намеченному плану, решению или приказу. Это и произошло во времена Коммуны, которая была и остается до сих пор для нас единственным опытом (хотя и прибли-

* Настоящее мое сочинение не представляет собой исправления Манифеста, приспособления его к современным условиям; я не даю также здесь анализа Манифеста и комментария к нему. Пишу, как об этом свидетельствует и само заглавие, лишь *в память* о Манифесте.

зительным и путаным ввиду своей неожиданности и непродолжительности) самостоятельного выступления пролетариата, который, овладев политической властью, подвергся новому и трудному для него испытанию. Никто заранее не желал этого эксперимента и не стремился к нему. Будучи вынужден к тому обстоятельствами, пролетариат героически проделал его, и этот опыт обратился теперь для нас в спасительный урок.

Может случиться, что там, где социалистическое движение находится еще в младенческом состоянии, те или иные его деятели ввиду отсутствия собственного непосредственного опыта сошлются (как это часто имеет место в Италии) на авторитет текста Манифеста как на обязательное для выполнения наставление, но практически это не имеет никакого значения.

* * *

Не следует также, по моему мнению, искать силу Манифеста, его сущность, его решающее значение в том, что он говорит о других формах социализма, называя их *литературой*. Все, что говорится в III главе, служит, без сомнения, для замечательного определения, методом противопоставления и в виде сжатых, но ярких и разящих характеристик, различий, реально существующих между коммунизмом, который ныне принято называть научным (выражение, нередко являющееся, к сожалению, предметом злоупотреблений), иными словами — между коммунизмом, субъектом которого является пролетариат, а орудием — пролетарская революция, и другими формами социализма — реакционными, буржуазными, полубуржуазными, мелкобуржуазными, утопическими и пр. Все эти формы, за исключением одной *, неоднократно появлялись вновь и приобретали новый облик, даже и поныне они продолжают появляться в новом облике в тех странах, где современное пролетарское движение только лишь зарождается. В отношении таких стран и при таких обстоя-

* Я подразумеваю ту форму, которая фигурирует в Манифесте под ироническим названием *немецкий, или «истинный», социализм* [1]. Этот параграф, непонятный для людей, недостаточно хорошо знакомых с немецкой философией того времени, особенно с некоторыми ее направлениями, отмеченными печатью далеко зашедшего вырождения, был с полным основанием опущен в испанском переводе.

тельствах Манифест выполнял и до сих пор выполняет весьма актуальную функцию орудия критики и литературного бича. Но в тех странах, где эти формы социализма либо уже теоретически и практически изжиты, как это в основном имеет место в Германии и Австрии, либо сохранились только как субъективное мнение немногочисленных сектантов, как во Франции и Англии, не говоря о других странах, Манифест в этом отношении уже сыграл свою роль. В этих странах он лишь регистрирует, как бы *для памяти,* то, о чем нет больше необходимости думать, так как политическая деятельность пролетариата уже развивается как нормальный и последовательный процесс.

Именно таково было настроение и намерение тех, кто написал это, предвосхитив будущее. Безошибочно предугадав грядущие события, они довольствовались вынесением обвинительного приговора и констатацией уничтожения в будущем того, что они преодолели благодаря силе своего мышления, располагая немногими, но ясными (и допускающими лишь определенное толкование) данными опыта. Критический коммунизм * — таково истинное наименование этого учения, и никакое другое название не выразит более точно его сущности — не предавался вместе с феодалами сожалениям о старом обществе, чтобы критиковать методом противопоставления современное общество; он обращал свой взор лишь в будущее. Он не солидаризировался также с мелкой буржуазией, стремящейся спасти то, что спасти было уже невозможно, как, например, мелкую собственность или спокойную жизнь маленьких людей, которую делает трудной и тягостной головокружительно бурная деятельность современного государства — естественного и неотъемлемого органа общества нашего времени — лишь потому, что это государство, непрерывно переживая революции, несет в самом себе и с собой необходимость новых, более глубоких революций. Точно так же критический коммунизм не переводил реальные контрасты материальных интересов повседневной жизни на язык метафизических фантазий, болезненной сентиментальности или религиозного созерцания,

* Термины «критический коммунизм», «экономический материализм» (стр. 142), «экономическая социология» (стр. 198) Лабриола употребляет, имея в виду теорию научного социализма или материалистическое понимание истории.— *Ред.*

напротив, он выражал и излагал эти контрасты во всей их прозаической реальности. Он не строил общество будущего по плану, который во всех своих частях отличался бы гармонической завершенностью. Он не расточал слов похвалы и восхищения, призыва и сожаления двум богиням философской мифологии — *Справедливости* и *Равенству* — богиням, имеющим столь жалкий вид в гуще мелких практических дел повседневной жизни, когда наблюдаешь, как история в течение многих веков непристойно забавляется, совершая то и дело поступки, находящиеся в прямом противоречии с их непогрешимыми заповедями. Более того: когда коммунисты, опираясь на факты, имеющие силу доказательств, заявляли, что пролетариату суждено сыграть роль могильщика буржуазии, они все же воздавали должное этой последней, как творцу социальной формы, которая представляет собой по своей широте и интенсивности важную стадию в прогрессивном развитии человеческого общества и может стать ареной для новых битв, предвещающих пролетариату счастливый исход. Никогда еще не было написано столь величественной надгробной речи. Этим похвалам по адресу буржуазии присущ своеобразный трагический юмор, и некоторым даже казалось, что они похожи на дифирамб.

Тем не менее эти негативные и антитетические определения других видов социализма (имевших тогда хождение и нередко вновь появлявшихся позднее, вплоть до наших дней), хотя они и безупречны по своей сущности, по форме и по преследуемой ими цели, не претендуют на то, чтобы давать подлинннную историю социализма, и не дают ее. Тем, кто захотел бы ее написать, эти определения не могут служить ни схемой, ни путеводными знаками. История в действительности не покоится на различии между истинным и ложным, справедливым и несправедливым, и в еще меньшей степени — на более абстрактном противоположении возможного и реального, как будто бы вещи находятся по одну сторону, а по другую сторону — их тени или призраки в виде идей. История всегда монолитна, и в основе ее находится процесс образования и преобразования общества, который следует рассматривать как объективный процесс, ни в коей мере не зависящий от нашего субъективного одобрения или порицания. История — своеобразная динамика, если употребить термин позитивистов, которые так любят подобные выражения и

часто оказываются во власти новых слов, ими же пущенных в обращение.

Разные формы социалистических учений и практики, появлявшиеся и исчезавшие на протяжении веков, различны по своим причинам, облику и последствиям. Все они должны быть исследованы и объяснены лишь исходя из специфических и сложных условий породившей их общественной жизни. При рассмотрении этих форм мы замечаем, что они не образуют нечто целое, находящееся в непрерывном процессе развития, ибо перемены в общественном строе и неоднократно происходившие ослабление и разрыв традиции имели своим следствием нередкие нарушения преемственности разных видов социализма. Лишь со времени Великой французской революции процесс развития социализма приобретает известное единство, которое яснее выступает с 1830 года, когда во Франции и в Англии политическая власть окончательно перешла в руки буржуазии, и становится особенно наглядным и, можно сказать, осязаемым после организации Интернационала. На этом пути высится, подобно огромному верстовому столбу, Манифест, снабженный двумя надписями: с одной стороны — инкунабула [2] нового учения, обошедшего с тех пор весь земной шар, с другой стороны — указание на устраненные им формы, но без их описания и толкования *.

* * *

Сила, сущность, решающее значение этого произведения целиком и полностью заключается в новом понимании истории, которое его пронизывает. Оно находит свое объяснение и развитие в одной части Манифеста, в то время

---

* Читая на протяжении последних восьми лет университетские курсы лекций под названием «Происхождение современного социализма», или «Общая история социализма», или же «О материалистическом понимании истории», я располагал временем и возможностью изучить подобную литературу, четко систематизировать ее и наметить ее перспективы. Эта работа, трудная и сама по себе, становится особенно затруднительной в Италии, где социалистические школы не имеют никаких традиций и где партия существует еще столь недавно, что она не может служить поучительным примером возникновения и развития социалистического движения. Однако этот очерк не представляет собой воспроизведения какой-либо из моих лекций. Лекции не повторяют книг, на основании которых они созданы, точно так же как опубликованные лекции на самом деле не являются книгами в строгом смысле этого слова.

как в другой части Манифеста о нем не говорится и ссылки на него отсутствуют. Благодаря этому пониманию истории коммунизм перестал быть чаянием, стремлением, преданием, догадкой или желанным исходом и впервые нашел свое адекватное выражение в сознании собственной необходимости, т. е. в сознании того, что он является неизбежным результатом современной классовой борьбы. Речь идет не о той классовой борьбе, которая происходила повсюду и во все времена и лежала в основе исторического развития, но о той, которая целиком сводится в наше время к поединку между капиталистической буржуазией и трудящимися, неминуемо превращающимися в пролетариев. Манифест обнаружил генезис этой борьбы, определил темп ее развития и предсказал ее конечный результат.

На таком понимании истории зиждется все учение научного коммунизма. Начиная с этого момента, теоретическим противникам социализма не приходится более спорить по поводу абстрактной возможности демократического обобществления средств производства *, как будто бы об этом следовало судить, исходя из выводов, основанных на самых общих свойствах так называемой человеческой природы. Отныне речь идет о том, чтобы либо признавать, либо не признавать кроющуюся в повседневном ходе человеческих дел необходимость, которая находится за пределами наших симпатий и нашего субъективного одобрения. Является ли в настоящее время в наиболее передовых странах общество в достаточной степени зрелым, чтобы прийти к коммунизму в силу законов, внутренне присущих его собственному процессу развития, если исходить из современного экономического строя этого общества, неизбежно порождающего в своих недрах противоречия, которые в конце концов приведут к его

---

* Необходимо настаивать на применении выражения «демократическое обобществление средств производства», так как, во-первых, выражение «коллективная собственность» содержит известную теоретическую ошибку, поскольку оно заменяет реальное экономическое явление юридическим определением, а, во-вторых, в умах многих представление о коллективной собственности смешивается с представлением о росте монополий, все более широком переходе в руки государства предприятий общественного пользования и со всеми прочими фантасмагориями постоянно возрождающегося *государственного социализма,* подоплекой которого является увеличение экономических средств угнетения в руках класса угнетателей.

ломке и распаду? Таков объект всех споров после появления этого учения и отсюда же одновременно вытекает линия поведения, которой обязаны придерживаться в своих действиях социалистические партии, независимо от того, состоят ли они только из пролетариев или насчитывают в своих рядах также выходцев из других классов, составляющих отряд добровольцев в армии пролетариата.

По этой причине мы, социалисты, весьма охотно принимаем эпитет «научные», при условии, чтобы никто не смешивал нас таким образом с позитивистами — далеко не всегда нашими желанными гостями,— которые в своих интересах превращают слово «наука» в свою монополию. Мы не стремимся защищать, подобно стряпчим или софистам, абстрактный и общий тезис и не заботимся о том, чтобы доказывать рациональность наших намерений. Наши устремления представляют собой лишь теоретическое выражение и конкретное истолкование данных, получаемых путем объяснения процесса, совершающегося среди нас и вокруг нас и всецело сводящегося к объективным отношениям общественной жизни, субъектом и объектом, причиной и следствием, последней гранью и частью которых мы являемся. Наши цели рациональны не потому, что они зиждятся на доводах рассуждающего разума, а потому, что они исходят из объективного рассмотрения вещей, иными словами — из объяснения процесса их развития, который не является, да и не может быть результатом нашей воли, а, наоборот, покоряет и подчиняет себе нашу волю.

Ни одно из предшествующих или последующих произведений самих авторов Коммунистического манифеста, несмотря на то что эти произведения намного превосходят Манифест по своему научному значению и широте охвата, не могут заменить его, поскольку они не обладают присущей ему особой силой воздействия. В своей классической простоте он дает нам верное выражение такого положения вещей: пролетариат нашего времени существует, проявляет себя, растет и развивается как конкретный субъект современной истории, ее позитивная сила, действия которой, неизбежно носящие революционный характер, столь же неизбежно должны привести к коммунизму. И по этой причине — благодаря теоретическому обоснованию предвосхищаемого им будущего, выраженному лаконичными, сжатыми, энергичными и запоминающимися формулиров-

ками,— данное произведение является средоточием, более того — неистощимым питомником ростков идей, которые читатель может оплодотворять и умножать до бесконечности; оно сохраняет всю самобытную и первородную силу вещи, только что появившейся на свет и еще не оторванной и не удаленной от породившей ее почвы. Это замечание относится главным образом к тем, которые, выставляя напоказ свое ученое невежество — если они не являются попросту фанфаронами, шарлатанами или поверхностными дилетантами,— приписывают учению критического коммунизма всякого рода предшественников, покровителей, союзников и учителей, полностью пренебрегая здравым смыслом и общепринятой хронологией. Эти люди либо причисляют наше материалистическое понимание истории к большей частью фантастической и слишком общей теории мировой эволюции, либо стараются усмотреть в данном учении нечто производное от дарвинизма (в действительности представляющего собой лишь с определенной точки зрения и в очень широком понимании аналогичную доктрину), либо делают нам одолжение, приписывая нам покровительство той позитивистской философии, которая начинается Контом — выродившимся реакционным учеником гениального Сен-Симона, и кончается Спенсером, являющимся квинт-эссенцией анемично-анархического мещанства; иными словами, они хотят дать нам в союзники и покровители наших открытых и решительных врагов.

* * *

Столь животворной силой, классическим воздействием, столь сжатым синтезом логических рядов мыслей, изложенных на немногих страницах *, Манифест обязан своему происхождению.

---

* Первое издание, напечатанное в Лондоне в феврале 1848 года, которым я обладаю благодаря особой любезности Энгельса, содержит 23 страницы ин-октаво. Я хочу здесь попутно отметить, что я преодолел искушение добавить к своему сочинению библиографические примечания, ссылки на литературу и цитаты, ибо, встав на этот путь, я написал бы научный труд или даже целую книгу, а не очерк. Читатель, надеюсь, поверит мне на слово, что на этих страницах нет ни одного намека или указания, которые не основывались бы на источниках и фактах, непосредственно связанных с данным предметом, более того — на всей совокупности источников и фактов.

Его авторами были два немца, но ни по своему содержанию, ни по своей форме он не является выражением личного мнения политических изгнанников или тех, кто, подобно авторам этого произведения, добровольно покинул родину, чтобы дышать в другой стране более свободным воздухом: в нем отсутствуют свойственные таким людям тревога, проклятья и озлобленность. В нем не нашли также прямого отражения условия их родной, политически крайне отсталой страны, где лишь в самой начальной стадии и только в отдельных районах существовали социальные и экономические отношения, сравнимые с теми, которые были уже во Франции и в Англии и являлись современными. Напротив, авторы привнесли в Манифест ту философскую мысль, которая лишь одна поставила их отечество на высоту современной истории и удержала на этой высоте,— ту философскую мысль, которая именно в их лице подверглась в то время серьезной трансформации. Благодаря этой трансформации уже обновленный Фейербахом материализм, соединившись с диалектикой, обрел возможность охватить и понять ход истории вплоть до ее самых сокровенных первопричин, остававшихся до тех пор неисследованными, ибо они были глубоко скрыты и нелегко могли быть выявлены. Оба они были коммунистами и революционерами, но не в силу инстинкта, простого импульса или страсти: они разработали совершенно новую критику экономической науки и постигли историческую связь и историческое значение пролетарского движения по обе стороны Ламанша, т. е. во Франции и в Англии, еще до того, как им было поручено дать в Манифесте программу и учение «Союза коммунистов» [3]. Последний имел свой центр в Лондоне и многочисленные ответвления на континенте; он пережил уже многое и прошел через различные фазы своего развития.

Один из авторов Манифеста — Энгельс уже написал за несколько лет до этого критический очерк, в котором он, отбросив в сторону всякие субъективные и односторонние поправки, впервые объективно вывел критику политической экономии из противоречий, присущих определениям и понятиям самой экономики. Вскоре он приобрел известность благодаря книге о положении английских рабочих, которая явилась первой удачной попыткой представить движения рабочего класса как результат

самого действия производительных сил и средств производства *.

Другой из авторов — Маркс за несколько предшествовавших лет приобрел опыт радикального публициста в Германии, а равным образом — в Париже и Брюсселе; в уме его почти полностью сложились первые элементы материалистического понимания истории: он подверг критике и теоретически опроверг предпосылки и выводы учения Прудона и впервые дал точное объяснение происхождения *прибавочной* стоимости как результата покупки и использования рабочей силы. В этом заключался зародыш идей, позднее созревших, доказанных и изложенных в их взаимосвязи и в их частностях в «Капитале». Энгельс и Маркс, связанные многими и разнообразными способами с революционерами различных стран Европы, в особенности — Франции, Бельгии и Англии, составили Манифест не как очерк, выражавший их личное мнение, а как учение партии, хотя и немногочисленной, но тем не менее представлявшей уже собой по духу, цели и деятельности I Интернационал трудящихся.

* * *

Это и было началом современного социализма в самом точном значении этого слова. Именно здесь проходил рубеж, отделявший его от всего остального.

«Союз коммунистов» принял такой характер после того, как он вырос из «Союза справедливых» [4]. Последний в свою очередь постепенно выделился благодаря ясному осознанию целей пролетариата из общего союза изгнанников — «Союза отверженных». Как тип организации, несущий в себе, как бы в эмбриональном виде, все формы последующих социалистических и пролетарских движений, «Союз справедливых» прошел через различные фазы конспирации и эгалитарного [5] социализма. Он был метафизическим у Грюна и утопическим у Вейтлинга. Имея центром своей деятельности Лондон, союз завязал связи с чартистским движением [6] и оказал на него некоторое

---

* *«Наброски к критике политической экономии»* впервые появились в «Немецко-французском ежегоднике», Париж, 1844, стр. 86—114 (Deutsch — Französische Jahrbücher», Paris, 1844), а первое издание книги «Положение рабочего класса в Англии» вышло в свет в Лейпциге в 1845 году.

влияние. Это движение служило своим беспорядочным характером (ибо оно было первым продуманным опытом, не являясь уже вместе с тем плодом заговора или деятельности какого-либо тайного общества) наглядной иллюстрацией того, с какими тяготами и трудностями сопряжено образование настоящей политической партии пролетариата. Тенденция к социализму достигла в чартизме зрелости лишь тогда, когда он был близок к своему концу и действительно вскоре окончил свое существование (навеки сохранится память о вас, Джонс и Гарни!).

«Союз коммунистов» всюду чувствовал революцию — и потому, что она носилась в воздухе, и потому, что ему подсказывали это его инстинкт и его метод исследования. Когда революция действительно вспыхнула, учение, содержащееся в Манифесте, дало союзу возможность правильно ориентироваться в создавшейся обстановке и стало вместе с тем оружием борьбы. И в самом деле, являясь уже интернациональным, отчасти вследствие разнородного состава и различного происхождения своих членов, но в еще большей степени — в силу свойственного им всем инстинкта и призвания, он занял свое место в общем движении политической жизни в качестве точного и ясного предвестника всего того, что в настоящее время может с полным основанием называться современным социализмом (если под термином «современный» подразумевается не просто чисто внешняя хронологическая дата, но и показатель внутреннего, т. е. морфологического процесса развития общества).

Длительный перерыв с 1852 по 1864 год — период политической реакции и в то же время исчезновения, распыления и поглощения старых социалистических школ — отделяет интернационал в зародыше — лондонский *Arbeiterbildungsverein* (Рабочий просветительный союз) от собственно Интернационала, который поставил перед собой в 1864—1873 годах цель ввести в единое русло борьбу пролетариата Европы и Америки. В деятельности пролетариата имелись и другие перерывы (исключение составляла лишь Германия), особенно во Франции, после роспуска славной памяти Интернационала, до образования нового, который пользуется теперь иными средствами и развивается иными путями, соответствующими современному политическому положению и более богатому и зрелому опыту. Но подобно тому, как те из оставшихся еще

в живых, кто обсуждал и принял в ноябре — декабре 1847 года новое учение, вновь появились на общественной арене в великом Интернационале и, наконец, опять в новом Интернационале, так и Манифест постепенно снова обрел широкую известность и фактически обошел весь мир, так как был переведен на все языки культурных стран, чего не могло произойти, несмотря на надежды его составителей, при первом появлении Манифеста на свет.

Это и было нашим подлинным исходным пунктом, это и были наши истинные предшественники. Они выступили рано, раньше других, и шли быстрым, но уверенным шагом по пути, который мы также должны пройти и по которому мы в самом деле идем. Нельзя называть предшественниками тех, кто шел по путям, которые позднее оставил, а также и тех, кто, если не говорить языком метафор, формулировал доктрины и являлся зачинателем движений, несомненно объяснимых временем и условиями, в которых они зародились, но побежденных позднее учением критического коммунизма — теорией пролетарской революции. И не потому, что эти доктрины и эти попытки были случайными, бесполезными и излишними. В историческом развитии событий нет ничего абсолютно иррационального, ибо в нем ничего не происходит без причины, а следовательно — ничто не является просто излишним. Мы сами, даже в настоящее время, не можем прийти к полному пониманию критического коммунизма, не возвращаясь мысленно к этим учениям, не прослеживая вновь процесс их появления и исчезновения. Дело в том, что они не только находятся *в прошлом*, если говорить о времени их существования, но и по существу *превзойдены* в результате как изменившихся условий существования общества, так и более ясного понимания законов, управляющих его образованием и развитием.

Именно в тот момент, когда эти учения канули в прошлое, и появился Манифест. Как первый вестник возникновения современного социализма, это произведение, которое излагает новое учение лишь в самых общих и наиболее доступных его чертах, носит на себе следы породившей его исторической почвы — Франции, Англии и Германии. С тех пор область его распространения постепенно все более расширялась и теперь охватывает весь цивилизованный мир. Во всех странах, где тенденция к коммунизму последовательно развивалась через антагони-

стические противоречия между буржуазией и пролетариатом, принимавшие различный вид, но с каждым днем все более ясные, процесс первичного становления повторялся, частично или полностью, много раз. Постепенно организовывавшиеся пролетарские партии заново проходили те стадии образования, которые впервые прошли в свое время их предшественники; однако этот процесс развивался от страны к стране и из года в год все более быстро — как в результате того, что антагонистические противоречия проявлялись все нагляднее, настоятельнее и сильнее, так и вследствие того обстоятельства, что воспринять уже существующее учение или направление, естественно, гораздо легче, чем впервые создать то и другое. Наши соратники, действовавшие пятьдесят лет тому назад, были и в этом отношении интернациональными, так как они дали пролетариату различных наций своим собственным примером и опытом предварительные и общие наметки той работы, которую предстоит выполнить.

* * *

Однако теоретическое понимание социализма заключается в наши дни, как и раньше, и как это будет всегда, в сознании его исторической необходимости, иными словами — в осознании характера и причин его возникновения, которое на ограниченном поле наблюдения и в сжатой форме нашло свое отражение именно в истории создания Манифеста. Написанный, чтобы служить оружием борьбы, он не носит на себе видимых следов своего происхождения, поэтому Манифест содержит высказывания по существу, а не аппарат доказательств. Доказательство целиком заключается в императивной силе необходимости. Но процесс возникновения Манифеста можно полностью воссоздать, а воссоздать означает для нас теперь правильно понять его учение.

Существует два вида анализа: можно в процессе анализа механически расчленять в теории части организма на множество элементов, составлявших единое целое; но можно также разъединять и выделять элементы лишь для того, чтобы увидеть в результате объективную необходимость их совместного действия ради конечного результата, и только такой анализ представляет ценность для понимания истории.

Теперь получило широкое распространение мнение, что современный социализм является естественным, а следовательно — неизбежным продуктом истории нашего времени. Его политическое действие, которое может быть медленным и происходить с задержками, но уже не сможет в будущем прекратиться, началось, несомненно, с Интернационала. Однако Манифест предшествовал ему. Содержащееся в нем учение — это прежде всего свет теории, направленный на пролетарское движение (которое, впрочем, родилось и продолжает рождаться независимо от влияния какого-либо учения). Но это учение представляет собой и нечто большее. Критический коммунизм возникает лишь в тот момент, когда пролетарское движение не только является результатом определенных общественных условий, но и обладает уже достаточной силой, чтобы понять, что эти условия можно изменить, и предвидеть, какими средствами и в каком направлении они могут быть изменены. Недостаточно было установить, что социализм является продуктом истории; следовало еще понять, какова его сущность и к чему приведет его развитие. Выяснение того, что пролетариат, будучи неизбежным продуктом современного общества, призван стать преемником буржуазии, быть созидательной силой нового общественного строя, в котором должны будут исчезнуть классовые противоречия, делает Манифест знаменательным явлением общего исторического процесса. Он является откровением, но не подобным апокалипсису или обещанию тысячелетнего царства божия на земле, а научным и глубоко продуманным открытием пути, по которому следует наше *гражданское общество* (да простит мне тень Фурье!). Это откровение по способу своего выражения явилось решительным и, я бы сказал, даже грозным высказыванием того, кто в самом факте усматривает его необходимость.

Так Манифест раскрывает перед нами внутреннюю историю своего происхождения, которое в то же время позволяет понять провозглашаемое им учение и объясняет причины его необычайного влияния и удивительной силы воздействия. Не вдаваясь в подробности, мы приводим здесь лишь в их сочетаниях те элементы, которые, будучи собраны воедино и преобразованы в таком сжатом и убедительном синтезе, представляют ядро всего последующего развития научного социализма.

* * *

Ближайший, непосредственный и наглядный материал дают Франция и Англия, где после 1830 года на политической арене появилось уже рабочее движение, порой сливавшееся с другими революционными движениями, порой обособлявшееся от них. Оно развивалось от одного полюса — стихийного возмущения — к другому — деятельности политической партии, ставящей перед собой практические задачи (например, чартизм и социал-демократия), — и породило различные преходящие и быстро сходящие на нет формы коммунизма или полукоммунизма, т. е. того, что тогда называли социализмом.

Для того чтобы распознать в таких движениях уже не мимолетное явление — беспорядки, появляющиеся и исчезающие с быстротой метеоров, а новый фактор в развитии общества, необходима была теория, которая не представляла бы собой ни простого дополнения к демократической традиции, ни субъективного исправления уже обнаруженных недостатков экономики, покоящейся на конкуренции: и то и другое находило тогда, как известно, множество сторонников и глашатаев. И эта новая теория была творением двух людей — Маркса и Энгельса. Они лишили идею исторического становления в процессе борьбы противоречий той абстрактной формы, которую придала ей диалектика Гегеля, уже обрисовавшая ее в главных чертах и наиболее общих аспектах, и применили эту идею к конкретному объяснению борьбы классов. В том историческом движении, которое ранее казалось переходом от одной формы мышления к другой, они впервые увидели переход от одной формы социальной анатомии, лежащей в основе общества, к другой, т. е. от одного способа экономического производства к другому.

Эта историческая концепция возвела в теорию необходимость *новой социальной революции*, более или менее отчетливо выраженную и в инстинктивном сознании пролетариата, и в его бурных стихийных выступлениях; признавая внутреннюю, имманентную необходимость революции, она тем самым изменила понимание революции. Все то, что казалось тайным заговорщическим обществам возможным как нечто, зависящее от их воли и намерений и создаваемое по собственному усмотрению, превращалось в процесс, которому можно было лишь содействовать, ока-

зывать поддержку и помощь. Революция становилась объектом политики, которая развертывается в условиях, определяемых сложным характером общественной жизни; она становилась, следовательно, целью, которой пролетариат должен достигнуть, используя разные формы борьбы и разные организационные средства, еще не известные старой тактике восстаний. Ибо пролетариат является не придатком, не подпорой, не наростом и злом, которое можно устранить из общества, в котором мы живем, а его субстратом, его существенным условием, неизбежным продуктом и в свою очередь причиной, сохраняющей само общество и поддерживающей его существование. Таким образом, пролетариат может освободиться, лишь освобождая в то же время весь мир, т. е. полностью революционизируя способ производства.

Подобно тому как «Союз справедливых» превратился в «Союз коммунистов», освободившись вскоре после неудачного восстания Барбеса и Бланки (1839 год) от символических и заговорщических форм организации и постепенно обращаясь к методам политической пропаганды и деятельности, так и новое учение, которое сам «Союз коммунистов» принял и освоил, постепенно одержало верх над идеями, вдохновлявшими заговорщическую деятельность, и признало завершением, объективным результатом процесса то, что заговорщики считали возможным как кульминационную точку заранее обдуманного ими плана или эманацию и проявление их героизма.

* * *

Отсюда ведет свое начало новая восходящая линия в ходе событий, иного рода связь между концепциями и доктринами.

Заговорщический коммунизм, или бланкизм, той эпохи ведет нас, через Буонаротти и отчасти через Базара и карбонариев, к заговору Бабёфа, подлинного героя античной трагедии. Бабёф пришел в столкновение с судьбой, ибо его цели, хотя он и не понимал этого, не соответствовали экономическим условиям того времени, которые еще не могли выдвинуть на политическую сцену пролетариат, обладающий ясным классовым самосознанием. От Бабёфа, через некоторых менее известных деятелей якобинского периода, далее — через Буасселя и Фоше, заговорщиче-

ский коммунизм восходит к созерцательному Морелли, непостоянному и гениальному Мабли и, если угодно, к хаотическому «Завещанию» священника Мелье — неистовому бунту здравого смысла против грубого угнетения бедного крестьянина.

Все эти предтечи бурно протестующего, заговорщического социализма были сторонниками эгалитаризма, подобно тому как сторонниками эгалитаризма были в большей своей части сами заговорщики. Вследствие своеобразного, но неизбежного заблуждения все они сделали орудием своей борьбы ту самую доктрину равенства (правда, давая ей прямо противоположное толкование и обобщение), которая, будучи развита в виде *естественного права* параллельно с формированием экономической теории, стала орудием в руках буржуазии, постепенно завоевывающей свое современное положение и превратившей общество, основанное на привилегиях, в общество, покоящееся на либерализме, свободе торговли и кодексе гражданского права *. Исходя из непосредственного заключения, представлявшего собой по существу простую иллюзию, а именно — из того, что, поскольку все люди по своей природе равны, они должны быть равны и в потреблении, сторонники эгалитаризма верили, что обращение к разуму заключает в себе все элементы убеждения и силу пропаганды и что внезапный, быстрый и насильственный захват внешних орудий политической власти является единственным средством образумить сопротивляющихся.

Но как произошли и как продолжают существовать эти виды неравенства, которые кажутся столь неразумными в свете такой несложной и упрощенной идеи справедливости? Манифест выступил как решительное отрицание принципа равенства, понимаемого так наивно и примитивно. Возвещая неизбежность уничтожения классов в будущем строе коллективного производства, он дает вместе с тем объяснение причин существования этих классов,

---

* В последние годы появилось много юристов, которые пытаются найти во внесении поправок к *Кодексу гражданского права* практическое средство улучшить положение пролетариата. Почему же они не требуют у папы, чтобы он возглавил Союз свободных мыслителей? Из этих юристов более всего поражает тот итальянский писатель, который, занявшись недавно классовой борьбой, настаивает на том, чтобы наряду с кодексом, гарантирующим права капитала, был создан другой кодекс — с целью охраны прав труда!

их возникновения и становления, показывая, что образование классов представляет собой не исключение или нарушение какого-то абстрактного принципа, а сам исторический процесс.

Подобно тому как существование современного пролетариата предполагает существование буржуазии, точно так же последняя не может жить без него. Как пролетариат, так и буржуазия являются продуктом процесса развития, который целиком покоится на новом способе производства средств существования, т. е. целиком покоится на способе экономического производства. Буржуазное общество вышло из недр феодального и цехового общества, путем борьбы революционизируя то, что оно застало, чтобы овладеть орудиями и средствами производства, использование которых позднее ведет к образованию, увеличению, воспроизводству и умножению капитала. Тот, кто описывает происхождение и различные фазы роста буржуазии, отмечает ее успехи в гигантском развитии техники и завоевании мирового рынка, показывает политические преобразования, которые следовали за этими завоеваниями и являлись их выражением, результатом и защитой,— тот пишет в то же самое время историю пролетариата. Последний, в настоящем его положении, неотделим от эпохи буржуазного общества, и он проходил, проходит и будет проходить в своем развитии столько же фаз, сколько и само буржуазное общество до момента его гибели. Противоположность между богатыми и бедными, людьми, наслаждающимися жизнью и страдающими, угнетателями и угнетаемыми не является чем-то случайным и легко устранимым, как это казалось некогда восторженным ревнителям справедливости. Более того, такая противоположность неизбежна при господствующем принципе современного способа производства, делающем наемный труд необходимостью. Необходимость эта двоякого рода. Капитал может овладеть производством, лишь пролетаризируя мелких собственников, и он в состоянии продолжать свое существование, приносить доход, аккумулироваться, возрастать и переходить из одной формы в другую только при условии найма тех, кого он превратил в пролетариев. А последние, в свою очередь, могут существовать и продолжать свой род лишь при условии, если они продают себя за заработную плату как рабочую силу, которой владельцы капитала могут распоряжаться по сво-

ему усмотрению, т. е. к своей выгоде. Гармония между капиталом и трудом всецело заключается в том, что труд является той живой силой, с помощью которой пролетариат постоянно приводит в движение и воспроизводит во все возрастающем объеме труд, аккумулированный в капитале. Эта связь — результат развития, составляющего всю внутреннюю сущность современной истории,— дает ключ к пониманию подлинной причины происходящей в настоящее время борьбы классов, выражением которой стала идея коммунизма. С другой стороны, характер этой связи таков, что никакой протест, основанный на чувствах, никакие доводы, базирующиеся на представлении о справедливости, не в состоянии расторгнуть или разрушить ее.

По этим причинам, изложенным мною, как я надеюсь, в достаточно доступной форме, эгалитарный коммунизм остался побежденным. Его практическое бессилие сочеталось с теоретической неспособностью разобраться в причинах несправедливости, т. е. неравенства, которое он хотел без раздумий низвергнуть и уничтожить одним молниеносным ударом.

* * *

Начиная с этого момента, главной задачей теоретиков коммунизма стало понимание истории. Разве можно было отныне когда-либо еще противопоставлять суровой исторической действительности горячо желанный, пусть даже наиболее совершенный идеал? Теперь уже никто не может утверждать, что коммунизм является естественным и необходимым состоянием человеческой жизни во все времена и во всех странах, в сравнении с которым весь ход развития исторических формаций должен представляться как ряд отклонений и заблуждений. К коммунизму не идут и к нему не возвращаются путем спартанского отречения или христианского смирения. Он может быть, более того — должен быть и будет следствием распада капиталистического общества. Но распад нельзя искусственно привить капиталистическому обществу или внести в него ab extra [извне]. Оно распадется из-за своей собственной тяжести, как сказал бы Макиавелли. Оно погибнет как способ производства, который сам, в своих собственных недрах порождает постоянное и прогрессирующее возмущение

производительных сил против производственных (юридических и политических) отношений. А пока оно еще продолжает существовать, развиваясь лишь за счет конкуренции, порождающей кризисы, и головокружительного расширения сферы своей деятельности; это и есть внутренние предпосылки его неизбежной гибели. Смерть социальной формы, так же как это имеет место в другой отрасли науки в отношении естественной смерти, стала физиологической закономерностью.

Манифест не нарисовал картину будущего общества, да и не должен был ее давать. Он говорил о том, как придет к распаду современное общество вследствие все более быстрого развертывания его имманентных сил. Для того чтобы понять это, следовало прежде всего осветить ход развития буржуазии, что и было сделано в Манифесте в виде беглых набросков, которые представляют собой образец философии истории и могут быть исправлены, дополнены, а главным образом — развиты далее, но не допускают исправления по существу *.

Теория, поднятая на такую высоту, подтвердила правоту Сен-Симона и Фурье, хотя их идеи не были воспроизведены, а ход их рассуждений — повторен. Будучи идеологами, они, обладая благодаря своей гениальности даром предвосхищения, мысленно вышли за пределы либеральной эпохи, кульминационным пунктом которой в их поле зрения была Великая французская революция. Сен-Симон поставил в своем толковании истории экономику на место права, а социальную физику — на место политики и, несмотря на множество идеалистических и позитивистских колебаний, почти открыл происхождение *третьего сословия.* Фурье, не зная частностей, или вообще еще неизвестных или же оставленных им без внимания, и обладая плодовитым, но недисциплинированным умом, выдумал длинный ряд последовательных исторических эпох, которые неотчетливо различались между собой по некоторым признакам положенного им в основу руководящего принципа — существовавшего в эти эпохи способа производства и распределения. Вслед за тем он решил построить такое общество, в котором исчезли бы существующие в

* Таким развитием этих мыслей является «Капитал» Маркса, который я не колеблюсь назвать в данном аспекте *философией истории.*

настоящее время противоречия. Среди таких противоречий он с гениальной проницательностью обнаружил и сделал главным предметом своего тщательного исследования порочный круг производства. В этом он сходится, сам того не зная, с Сисмонди, который в то же время, с другими намерениями и иными путями, указывая на кризисы и изобличая отрицательные стороны крупной промышленности и безжалостной конкуренции, робко возвестил крушение едва только созданной экономической науки. С высоты безмятежного созерцания покоящегося на гармонии будущего мира Фурье взирал со спокойным пренебрежением на бедствия человечества периода цивилизации и бесстрастно написал сатиру на историю. Как Сен-Симон, так и Фурье, являясь теоретиками, не имели понятия о той жестокой борьбе, которую придется выдержать пролетариату, прежде чем он сможет положить конец эпохе эксплуатации и классовых противоречий; ощущая субъективную потребность придать завершенность своей концепции, один из них стал сочинителем проектов, а другой — утопистом *.

Но благодаря своей способности предвидения они уловили некоторые важные стороны руководящих принципов общества, свободного от противоречий. Сен-Симон ясно постиг техническую организацию управления обществом, где не будет господства человека над человеком; Фурье наряду со столь многими причудливыми порождениями своей богатой и необузданной фантазии угадал и предсказал немало существенных сторон психологии и педагогики будущего общества, в котором, по выражению Манифеста, *свободное развитие каждого является условием свободного развития всех.*

Ко времени появления Манифеста сен-симонизм уже исчез. Фурьеризм же, напротив, процветал во Франции, но, в силу своей природы,— не как партия, а как школа. Когда эта школа попыталась осуществить свою утопию при помощи закона, парижские пролетарии уже были разбиты в июньские дни той буржуазией, которая своей победой подготовила господство над собой крупнейшего авантюриста, продлившееся двадцать лет.

---

* Я готов согласиться с Антоном Менгером, что Сен-Симон не был фактически утопистом, подобно Фурье и Оуэну — типичным и классическим утопистам.

* * *

Новое учение критического коммунизма появилось на свет не как выражение мнения политической школы, а как обещание, угроза и воля партии. Ее творцы и приверженцы не жили фантастическими проектами устройства будущего общества; их ум был поглощен опытом и потребностями настоящего. Они олицетворяли сознание пролетариев, инстинкт которых, еще не подкрепленный опытом, толкал их в Париже и Англии на свержение господства буржуазии путем стремительных выступлений, не направляемых обдуманной тактикой. Коммунисты распространяли революционные идеи в Германии, выступили на защиту жертв июньских событий и имели в «Новой рейнской газете» («Neue Rheinische Zeitung») [7] политический орган, выдержки из которого, вновь публикуемые ныне то в одном, то в другом месте, даже по истечении стольких лет многому учат нас *.

Как только исчезла та историческая ситуация, которая выдвинула в 1848 году пролетариат на передний план политической сцены, учение Манифеста утратило как свою опору, так и почву для распространения. Понадобилось время, чтобы оно снова получило распространение, ибо потребовалось много лет, прежде чем пролетариат смог вновь появиться, другими путями и с помощью других методов, на сцене в качестве политической силы и сделать это учение своим теоретическим руководством и своим ориентиром.

Но с того дня, когда это учение появилось, оно уже заранее означало критику вульгарного социализма *(socialismus vulgaris)*, который процветал в Европе, особенно во Франции, начиная с момента государственного переворота и вплоть до создания Интернационала. Впрочем, Интернационал за свою короткую жизнь не имел времени его победить и полностью устранить. Этот вульгарный социализм питался,— когда у него не было ничего другого, более бессвязного и непоследовательного,— главным образом доктринами и в еще большей степени пара-

* Благодаря содействию Берлинского партийного архива (Partei Archiv) я имел в течение нескольких месяцев в своем распоряжении полный комплект этой газеты, которую нигде нельзя найти.

доксами Прудона, который, будучи давно уже разбит теоретически Марксом *, на практике потерпел поражение лишь во время Коммуны, когда его последователи благодаря спасительному уроку, преподанному им реальной действительностью, были вынуждены действовать наперекор своим собственным доктринам и доктринам своего учителя.

С самого момента своего появления новое коммунистическое учение заключало в себе скрытую критику всех форм *государственного социализма*, от Луи Блана до Лассаля. Государственный социализм, хотя он и смешивался тогда с революционными тенденциями, всецело сводился к пустому вымыслу, к магической формуле *права на труд*. Это коварная формула, если в ней кроется требование, обращенное к правительству, пусть даже правительству революционной буржуазии. Это экономический абсурд, если таким образом намереваются уничтожить меняющуюся в своих размерах безработицу, которая влияет на колебания заработной платы, т. е. на условия конкуренции. Эта формула может быть искусным приемом политиканов, если требуется найти способ утихомирить волнения возмущенной массы неорганизованных пролетариев. Это теоретическое положение, излишнее для тех, кто ясно постигает грядущий ход победоносной пролетарской революции, которая неизбежно должна привести к обобществлению средств производства путем их захвата; иными словами — она неизбежно должна привести к такому экономическому строю, где не будет ни товаров, ни наемного труда и где право на труд и обязанность трудиться сольются воедино, в общую потребность трудиться для всех.

Мираж права на труд рассеялся в дни июньской трагедии. Происходившая позднее парламентская дискуссия по этому вопросу была лишь пародией. Слезливый и склонный к риторике Ламартин, этот человек, ставший великим по воле случая, получил возможность изречь предпоследнюю или последнюю из своих знаменитых фраз: «Катастрофы — это опыт народов». Эти слова в достаточной мере отразили иронию истории.

---

* *Карл Маркс.* Нищета философии, Париж и Брюссель, 1847 (Misère de la Philosophie par *Karl Marx,* Paris et Bruxelles, 1847).

* * *

Несмотря на краткость Манифеста и его стиль, абсолютно чуждый риторической вкрадчивости религии и верования; несмотря на то, что он впервые свел к постигнутой им единой системе множество идей, являвшихся сгустком разнообразных мыслей и средоточием зародышей, способных к интенсивному развитию,— тем не менее он не был ни сводом законов социализма, ни катехизисом критического коммунизма, ни кратким справочником пролетарской революции, да и не претендовал на это. Что же касается квинт-эссенции социализма, то мы вполне можем предоставить ее знаменитому Шеффле, которому мы весьма охотно уступаем также пресловутую фразу: «Социальный вопрос есть вопрос желудка» [8]. Брюшко Шеффле в течение длительного времени являло собой миру прекрасное зрелище, на радость многим дилетантам социализма и на утешение многим полицейским. В действительности же критический коммунизм только начинает свое существование с появлением Манифеста: он нуждался в дальнейшем развитии, и он в самом деле развивался.

Теоретические положения в их совокупности, которые ныне принято называть марксизмом, достигли своей зрелости лишь в 1860—1870 годах. Небольшая книжка * «Наемный труд и капитал», в которой Маркс впервые в точных выражениях показывает, как путем покупки и потребления товара — наемного труда создается продукт, стоимость которого превышает стоимость самого наемного труда, что составляет ядро проблемы прибавочной стоимости,— несомненно, сильно отличается от развернутых, сложных и многосторонне разработанных положений «Капитала». Последний дает в исчерпывающей форме генезис буржуазной эпохи, со всей полнотой обрисовывая ее внутреннюю экономическую структуру; духовно «Капитал» далеко опережает буржуазную эпоху, поскольку разъясняет пути ее развития, присущие ей особые законы

* Я говорю — небольшая книжка, имея в виду форму, которую придали этому произведению в целях пропаганды в 1884 году. Первоначально она была опубликована в «Новой рейнской газете» («Neue Rheinische Zeitung») в апреле 1849 года в виде статей, воспроизводивших лекции, прочитанные Марксом в «Брюссельском немецком рабочем обществе» в 1847 году.

и те противоречия, которые она органически порождает и которые органически ведут к ее распаду.

Такое же различие существует между пролетарским движением, потерпевшим поражение в 1848 году, и пролетарским движением в наши дни, которое, преодолевая, после того как оно вновь поднялось на поверхность политической жизни, многочисленные трудности, стало развиваться стойко и неуклонно, но с продуманной неторопливостью. Еще несколько лет тому назад этот упорядоченный характер поступательного движения пролетариата наблюдался и вызывал восхищение только в Германии, где социал-демократия переживала, начиная с конгресса рабочих обществ в Нюрнберге в 1868 году, процесс нормального и постоянного роста, подобно дереву, посаженному на подходящую для него почву. Но позднее это явление повторилось в разных формах и в других странах.

Однако не означает ли, как заявляют многие, это широкое развитие марксизма и рост пролетарского движения в строго размеренных формах политической деятельности — ослабления воинственного характера первоначальной формы критического коммунизма? Нет ли тут перехода от революции к так называемой эволюции или даже подчинения революционного духа требованиям реформизма?

Подобные рассуждения и возражения возникали и постоянно возникают как у наиболее пылких и экзальтированных социалистов, так и у противников социализма, которые стремятся обобщать частные случаи неудач, остановок движения и промедлений, чтобы подкрепить свое утверждение, будто бы коммунизм не имеет никакой будущности.

* * *

Тот, кто сравнивает многообразный и сложный ход развития современного пролетарского движения с тем впечатлением, которое должен произвести Манифест, если его читать, не располагая другими познаниями,— может легко поверить, что в спокойной отваге коммунистов, выступавших пятьдесят лет тому назад, есть что-то слишком юношеское и скороспелое. В их словах звучит боевой клич, слышатся отголоски красноречия некоторых чартистских ораторов; они как бы возвещают новый девяносто третий

год, но такой, который не повлечет за собой нового Термидора [9].

А между тем Термидор повторялся в мире много раз, в различных, то более или менее отчетливо выраженных, то скрытых формах. Начиная с 1848 года его вдохновителями были французские экс-радикалы, итальянские экспатриоты, немецкие бюрократы, поклоняющиеся в теории божеству — государству и являющиеся на практике верными слугами божества денег, английские парламентарии, искушенные в уловках и хитростях искусства управления, даже полицейские под маской чикагских анархистов и т. п. Отсюда — многочисленные протесты против социализма и раздающиеся с разных сторон утверждения пессимистов и оптимистов, доказывающих невозможность его успеха. Многим представляется, что созвездию Термидора не суждено более исчезнуть с неба истории, т. е., если выражаться прозаически, что либерализм, представляющий собой общество, где все равны лишь перед законом, является крайним пределом эволюции человечества и за этой гранью возможно только движение вспять. К этому мнению с готовностью присоединяются те, кто видит в последовательном распространении буржуазного строя на весь мир единственный смысл и цель всякого прогресса. Являются ли они оптимистами или пессимистами — все они усматривают в этом строе геркулесовы столбы человеческого рода. Нередко случается, что многие из тех, кто умножает наряду с другими деклассированными элементами ряды анархистов, бессознательно испытывают на себе воздействие такого убеждения в его пессимистической форме.

Далее, имеются и такие, которые идут дальше и пускаются в теоретические рассуждения относительно объективной невероятности осуществления задач, поставленных перед собой критическим коммунизмом. Утверждение Манифеста, что сведение всех видов классовой борьбы к единому чревато необходимостью пролетарской революции, кажется этим любителям теоретической полемики ошибочным по существу. Наше учение якобы бездоказательно, так как оно претендует на выведение научного заключения и правил практического поведения из основанного на рассуждениях предвидения факта, лишь предполагаемого и представляющего собой, по мнению этих добреньких и миролюбиво настроенных оппонентов, чисто

теоретическую ступень развития, которую можно отодвигать и отсрочивать до бесконечности. Они полагают, что неизбежное, последнее и решающее столкновение между производительными силами и производственными отношениями, о котором заявляют коммунисты, никогда не произойдет, так как в действительности все сводится к бесчисленным отдельным конфликтам, которые дополняются частными коллизиями, вызванными экономической конкуренцией; вдобавок его задерживают и ему препятствуют ухищрения и насильственные меры, искусно применяемые правительством. Иначе говоря, современное общество, вместо того чтобы дать трещину и подвергнуться распаду, будет якобы вечно снова и снова исправлять свои недостатки. Всякое пролетарское движение, если оно не будет подавлено силой, как в июне 1848 года или в мае 1871 года[10], прекратится, по их мнению, само собой от медленного истощения, как это произошло с чартизмом, который выродился в тред-юнионизм, ставший главным козырем этого метода аргументации, честью и предметом хвастовства вульгарных экономистов и горе-социологов. Всякое современное пролетарское движение является по своему характеру не органическим, а чем-то вроде появившегося извне метеора, не естественным процессом развития, а нарушением нормального хода вещей, а мы, по мнению подобных критиков, поневоле по-прежнему остаемся *утопистами.*

* * *

Историческое предвидение, которое лежит в основе учения Манифеста и которое критический коммунизм впоследствии развил и сделал более определенным посредством весьма разностороннего и обстоятельного анализа современного мира, отличалось, несомненно, в силу обстановки, в которой оно впервые появилось, боевым духом и было выражено в очень резкой форме. Но оно не содержало, как не содержит и по сей день, указаний хронологического порядка и описаний, предвосхищающих социальную структуру будущего общества, что являлось и является характерной особенностью всех древних и новых пророчеств и откровений.

Героический фра Дольчино не восстал[11] еще раз, чтобы вознести над землей, во исполнение пророчества Иоахима Флорского, боевой клич. В Мюнстере[12] не праздно-

вали снова возрождение царства Иерусалимского. Не существовало более ни таборитов [13], ни милленариев [14]. Не было более Фурье, который поджидал у себя (chez soi) на протяжении многих лет в определенный час «кандидата человечества». Более не повторялось случая, когда человек, решивший положить начало новой жизни, приступал один к созданию придуманными средствами, односторонним и искусственным способом первого ядра ассоциации, имевшей своей целью переделать человека подобно тому, как из ростка выращивают дерево. Именно так обстояло дело с Беллерсом, затем Оуэном, Кабе и, наконец, фурьеристами, чье начинание в Техасе было катастрофой, даже могилой утопизма, на которой красовалась своеобразная эпитафия: молчание Консидерана, сменившее его пылкое красноречие. Здесь нет более секты, которая, следуя правилам религиозного воздержания, робко и стыдливо удалилась бы из мира, чтобы поклоняться в узком кругу совершенному идеалу общности имущества, как это происходило начиная с секты фратичелли [15] и до социалистических колоний в Америке.

Напротив, здесь, в учении критического коммунизма,— все общество раскрывает в известный момент процесса развития причину своего неотвратимого движения и на самом крутом повороте пути приходит к познанию самого себя, возвещая о законах этого движения. Предвидение, впервые высказанное в самых общих чертах в Манифесте, не содержало каких-либо хронологических указаний; оно не было ни пророчеством, ни обещанием; это было, если употребить слово, кратко выражающее, по моему мнению, всю сущность,— предвидение *морфологическое.*

* * *

Внизу, под покровом шума и блеска страстей, среди которых обычно протекает наша повседневная жизнь, по ту сторону видимых актов целеустремленной человеческой воли, которые находятся в поле зрения повествующих о них хронистов и историков, вне юридического и политического аппарата нашего гражданского общества, далеко позади за представлениями о жизни, порождаемыми религией и искусством, находится и постоянно остается, изменяется и преобразуется первичная структура общества,

на которой покоится все остальное. Анатомическим исследованием этой лежащей в основе структуры является экономическая наука. А поскольку человеческое общество неоднократно менялось, частично или полностью, как в своих внешних, видимых формах, так и в своих идеологических, религиозных, художественных и прочих подобных проявлениях,— необходимо прежде всего отыскать основание и причину таких перемен (о которых нам обычно рассказывают историки) в более скрытых и на первый взгляд менее заметных изменениях экономических процессов этой лежащей в основе структуры. Иными словами, следует обратиться к изучению различий между разными способами производства, когда речь идет об исторических эпохах, четко отличающихся одна от другой, об исторических эпохах в собственном смысле этого слова. Там, где речь идет об объяснении того, почему один способ производства следует за другим, т. е. сменяет его, нужно исследовать причины ослабления и разрушения гибнущей формы. Наконец, когда хотят понять какой-либо конкретный и определенный исторический факт, надо изучить и объяснить трения и противоречия, порождаемые противостоящими друг другу течениями (а именно — классами, их прослойками и переплетениями тех и других), которые образуют определенное устройство общества.

Когда Манифест заявил, что вся история до сих пор была историей борьбы классов и что в этом заключалась причина всех революций, а равным образом — всех движений вспять, он выполнил одновременно две задачи: дал коммунизму элементы нового учения и коммунистам — руководящую нить для того, чтобы выявить среди запутанных событий политической жизни условия лежащего в ее основе экономического развития.

За истекшие с тех пор пятьдесят лет предвидение *новой исторической эпохи*, сделанное в самых общих чертах, превратилось для социалистов в тонкое искусство понимать, как подобает и надлежит поступать в каждом отдельном случае, ибо эта новая эра сама находится в состоянии непрерывного формирования. Коммунизм стал искусством, так как пролетарии превратились или начали превращаться в политическую партию. Революционный дух воплощается теперь в пролетарской организации. Столь желанное объединение коммунистов с пролетарским движением стало наконец свершившимся фактом. Эти

пятьдесят лет показывают с возрастающей убедительностью все более усиливающееся возмущение производительных сил против производственных отношений.

Мы, *утописты,* не можем дать другого ответа, кроме этого наглядного урока, преподанного реальной действительностью тем, кто все еще говорит о подобных появлению метеоров беспорядках, которые, по их мнению, целиком растворятся в спокойствии этой непреодолимой и непревзойденной эпохи человеческой цивилизации. И этого урока будет достаточно.

* * *

Одиннадцать лет спустя после опубликования Манифеста Маркс выразил в четкой и ясной форме руководящие принципы материалистического понимания истории в предисловии к книге, которая по существу является введением к «Капиталу» *. Приведем отрывок из этого предисловия.

«Первой работой, предпринятой для разрешения обуревавших меня сомнений, был критический пересмотр гегелевской философии права; введение к этой работе появилось в изданном в 1844 г. в Париже «Немецко-французском Ежегоднике». Мои исследования привели меня к тому результату, что правовые отношения, так же точно как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру англичан и французов XVIII века, называет «гражданским обществом», и что анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии. Начатое мною в Париже изучение этой последней я продолжал в Брюсселе, куда я переселился вследствие приказа г. Гизо о моей высылке из Парижа. Общий результат, к которому я пришел и который послужил затем руководящей нитью во всех моих дальнейших исследованиях, можно кратко формулировать следующим образом. В общественном производстве своей жизни люди вступают

---

* «Zur Kritik der politischen Oekonomie», Berlin, 1859, стр. IV—VI предисловия (см. *К. Маркс.* К критике политической экономии, Госполитиздат, 1953, стр. 6—8).

в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что́ является только юридическим выражением этого — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественнонаучной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче: от идеологических форм, в которых люди сознают этот конфликт и борются с ним. Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что́ сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями. Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые, высшие производительные силы никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в лоне самого́ старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает

лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже существуют или, по крайней мере, находятся в процессе становления. В общих чертах азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации. Буржуазные производственные отношения, это — последняя антагонистическая форма общественного процесса производства, антагонистическая не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Этой общественной формацией завершается поэтому предыстория человеческого общества».

За несколько лет до того, как Маркс писал эти строки, он ушел с политической арены и вернулся на нее позднее, во времена Интернационала. В Италии, Австрии, Венгрии и Германии реакция нанесла поражение революции патриотического, либерального, или демократического характера. В то же самое время буржуазия в свою очередь нанесла поражение пролетариям Франции и Англии. Сразу исчезли условия, необходимые для развития демократического и пролетарского движения.

Группировавшийся вокруг Манифеста отряд коммунистов (разумеется, не очень многочисленный), который принимал участие в революции, а затем во всех актах народного сопротивления и во всех народных выступлениях, направленных против реакции, увидел, что памятный кёльнский процесс [16] окончательно подорвал его деятельность. Уцелевшие участники движения пытались возобновить эту деятельность в Лондоне; однако вскоре Маркс, Энгельс и некоторые другие коммунисты отошли от сторонников немедленных революционных действий и от непосредственной деятельности. Кризис миновал. Наступила длительная передышка. Показателем этого было медленное исчезновение чартистского движения в стране, которая представляла собой позвоночник капиталистической системы. На короткое время история развеяла иллюзии революционеров.

Прежде чем посвятить себя почти целиком детальному развитию уже открытых им элементов критики политической экономии, Маркс осветил в ряде работ историю рево-

люционного периода 1848—1850 годов, и в особенности — борьбы классов во Франции, подтвердив таким образом фактами, что неудача революции в принятых ею в тот момент формах отнюдь не опровергает истинности революционной концепции истории *.

Идеи, общие контуры которых были едва намечены в Манифесте, были теперь изложены в развернутом виде.

Несколько позднее произведение, озаглавленное «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» **, явилось первой попыткой применить новую концепцию истории к изложению ряда событий, развернувшихся на протяжении определенного, четко отграниченного отрезка времени. Разумеется, переход от кажущегося исторического движения к реальному движению с целью раскрытия внутренней связи между ними сопряжен с немалыми трудностями. Иными словами, надо преодолеть большие трудности, переходя от проявлений общественных страстей, выступлений ораторов, парламентских, выборных и тому подобных дел — к внутреннему социальному механизму, для того чтобы обнаружить там разнообразные интересы крупных и мелких буржуа, крестьян, ремесленников и рабочих, священников и солдат, банкиров, ростовщиков и люмпен-пролетариата и дать истолкование этим интересам, которые, действуя сознательно или бессознательно, сталкиваются между собой, вытесняют друг друга, образуют комбинации или растворяются в дисгармоничной жизни цивилизованного общества.

Кризис миновал, причем миновал именно в странах, послуживших исторической почвой, на которой вырос критический коммунизм. Все, что могли сделать критические коммунисты,— это понять скрытые экономические причины реакции, ибо в тот момент понять реакцию означало продолжить дело революции. То же самое произошло — при других условиях и в иных формах — два-

* Эти статьи, появившиеся в журнале «Новая рейнская газета, Политико-экономическое обозрение» («Neue Rheinische Zeitung, Politisch-ökonomische Revue»), Гамбург, 1850, были недавно объединены Энгельсом (Берлин, 1895) в одну брошюру под названием «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», которой было предпослано введение Энгельса.

** Это произведение Маркса впервые было напечатано в Нью-Йорке в 1852 году в журнале. Впоследствии много раз публиковалось в Германии. Теперь его можно прочесть и по-французски — Lille, 1891, ed. Delory.

дцать лет спустя, когда Маркс выступил в своем произведении «Гражданская война во Франции» от имени Интернационала в защиту Коммуны, в то же время объективно ее критикуя.

Героическое самоотречение, которое проявил Маркс своим уходом после 1850 года с политической арены, было проявлено им снова, когда он отошел после Гаагского конгресса 1872 года от Интернационала *. Эти два факта могут заинтересовать биографов Маркса, так как они позволяют понять его характер, в котором фактически составляли нераздельное целое убеждения, темперамент, политика и мысль. Но для нас эти два частных факта имеют более широкое и важное значение. Критический коммунизм не фабрикует революций, не подготовляет восстаний и не вооружает мятежников. Он действительно составляет нечто единое с пролетарским движением, но он рассматривает и поддерживает это движение, всецело осознавая ту связь, которую оно имеет или может и должно иметь со всем комплексом отношений общественной жизни. Итак, критический коммунизм — не семинарий, в котором обучаются полководцы штаба пролетарской революции, а только понимание этой революции, и прежде всего — при определенных обстоятельствах — понимание ее трудностей.

* * *

За последние тридцать лет пролетарское движение добилось огромных успехов. Преодолевая множество трудностей, то продвигаясь вперед, то отступая, оно мало-помалу приняло политическую форму, используя методы, которые постепенно вырабатывались и медленно проверялись на практике. Коммунисты добились всего этого не путем магического действия своего учения, которое получило распространение и известность благодаря влиянию устного и печатного слова, обладающего силой убеждения.

---

* Маркс никогда не отходил от политической борьбы. Что касается отношения Маркса к Интернационалу после Гаагского конгресса, то об этом он сам высказался так: «Нет, я не ухожу из Интернационала, и остаток моей жизни, как и моя прежняя деятельность, будет посвящен торжеству социальных идей, которые, как мы в этом глубоко убеждены, рано или поздно приведут к господству пролетариата во всем мире» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XIII, ч. II, стр. 670).— *Ред.*

С самого начала коммунисты осознавали, что составляют крайнее левое крыло любого пролетарского движения. Однако, по мере того как последнее развивалось и специализировалось, необходимостью и в то же время обязанностью стало для них сообразовать программы и практическую деятельность партий с разнообразными условиями экономического развития и зависящей от него политической ситуации.

За пятьдесят лет, истекшие со времени опубликования Манифеста, в пролетарском движении появилось столько специфических и сложных явлений, что нет ныне ума, который смог бы все их охватить, вникнуть в их подлинные причины и отношения, понять их и объяснить. Единый Интернационал, существовавший в период с 1864 по 1873 год, выполнив свою задачу, которая заключалась в предварительном уравнении основных тенденций и идей, общих для всего пролетариата и необходимых ему, должен был исчезнуть, и никто не помышляет и никогда не сможет помыслить о воссоздании организации, сколько-нибудь сходной с ним.

Этой широкой специализации и усложнению пролетарского движения способствовали в первую очередь две причины. Во многих странах буржуазия почувствовала потребность ограничить в интересах самосохранения многие из тех злоупотреблений, которые были следствием впервые и очень быстро внедренной промышленной системы; это послужило причиной введения рабочего, или, как его иные высокопарно называют, социального законодательства. Та же самая буржуазия была вынуждена либо в целях самозащиты, либо под давлением обстоятельств улучшить во многих странах условия свободы и в особенности расширить избирательное право. Благодаря этим двум обстоятельствам, которые вовлекли пролетариат в сферу повседневной политической жизни, значительно увеличились возможности его движения. Приобретенные им таким образом ловкость и гибкость позволяют ему теперь бороться с буржуазией на арене предвыборных собраний и на трибуне парламента. И поскольку процесс развития вещей определяет процесс развития идей, постольку это многостороннее практическое развитие пролетариата, столь разнообразное по своим формам и взаимоотношениям, что никто уже не в состоянии охватить его взглядом и осмыслить целиком, вызвало соответствующее

постепенное развитие учения критического коммунизма в области понимания истории и понимания современной жизни, включая детальное описание даже самых мелких вопросов экономики. Короче говоря, коммунизм стал *наукой*, если применять этот термин с надлежащей осторожностью.

Однако, говорят настойчиво некоторые, нет ли во всем этом какого-то отклонения от простого и императивного учения Манифеста? Не потеряли ли мы, вторят им другие, в силе и ясности то, что выиграли в широте и сложности?

На мой взгляд, эти вопросы — следствие ошибочного понимания современного пролетарского движения и известного оптического обмана, ведущего к переоценке степени революционной энергии и революционной мощи движений того периода.

Какие бы уступки экономического характера ни делала буржуазия, будь то даже предельное уменьшение рабочего дня,— это никак не меняет того факта, что необходимость эксплуатации, на которой покоится весь современный социальный строй, имеет непреодолимые границы: за ними теряется смысл существования частнокапиталистического способа производства. Если какая-либо уступка может в настоящее время успокоить недовольство пролетариата, возникшее по тому или иному конкретному поводу, то сама эта уступка не может не пробудить стремления к другим, новым, все более значительным уступкам. Нужда в рабочем законодательстве, возникшая в Англии до чартистского движения и развившаяся позднее вместе с чартистским движением, привела к первым успехам в этой области в период, непосредственно следовавший за упадком самого чартизма. Принципы и основания подобного движения в связи с его внутренними причинами и следствиями были критически изучены Марксом в «Капитале» и перешли потом через Интернационал в программы социалистических партий. В заключение весь этот процесс, сосредоточившийся в требовании восьмичасового рабочего дня, превратился, с праздником Первого мая, в смотр сил международного пролетариата и средство оценить его достижения. С другой стороны, политическая борьба, в которую втянулся пролетариат, демократизирует его навыки, более того — порождает подлинную демократию, которая, если смотреть

вперед, уже не сможет приспособиться к современной форме политического строя (эта форма, являясь органом общества, основанного на эксплуатации, представляет собой бюрократическую иерархию, судейскую бюрократию, ассоциацию взаимопомощи капиталистов, милитаризм для защиты охранительных пошлин, постоянного получения процентов с государственного долга, земельной ренты и тому подобных прибылей на капитал в любом другом его виде). Следовательно, те два обстоятельства, которые, по мнению наших оппонентов — фанатиков и гиперкритиков, будто бы затягивают до бесконечности осуществление предвидений коммунизма, в действительности превращаются в новые средства и условия, подтверждающие эти предвидения. Те факторы, которые на первый взгляд приводят к отклонению от революции, в конечном счете обращаются в силы, ускоряющие революцию.

Далее, не следует преувеличивать значения надежд на революцию, питаемых коммунистами пятьдесят лет тому назад. Если у них, принимая во внимание политическую обстановку Европы того времени, и имелась такая вера — это была вера в то, что они являются предшественниками, и они в самом деле были ими; если они чего-то ожидали — это было ожидание, что политические условия Италии, Австрии, Венгрии, Германии и Польши приблизятся к современным, и это произошло позднее, по крайней мере — частично и другими путями; если у них и имелась надежда — это была надежда на то, что пролетарское движение во Франции и Англии будет развиваться дальше. Наступившая реакция смела прочь очень многое и направила по иной дороге или задержала многие движения, которые только лишь зарождались либо начинали развиваться. Но она вместе с тем смела с поля социализма старую революционную тактику,— а в последние годы была выработана новая тактика. В этом и заключаются все перемены *.

* * *

Манифест должен был стать, по замыслу его составителей, не чем иным, как первой руководящей нитью в

* В предисловии к цитированной книге «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» и в некоторых других работах Энгельс подробно останавливается на объективном развитии новой революционной тактики.

науке и практике, которые могли и должны были развить лишь годы и опыт. Он дает, так сказать, лишь схему и ритм общего хода пролетарского движения. В этом, несомненно, находит отражение то впечатление, которое произвел тогда на коммунистов опыт двух движений, пришедших как раз у них на глазах в упадок,— движения во Франции и особенно чартизма, пораженного параличом после того, как не состоялось массовое шествие 10 апреля 1848 года. Однако в такой схеме отсутствуют какие-либо умозрительные выводы, которые позднее обратились бы в категорически предписываемую боевую тактику: в самом деле, неоднократно бывали случаи, когда революционеры заранее облекали в форму катехизиса то, что могло явиться только простым результатом процесса развития событий.

Эта схема стала позднее более обширной и сложной благодаря расширению буржуазной системы, распространившейся в большей части света. Ритм движения стал более изменчивым и медленным именно потому, что рабочая масса выступила на сцену как настоящая политическая партия, что, изменяя методы и размах действия, изменяет тем самым и само движение.

Подобно тому как усовершенствование оружия и других средств обороны сделало нецелесообразной тактику бунтов, подобно тому как более сложное устройство современного государства показывает недостаточность внезапного захвата одной лишь городской ратуши, чтобы заставить целый народ признать волю и идеи меньшинства, пусть даже отважного и прогрессивного,— точно так же пролетарские массы, со своей стороны, не руководствуются более лозунгами немногочисленных вождей, не сообразуют своих движений с распоряжениями предводителей, которые в лучшем случае смогли бы создать на развалинах правительства, отражающего интересы определенного класса или клики, новое правительство того же рода. Пролетарские массы там, где они политически развиты, давали и дают сами себе демократическое воспитание. Они избирают своих представителей, обсуждают их действия и принимают после изучения их предложения, а также идеи, которые этим представителям удалось постигнуть и заранее предвидеть на основании исследований и научных изысканий. Пролетарские массы уже понимают или, по крайней мере, начинают понимать (в зависимости

от обстановки, существующей в соответствующих странах), что завоевание политической власти не должно, да и не может быть осуществлено другими, действующими от их имени, пусть даже это будет группа мужественных руководителей, а главное — что такое завоевание нельзя успешно совершить посредством внезапного нападения. Короче говоря, они, пролетарские массы, либо знают, либо начинают понимать, что диктатура пролетариата, которая должна будет подготовить обобществление средств производства, не может появиться на свет в результате бунта толпы, руководимой отдельными лицами, но должна быть и будет делом самого пролетариата, уже превратившегося вследствие самостоятельного развития и длительного практического опыта в политическую организацию.

За последние пятьдесят лет развитие и распространение буржуазной системы шли быстрыми темпами и приняли гигантские масштабы. Ныне это развитие разрушает старую святую Русь и создает не только в Америке, Австралии и Индии, но даже в Японии новые центры современного производства, усложняя таким образом условия конкуренции и запутанные взаимосвязи мирового рынка. Последствия политических изменений либо уже налицо, либо не заставят себя долго ждать. Столь же бурными и гигантскими являются успехи пролетариата. Его политическое воспитание приближает его с каждым днем еще на шаг к завоеванию политической власти. Возмущение производительных сил против способа производства, борьба живого труда против труда накопленного становятся с каждым днем все более и более очевидными. Буржуазный строй уже перешел к обороне и раскрывает свое состояние и свое положение весьма своеобразным противоречием: мирный промышленный мир превратился в громадный лагерь, в котором быстро растет милитаризм. Эпоха мирного развития промышленности превратилась по иронии судьбы в эпоху неустанного изобретения все новых и более мощных орудий войны и разрушения.

Социализм как учение одержал верх. Даже полусоциалисты, даже шарлатаны, загромождающие собой собрания и своими творениями — печать наших партий, нередко мешая нам,— это дань почтения, которую на свой лад приносят всякого рода тщеславие и честолюбие новому владыке, поднимающемуся на горизонте. Несмотря на то

что научный социализм, который не всем дано понять, наложил на это запрет, в изобилии появились и с каждым моментом все более растет число своего рода фармацевтов, занятых *социальным вопросом.* Каждый из них имеет свое специфическое средство, которое он рекомендует и предлагает с целью излечения либо устранения того или иного социального недуга: национализацию земли, государственную зерновую монополию, переход в руки государства ипотечного кредита, муниципализацию транспортных средств, демократическую финансовую систему, всеобщую забастовку и тому подобные средства, перечислить которые целиком невозможно. Но социал-демократия отвергает все эти фантастические проекты, ибо сознание собственного положения приводит пролетариат, как только он получает опыт политической борьбы, к глубокому и полному пониманию социализма *. Он приходит к пониманию того, что ему необходимо в первую очередь добиваться лишь одного — отмены наемного труда; что единственной формой общества, делающей возможной и даже необходимой ликвидацию классов, является ассоциация, не производящая товаров; что такая форма общества — более не государство, а его противоположность: техническое и воспитательное управление человеческим обществом, selfgovernment (самоуправление) труда. Якобинцы — и герои-гиганты 93-го года, и карикатурные якобинцы 1848 года — остаются позади!

* * *

Социал-демократия! Не представляет ли она собой, повторяют многие, явное ослабление принципов коммунизма, получивших в Манифесте столь энергичное и решительное выражение?

Нет надобности напоминать, что слово «социал-демократия» получало во Франции с 1837 по 1848 год самые разнообразные значения, которые все растворились позднее в туманной чувствительности. Незачем останавливаться на том, как немцам удалось выразить в этом термине (содержание которого в Германии следует опреде-

---

* Малон придавал этим словам другое значение: да будет это известно читателю! Впрочем: ne sutor ultra crepidam (сапожник пусть судит не выше сандалии).

лять, лишь исходя из конкретного хода событий) все богатое и широкое развитие немецкого социализма, начиная с эпизода с Лассалем, теперь уже изжитого и исчерпанного, и кончая нашими днями. Не подлежит сомнению, что социал-демократия может означать, означала и означает множество вещей, которые не были, не являются и никогда не будут ни коммунизмом, ни сознательным движением к пролетарской революции. Точно так же не подлежит сомнению, что современный социализм, даже в тех странах, где его развитие зашло дальше вперед и выражено более ясно и отчетливо, увлекает за собой много всяческого шлака, от которого ему приходится постепенно освобождаться на своем пути. Наконец, не подлежит сомнению, что слишком широкое наименование — социал-демократия — служит щитом и прикрытием многим непрошенным гостям, вторгшимся в наши ряды. Но здесь надлежит говорить совсем о другом и фиксировать наше внимание на одном вопросе первостепенной важности.

Прежде всего следует сделать ударение на второй составной части этого термина — не с тем, чтобы разрешить все проблемы, но чтобы избежать двусмысленностей и искажений. Демократичным было устройство «Союза коммунистов»; демократичным был его образ действий, в частности, когда принималось после обсуждения новое учение; демократичным было его поведение, когда он принял участие в революции 1848 года, а затем — в революционном сопротивлении реакции, перешедшей в наступление; демократичным был, наконец, даже сам способ его роспуска. Этому прототипу наших современных партий, этой, так сказать, первой клетке нашего сложного, эластичного и чрезвычайно развитого организма было свойственно не только сознание необходимости выполнить свою миссию предвестника, но в нем уже существовали форма и метод организации, единственно приемлемые для передовых борцов пролетарской революции. Сектантская форма практически была преодолена. Непосредственное фантастическое господство отдельной личности было устранено, господствовала дисциплина, вытекавшая из необходимости, осознанной в результате опыта, а также из учения, которое должно быть именно отраженным сознанием этой необходимости. Точно так же обстояло дело с Интернационалом, чей образ действий казался авторитарным только тем, кому не удалось утвердить в нем и за-

ставить почитать свой собственный докучливый и ничтожный авторитет. Так обстоит дело и так должно быть в пролетарских партиях, а там, где эта особенность отсутствует или еще не могла появиться, пролетарское движение, пока неразвитое, неоформленное и лишенное ясных целей, порождает лишь иллюзии или служит предлогом для интриг. Если же этого не происходит, возникают подпольные общества, в которых бок о бок с людьми, находящимися в плену иллюзии, действуют помешанные и шпионы; либо может появиться секта вроде «Международных братьев», присосавшаяся, подобно паразиту, к Интернационалу и дискредитировавшая его; либо кооператив, который вырождается в обычное предприятие или продает себя какому-либо могущественному лицу; либо рабочая партия, не имеющая политического характера, которая изучает, между прочим, условия рынка с тем, чтобы базировать свою тактику стачек на меняющихся отношениях конкуренции; либо, наконец, смешанное сборище недовольных, в большей своей части деклассированных и мелких буржуа, спекулирующих социализмом как фразой, ставшей, подобно многим другим, политической модой. Социал-демократия встретила все эти, а также другие препятствия на своем пути и неоднократно была вынуждена избавляться от них, что ей приходится время от времени делать и поныне. Не всегда было достаточно одного лишь искусства убеждения. Гораздо чаще надлежало и надлежит мириться и ожидать, пока суровая школа разочарования не послужит наглядным уроком и не избавит от иллюзий, от которых люди далеко не всегда охотно освобождаются на основании доводов разума.

Все эти присущие пролетарскому движению трудности, которые буржуазия со свойственной ей ловкостью может нередко увеличивать и фактически использует, занимают немалое место во внутренней истории социализма за последние годы.

В своем развитии социализм встречал препятствия не только в общих условиях экономической конкуренции и в сопротивлении, оказываемом ему политическим аппаратом власти, но и в условиях, в которых находится сама пролетарская масса, в не всегда ясном, хотя и неизбежном механизме ее движений — медленных, разнохарактерных, сложных, зачастую противоречивых и даже антагонистических. Все это мешает многим видеть растущее и все

более отчетливое упрощение всех форм борьбы классов и постепенное сведение их к единой форме борьбы между капиталистами и пролетаризированными трудящимися *.

Подобно тому как Манифест не занимался, как это делали утописты, описанием этики и психологии будущего общества, он не обрисовал и механизма того процесса становления и развития, в котором мы участвуем. Вполне достаточно того, что немногочисленные пионеры указали путь, по которому следует двинуться, чтобы понять и испытать этот механизм. Впрочем, человек — животное экспериментальное по преимуществу, и по этой причине он имеет историю, более того — сам творит свою собственную историю.

* * *

На этом пути, по которому шествует современный социализм, развивающийся в данном направлении на основании опыта, мы встретились с крестьянской массой.

Социализм, который вначале на практике и в теории сосредоточивался на изучении и проверке на опыте противоречий между капиталистами и пролетариями в сфере собственно промышленного производства, обратился затем к массе, в среде которой господствовал *идиотизм деревенской жизни.* Завоевание деревни — это задача, которая должна быть решена сегодня, несмотря на то, что Шеффле с его *квинтэссенцией* давно уже утверждал, что крестьяне по своей природе настроены антиколлективистически, используя эту теорию для защиты господствующего порядка. Вытеснение или поглощение сельских домашних промыслов капиталом, распространение деревенской промышленности капиталистического типа, исчезновение мелкой собственности или ее сокращение в результате практики залога земли, ликвидация общинных земель, ростовщичество, налоги и милитаризм — все это начинает творить чудеса в отношении крестьян, которые считались до сих пор хранителями незыблемости существующего строя.

---

* В этом отношении весьма поучительна история тред-юнионов, тем более что она скрывает от многих необходимую эволюцию социализма.

Такую задачу поставил перед собой ранее всех немецкий социализм. Сам факт его колоссального распространения не только в городах, но и в мелких центрах неизбежно столкнул его с деревней. Попытки будут длительными и отнюдь не легкими; это объясняет, извиняет и какое-то время будет извинять ошибки, которые совершались и придется совершить на первых порах *. До тех пор, пока мы не завоюем крестьян, нам всегда будет мешать *идиотизм деревенской жизни*, который бессознательно, именно потому, что это идиотизм, порождает или повторяет 18 брюмера и 2 декабря [17].

Весьма возможно, что параллельно этому процессу завоевания деревни будет происходить развитие современного общества России. Когда эта страна вступит в эпоху либерализма, со всеми присущими последней недостатками и пороками, т. е. с типичными для современного общества формами эксплуатации и пролетаризации, но и со всеми ее выгодами и преимуществами в виде политического развития пролетариата,— социал-демократии не придется более опасаться угрозы непредвиденных внешних опасностей; в то же время она восторжествует и над внутренними опасностями благодаря завоеванию деревни.

* * *

Весьма поучителен, без сомнения, пример Италии. Эта страна, вступившая уже к концу средних веков в капиталистическую эпоху, затем на несколько веков отошла от исторического движения. Типичный случай упадка, подтвержденный источниками и доступный точному исследованию во всех его фазах! Отчасти Италия приобщилась к историческому прогрессу во времена наполеоновского господства. После периода реакции и заговоров тайных обществ она добилась объединения и превратилась в современное государство (всем хорошо известно, какими путями и при каких обстоятельствах это произо-

---

* Когда я впервые писал эти слова, я имел в виду главным образом французских социалистов. Но происходившая недавно дискуссия по вопросу об аграрной программе, предложенной на обсуждение социал-демократии Германии, подтверждает правильность моих указаний на неизбежные трудности (примечание ко второму изданию, октябрь 1895 года).

шло). Италия кончила тем, что приобрела недавно все отрицательные стороны парламентаризма, милитаризма и современной системы финансов, не обладая, однако, в то же время современным производством в его развитых формах и, как следствие этого, способностью конкурировать с другими странами на равных условиях. Лишенная возможности выдержать конкуренцию стран передовой промышленности из-за полного отсутствия каменного угля, скудных запасов железа и недостатков в подготовке деятельных и способных технических сил, она ожидает теперь (или обольщает себя иллюзиями), что применение электричества даст ей возможность наверстать потерянное время, как об этом свидетельствуют попытки, предпринимаемые в разных местах — от Бьеллы до Скио. Современное государство в стране с почти исключительно земледельческим населением, в стране, где само земледелие в значительной части является отсталым,— все это вызывает чувство всеобщего беспокойства, присущее всем сознание несообразности и несоответствия всего и вся!

Отсюда непоследовательность и неустойчивость партий, отсюда быстрые переходы от демагогии к диктатуре, отсюда бесчисленная армия паразитов в политике, прожектеров, фантазеров и изобретателей различных идей. Это своеобразное зрелище социального развития, встречающего на своем пути всевозможные помехи и затруднения, замедленного и поэтому неуверенного и колеблющегося, освещает ярким светом проницательный дух, который, если он и не всегда является плодом и выражением широкой и подлинной культуры нашего времени, тем не менее несет на себе, как наследник тысячелетней цивилизации, отпечаток почти непревзойденной утонченности человеческого мозга.

По вполне понятным причинам Италия не была подходящей почвой для самостоятельного зарождения социалистических идей и тенденций. Филипп Буонаротти, итальянец, сначала друг Робеспьера-младшего, становится затем товарищем Бабёфа и позднее, после 1830 года, пытается возродить во Франции бабувизм! Социализм впервые появился в Италии во времена Интернационала в путаной и непоследовательной форме бакунизма, причем он зародился там как движение не пролетарской массы, а мелкой буржуазии, деклассированных элементов и рево-

люционеров по импульсу и инстинкту *. За последние годы социализм принимает там конкретную форму, которая воспроизводит, хотя весьма неясно и нечетко, общий тип социал-демократии **. Так, первые признаки жизни, проявленные в Италии пролетариатом, обнаружились в виде крестьянских восстаний в Сицилии, за которыми последовали другие восстания того же характера, вспыхнувшие в материковой части Италии, и весьма вероятно, что за ними вскоре последуют новые. Разве это не знаменательно?

* * *

После такого экскурса в историю современного социализма охотно возвращаешься мыслью и душой к воспоминанию о наших первых предтечах, выступивших пятьдесят лет тому назад и документально подтвердивших Манифестом, что они заняли передовые позиции на пути прогресса. И это относится не только исключительно и преимущественно к теоретикам первого отряда коммунистов — Марксу и Энгельсу. Как один, так и другой всегда, при всех обстоятельствах оказывали бы с кафедры, трибуны или своими произведениями немалое влияние на политику и науку даже в том случае, если бы они не встретились на своем жизненном пути с «Союзом коммунистов»,— таковы были мощь и оригинальность их ума и обширность познаний. Я имею в виду тех людей, которые на тщеславном и высокомерном жаргоне буржуазной литературы назывались бы неизвестными: сапожника Бауэра, портных Лесснера и Эккариуса, миниатюриста

---

* Иначе обстояло дело в Германии. Социализм проник туда извне после 1830 года, получил распространение как литературное течение и подвергся затем изменениям философского характера, типичным выразителем которых был Грюн. Но еще до появления *нового учения* (т. е. научного коммунизма.— *Ред.*) пролетарский социализм достиг значительной и характерной для него самобытности в пропаганде и трудах Вейтлинга. Как отметил Маркс в 1844 году в парижской газете «Vorwärts» («Вперед»), это был гигант в колыбели.

** Это многие называют марксизмом. Но марксизм есть и остается учением. Партии же не заимствуют сущности и названия у учения. «Moi je ne suis pas marxiste» («Я не марксист») говорил (отгадайте, кто?) — сам Маркс!

Пфендера, часовщика Молля *, Лохнера и других, первыми сознательно положивших начало нашему движению. Лозунг *«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»* отмечает их появление. *Переход социализма от утопии к науке* заключает в себе результат их деятельности. Их инстинкт и данный ими первоначальный импульс продолжают жить в наших делах и поныне — вот то основание, которое дает этим предвестникам право на вечную благодарность всех социалистов.

Как итальянец, я тем охотнее возвращаюсь к этим началам современного социализма, что — по крайней мере, для меня — не осталось безрезультатным недавнее предостережение Энгельса:

«Открытие того, что политические условия и события всегда и всюду находят свое объяснение в соответствующих экономических условиях, было сделано, как доказано упомянутой книгой, отнюдь не Марксом в 1845 г., а господином Лориа в 1886 г. По крайней мере он счастливо уверил в этом своих соотечественников, а с того времени, как его книга появилась на французском языке,— и некоторых французов, и может теперь важничать в Италии как автор новой исторической теории, создавшей эпоху, пока тамошние социалисты не найдут времени повыщипать у illustre Loria краденые павлиньи перья» **.

Мне бы хотелось кончить этим, но приходится еще несколько задержаться.

Со всех сторон и из всех лагерей раздаются протесты, несутся жалобы, выдвигаются возражения против *исторического материализма.* В их хор то тут, то там вплетают свой голос незрелые социалисты, социалисты-филантропы, сентиментальные и несколько истеричные социалисты. А затем вновь всплывает, как предостережение, вопрос *желудка.* Имеется и немало таких, кто упражняется в

---

* Молль впервые установил связь между «Союзом» и Марксом и обсуждал с ним вопрос о редактировании Манифеста. Позднее он погиб во время восстания 1849 года в столкновении при Мурге.

** В предисловии к III тому «Капитала» Маркса, Гамбург, 1894, стр. XIX—XX. (См. «Капитал», т. III, Госполитиздат, 1955, стр. 19.) Дата 1845 г. относится главным образом к книге «Die heilige Familie» («Святое семейство»), Франкфурт, 1845, которую написали совместно Маркс и Энгельс. Эту книгу в первую очередь следует прочитать тем, кто хочет проследить теоретические истоки исторического материализма.

логическом фехтовании, вооружившись абстрактными категориями эгоизма и альтруизма. Наконец, для многих всегда в благоприятный момент появляется на сцену неизбежная борьба за существование!

* * *

Мораль! Но разве не был нам уже давно преподан урок этой морали буржуазной эпохи «Басней о пчелах» [18] Мандевиля, который был ровесником появления на свет классической политической экономии? И разве политика, базирующаяся на этой морали, не была раскрыта и истолкована в непревзойденных и незабвенных классических выражениях первым великим политическим писателем капиталистической эпохи — Макиавелли, который не изобрел макиавеллизма, а был лишь верным и исправным его секретарем, зафиксировавшим и обнародовавшим его? Что же касается логического турнира между эгоизмом и альтруизмом, разве он не стоит перед нашими глазами, начиная с достопочтенного Мальтуса и кончая Спенсером, этим ничтожным, пустым, болтливым и надоедливым резонером, без которого теперь не могут обойтись?

Борьба за существование? Но могли ли бы вы пожелать для наблюдения, изучения и объяснения борьбу, которая была бы нам ближе и понятнее той, что зародилась и принимает исполинские размеры в форме пролетарского движения? Или, быть может, вы хотели бы низвести объяснение этой борьбы, развертывающейся в стоящей над природой сфере общественной жизни, которую создал в ходе исторического развития сам человек, своим трудом, техникой и учреждениями и которую сам человек может изменить при помощи других форм труда, техники и учреждений,— неужели вы хотели бы низвести это объяснение к объяснению той более общей борьбы, которую ведут растения, животные и сами люди — в той мере, в какой они остаются животными,— в лоне природы?

* * *

Но вернемся к нашей теме.

Критический коммунизм никогда не отказывался и не отказывается от восприятия всего многообразного богат-

ства идей в сфере идеологии, этики, психологии и педагогики, которое он может почерпнуть в познании и изучении всевозможных видов коммунизма и социализма — от Фалея Халкедонского до Кабе *. Более того, сознание отличия научного социализма от всего остального развивается и укрепляется именно путем изучения, в результате познания подобных видов. Кто же, занимаясь этим изучением, откажется признать, например, что Томас Мор был героическим духом и выдающимся писателем-социалистом? Кто же не захочет отдать в душе дань безграничного восхищения Роберту Оуэну, впервые построившему этику коммунизма на том бесспорном принципе, что характер и мораль людей являются необходимым результатом условий, в которых они живут, и обстоятельств, в которых они находятся и развиваются? И к тому же последователи критического коммунизма считают своим долгом, охватывая мысленным взором историю, принять сторону всех угнетенных, какова бы ни была их судьба,— а последняя в действительности всегда состоит в том, что они остаются угнетенными или после кратковременного и эфемерного успеха прокладывают путь новому господству новых угнетателей!

Однако в одном вопросе сторонники критического коммунизма резко отличаются от приверженцев всех остальных видов и типов коммунизма и социализма — античного, нового и новейшего, и это вопрос первостепенной важности.

Последователи критического коммунизма не могут допустить мысли, что идеологические системы прошлых времен остались без последствий и что ранее имевшие место попытки выступления пролетариата всегда терпели поражение по чистой исторической случайности или, так сказать, по капризу обстоятельств. Все эти идеологические системы — несмотря на то, что они на самом деле отражали чувство, непосредственно порожденное социальными противоречиями, т. е. происходящей в реальной действительности классовой борьбой, несмотря на то, что им было присуще обостренное сознание справедливости и глубокая преданность возвышенному идеалу,— тем не менее

* Я кончаю этим именем, потому что Кабе был как раз современником Манифеста. Не думаю, что мне следует идти дальше — до дилетантских форм Беллами и Герцки.

все они обнаруживают непонимание подлинных причин и истинной природы противоречий, против которых эти системы решительно и нередко героически восставали. Отсюда их утопический характер. Нам становится также понятным, почему условия угнетения, существовавшие в более ранние эпохи, хотя они и были более варварскими и жестокими, не привели к такой аккумуляции энергии, к такой стойкости сопротивления, которые проявляются, утверждаются и развиваются в пролетариате наших дней. И изменение экономической структуры общества, и образование в лоне крупной промышленности и современного государства пролетариата нового типа, и появление этого пролетариата на политической сцене — все это новые явления, в своей совокупности вызвавшие потребность в новых идеях. Вот почему критический коммунизм не морализирует, не занимается предсказаниями, не возвещает, не читает проповедей, не создает утопий — он уже держит свое дело в собственных руках и вложил в него свою мораль и свой идеализм.

Благодаря этому новому методу ориентации, который представляется чувствительным людям суровым, ибо он слишком правдив, реалистичен и конкретен, мы обретаем возможность воссоздать ретроспективно историю пролетариата и других предшествовавших ему угнетенных классов, подвергавшихся иным способам подавления. Мы видим различные фазы этой истории и постигаем причины неудачи чартизма и еще раньше — «Заговора равных» [19]; и мы обращаемся к более отдаленным событиям — разного рода восстаниям, актам сопротивления, войнам, как, например, знаменитой крестьянской войне в Германии [20] и далее в глубь истории — к Жакерии [21], чомпи [22] и восстанию фра Дольчино. И во всех этих фактах и событиях мы обнаруживаем формы и явления, имеющие отношение к становлению буржуазии в той степени, в которой она разбивает, опрокидывает, побеждает и сокрушает феодальную систему. Мы можем сделать то же самое и в отношении борьбы классов в античном мире, но лишь частично и с меньшей ясностью. Эта история пролетариата и других угнетенных классов, история превратностей их восстаний служит для нас теперь уже достаточно надежным руководством, позволяющим понять, в чем и почему были преждевременными и незрелыми коммунистические учения других эпох.

Если буржуазия еще не завершила повсюду своей эволюции, она несомненно почти достигла в некоторых странах вершины этой эволюции. В наиболее передовых государствах она подчиняет прямо или косвенно различные и многообразные способы производства, господствовавшие в предыдущие эпохи, воздействию и законам капитала. Таким образом она упрощает или стремится упростить разные виды классовой борьбы (которые вследствие своей многочисленности сталкивались и ущемляли друг друга в прошлом), сводя их к единой борьбе между капиталом, превращающим любой жизненно необходимый продукт человеческого труда в товар, и пролетаризованной массой, продающей свою рабочую силу, также превратившуюся в простой товар. Тайна истории упростилась. Все стало прозой. И подобно тому, как нынешняя, т. е. самая современная, классовая борьба представляет собой упрощение всех ее остальных видов, так и коммунизм Манифеста упростил многообразные идеологические, этические, психологические и педагогические идеи других форм коммунизма, сведя их к строгим, отточенным, обобщенным теоретическим положениям, не только не отрицая их этим, но поднимая на более высокую ступень.

Все стало прозой, и даже коммунизм стал прозой, иными словами — превратился в науку. Вот почему в Манифесте нет ни риторических протестов, ни обращений к праву. Он не оплакивает пауперизм, чтобы таким путем уничтожить его. Он не льет слез ни над чем. Слезы вещей восстали сами собой, как спонтанная сила, требующая возмездия. Теперь этика и идеализм заключаются в следующем: поставить научную мысль на службу пролетариату. Если такая этика не покажется в достаточной мере моральной сентиментальным людям, в большинстве своем истеричным и глупым, то пусть они отправятся молить об *альтруизме* первосвященника Спенсера. Он даст хаотичное, пошлое и неубедительное определение, и пусть они этим довольствуются.

* * *

Речь идет, следовательно, о том, чтобы исходить при объяснении всей истории единственно из экономического фактора?

Исторические факторы! Но ведь это — выражение, употребляемое либо исследователями-эмпириками, либо людьми, занимающимися абстрактным анализом, либо теоретиками, повторяющими Гердера. Общество — комплекс, или организм, как говорят те, кто охотно применяет такой расплывчатый термин и погружается потом в бесплодные умствования, рассуждая о значении данного выражения и о том, можно ли уподоблять общество организму. Этот комплекс складывался и затем менялся много раз. Чем же объясняются подобные изменения?

Задолго до того, как Фейербах нанес последний, смертоносный удар теологическому пониманию истории («Человек создал религию, а не религия человека!»), старый Бальзак[23] сделал это понимание объектом сатиры, изображая людей марионетками бога. И разве уже Вико не признавал, что провидение не воздействует ab extra (извне) на ход истории, даже наоборот — что оно действует сообразно вере людей в его существование? И разве тот же Вико не сводил за сто лет до Моргана всю историю к процессу, который творит сам человек посредством последовательных экспериментов, представляющих собой изобретение языка, религий, обычаев и права? Разве Лессинг не считал, что история — это воспитание человеческого рода? Разве Жан Жак Руссо не понимал уже, что идеи порождаются потребностями? Разве Сен-Симон, когда он не занимался фантастическими измышлениями относительно органических и неорганических эпох, не подошел вплотную к правильному пониманию генезиса третьего сословия и его идеи, переведенные на язык прозы, не сделали Огюстена Тьерри подлинным обновителем критического метода исторических изысканий?

В первой половине XIX века и в особенности в период с 1830 по 1850 год классовая борьба, столь ярко описанная античными историками и итальянскими историками эпохи Возрождения, насколько это позволял им сделать опыт борьбы, развертывавшейся в узкой сфере городов-республик,— выросла и принимала по обе стороны Ламанша все более широкий размах и все более отчетливо выраженную форму. Зародившись в лоне крупной промышленности и обогатившись опытом благодаря воспоминанию о Великой французской революции и изучению ее, классовая борьба становилась наглядной и поучительной, так как она находила с большей или меньшей степенью

ясности и сознания свое современное убедительное выражение в программах политических партий: например, свободная торговля или хлебные пошлины в Англии и т. п. Во Франции концепция истории заметно менялась как на правом, так и на левом фланге литературных партий — от Гизо до Луи Блана и до простого и скромного Кабе включительно. Социология была потребностью времени и после тщетной попытки найти свое теоретическое выражение у запоздалого схоластика Огюста Конта она, несомненно, нашла своего художника в Бальзаке, который фактически первым открыл психологию классов. Видеть в классах и в столкновениях между ними реальное содержание истории и в развитии классов — ход развития истории — вот то, что тогда начинали искать и находить; все это следовало закрепить в рамках точной и определенной теории.

* * *

Человек творил свою историю не путем метафорической эволюции и не шествуя по заранее начертанному пути прогресса. Он творил ее, создавая свои собственные условия, т. е. создавая для себя посредством труда искусственную среду, постепенно развивая свои технические способности, накопляя и преобразуя в этой среде продукты своей деятельности.

У нас имеется только одна-единственная история, и мы не можем сопоставлять эту реальную, действительно существовавшую историю с другой, лишь возможной. Где найти законы исторического становления и развития? Древнейшие формации не представляются на первый взгляд ясными. Однако буржуазное общество, в силу того что оно появилось недавно и даже в Европе не везде еще достигло своего полного развития, несет на себе эмбриогенетические следы своего происхождения и процесса своего развития и весьма отчетливо выявляет их в тех государствах, где оно только рождается на наших глазах, как, например, в Японии. Поскольку буржуазное общество превращает при помощи капитала все продукты человеческого труда в товары, поскольку оно предполагает наличие пролетариата или создает его и отмечено беспокойством, смятением, неустойчивостью, вызванными постоянными нововведениями,— это общество возникало в определенные времена, легко устанавливаемыми и ясными, хотя и

разнообразными путями. В самом деле, в различных странах оно развивается разными путями: то оно зарождается, к примеру, раньше, чем где-либо, а затем останавливается в своем развитии, как это имело место в Италии; то оно прокладывает себе дорогу посредством непрерывной, происходившей на протяжении трех веков экономической экспроприации предшествовавших форм производства или, выражаясь языком юристов, старых форм собственности, как это было в Англии. В одной стране буржуазное общество образуется постепенно, переплетаясь с силами прошлого и подчиняясь вследствие приспособления к этим силам их влиянию — так обстояло дело в Германии; в другой стране оно насильственно ломает старую оболочку и преодолевает стоящие на его дороге препятствия — так произошло во Франции, где Великая революция являет собой пример наиболее интенсивного и головокружительного из известных нам исторических действий и служит поэтому величайшей школой социологии.

Как уже говорилось, формирование современного, или буржуазного, общества было воссоздано в своих главных и типических чертах в Манифесте, который дал общий анатомический разрез этого общества во всех его последовательных аспектах: цех, торговля, мануфактура и крупная промышленность,— прибавив к этому перечисление его производных сложных органов: права, политических учреждений и др. Таким образом, в Манифесте уже содержатся в скрытой форме первичные элементы теории, имеющей своей целью объяснить историю, исходя из принципа борьбы классов.

Это же буржуазное общество, революционизировавшее все предшествовавшие способы производства, осветило само себя и процесс своего становления и роста, создав учение о своем строении — *экономическую науку*. Последняя действительно появилась на свет и развивалась не в обстановке, свойственной примитивным обществам, не пришедшим к самосознанию, а при ярком свете современного мира, ведущего свое начало от Возрождения.

Всем известно, что политическая экономия зародилась — вначале в фрагментарном виде — в первую эпоху существования буржуазии — эпоху бурного роста торговли и великих географических открытий, т. е. в первую и вторую фазы меркантилизма [24]. И возникла она сначала с тем, чтобы ответить на некоторые специальные вопросы,

например: законно ли взимание процентов? выгодно ли государствам и народам накопление денег? и т. п. Постепенно она выросла, включив в сферу своих исследований более сложные аспекты проблемы богатства, и развилась далее при переходе от меркантилизма к мануфактуре, а позднее — еще более быстро и решительно — при переходе от мануфактуры к крупной промышленности. Она была духовной сущностью буржуазии, завоевывавшей общество. Накануне Великой французской революции политическая экономия как наука в своих общих контурах уже почти достигла своего завершения. Она была лозунгом восстания против старых — феодальных форм собственности на землю, против цехов, привилегий, ограничений труда и т. п., т. е. была лозунгом свободы. Ибо, в самом деле, *естественное право*, которое постепенно развивалось от предшественников Гроция до Руссо, Канта и конституции 93-го года, было не чем иным, как воспроизведением экономической науки и идеологическим дополнением к ней — до такой степени, что предмет и его дополнение часто смешиваются воедино в умах писателей и в выдвигаемых ими постулатах, как можно видеть на типичном примере физиократов [25].

Политическая экономия, поскольку она являлась наукой, выявила отличительные признаки и проанализировала элементы и формы процесса производства, обращения и распределения, сведя все к категориям: деньги, денежный капитал, процент, прибыль, земельная рента, заработная плата и пр. Она уверенно шествовала, становясь все более ясной и постепенно углубляя свой анализ — от Петти до Рикардо. Господствуя безраздельно в сфере своей деятельности, она лишь изредка встречала возражения *. Политическая экономия исходила из двух предположений, которые даже не помышляла защищать, настолько они казались очевидными, а именно: что социальный порядок, который она прославляла, и есть естественный порядок и что частная собственность на средства производства неотделима от свободы человека; все это делало наемный труд и приниженное положение наемных рабочих необходимыми условиями существования человеческого общества. Иными словами, она не видела истори-

* В качестве примера приведем случай с Мабли и Мерсье де ла Ривьер, компилятором доктрины физиократов, не говоря уже о Годвине, Галле и др.

ческой обусловленности тех форм, которые она обнаруживала и объясняла. Даже те противоречия, с которыми она сталкивалась при попытках последовательной систематизации (много раз предпринятых и никогда не удававшихся), она стремилась элиминировать логическим путем; так обстояло дело с Рикардо, пытавшимся бороться с земельной рентой, взимание которой он считал несправедливым.

В начале XIX столетия разразились с большой силой кризисы и вспыхнули те первые рабочие волнения, непосредственной и прямой причиной которых была острая безработица. Иллюзия естественного порядка была разрушена! Богатство породило нищету! Крупная промышленность, изменяя все общественные отношения, привела к росту пороков, болезней и зависимости, в конечном итоге она привела к вырождению! Прогресс породил регресс! Что же следует сделать, чтобы прогресс порождал только прогресс, т. е. равные для всех благоденствие, здоровье, безопасность, образование и интеллектуальное развитие? В этом вопросе — весь Оуэн, которого роднит с Фурье и Сен-Симоном следующая характерная черта: отказ от призыва к самоотречению и религии, а равным образом — стремление разрешить и преодолеть социальные противоречия, не только не уменьшая при этом техническую и индустриальную энергию человека, но даже увеличивая ее. Став на этот путь, Оуэн превратился в коммуниста, и он был первым, кто стал коммунистом в среде, созданной современной крупной промышленностью, используя опыт этой промышленности. На первый взгляд кажется, что противоречие целиком покоится на противоположности между способом распределения и способом производства. Следовательно, это противоречие необходимо уничтожить в обществе, основанном на коллективном производстве. Оуэн становится утопистом. Нужно заложить основы этого совершенного общества экспериментальным путем — и Оуэн отдается этой задаче с героической стойкостью и беспримерным самоотвержением, с математической точностью разрабатывая выдуманные им частные детали будущего общества.

После открытия этого коренного противоречия между производством и распределением в Англии появилось большое число писателей, от Томпсона до Брея, чей социализм нельзя назвать, строго говоря, утопическим, но ско-

рее односторонним, так как он преследовал цель исправить обнаруженные и изобличенные пороки общества с помощью одного или ряда соответствующих средств *. В самом деле, начальным этапом для всех тех, кто впервые становится на путь социализма, является открытие противоречия между производством и распределением. Непосредственно вслед за этим рождаются наивные вопросы: почему бы не уничтожить пауперизм; не устранить безработицу; не упразднить деньги как средство обращения; не содействовать введению прямого обмена продуктами, исходя при этом из содержащегося в них труда; не отдавать рабочему полностью продукт его труда? и т. п. Эти вопросы сводят несгибаемые, упрямые и сопротивляющиеся факты реальной жизни к бесчисленным рассуждениям и рассчитывают бороться с капиталистической системой так, как если бы она представляла собой механизм, из которого можно удалить одни детали, колеса, шестерни и вставить в него другие.

Сторонники критического коммунизма решительно порвали со всеми этими тенденциями. Они были наследниками и продолжателями классической политической экономии **. Последняя представляет собой учение о структуре современного общества. В настоящее время никто не смог бы практически революционным путем бороться с этим строем, не составив себе предварительно точного представления о его основных элементах, формах и отношениях, не изучив углубленно учение, разъясняющее его характер и особенности. Правда, эти формы, элементы и отношения зародились лишь в известных исторических условиях, но они существуют, оказывают сопротивление, тесно связаны между собой, а следовательно, образуют систему и являются необходимостью. Можно ли не считаться с этим и надеяться покончить с подобной системой посредством акта логического отрицания? Можно ли ликвидировать ее путем рассуждений? Уничтожить пауперизм? Но он же является необходимым условием существования капитализма! Отдать рабочим весь продукт их

---

* Антону Менгеру несколько лет тому назад показалось, что именно в лице этих писателей он открыл творцов научного социализма и что позднее они стали жертвой плагиата!

** По этой именно причине Визер и подобные ему критики предлагают отказаться от теории стоимости Рикардо, ибо она ведет к социализму.

труда? Но что станет тогда с прибылью капиталистов? Где и каким образом деньги, затраченные на покупку товаров, могли бы возрастать, если среди всех товаров, на которые они обмениваются, не было бы одного, приносящего тому, кто его купил, больше, чем этот товар стоил ему, и если бы этот товар не был именно *рабочей силой*, приобретенной за заработную плату? Экономическая система является не рядом абстрактных рассуждений, а сплетением и комплексом фактов, порождающих сложную ткань отношений. Безумие воображать, будто эта система фактов, которую господствующий класс создавал с большим трудом и на протяжении столетий, пуская в ход насилие, хитрость, таланты, знания,— сложит оружие, отступит или ослабит себя, чтобы уступить требованиям бедняков и доводам их адвокатов. Как можно требовать уничтожения нищеты, не предполагая ниспровергнуть все остальное? Требовать от буржуазного общества, чтобы оно изменило или даже ликвидировало свое право, которое является его защитой,— значит предъявлять ему совершенно нелепое требование. Требовать от буржуазного государства, чтобы оно перестало служить щитом и оплотом буржуазного общества и буржуазного права,— значит настаивать на чем-то, противоречащем логике *.

Этот односторонний социализм, который, не являясь утопическим в узком смысле слова, исходит из ложного представления, что история допускает исправление ошибок без революции, т. е. без коренного изменения всей структуры самого общества,— такой социализм основан либо на наивных, либо на путаных представлениях. Его несовместимость с непоколебимыми законами процесса развития вещей стала очевидной именно у Прудона, который, воспроизведя, сам того не сознавая, теории некоторых английских односторонних социалистов или попросту копируя их, хотел познать, остановить и изменить ход

---

* В те годы зародилась, главным образом в Пруссии, иллюзия *социальной монархии*, которая, минуя эпоху либерализма, якобы разрешит гармонически так называемый социальный вопрос. Эта фантастическая идея позднее воспроизводилась в бесконечных вариациях катедер-социализмом [26] и государственным социализмом. Таким образом, к различным формам идеологического и религиозного утопизма прибавилась новая форма — бюрократически-фискальная утопия, т. е. утопия кретинов.

истории посредством определений, пользуясь оружием силлогизмов.

Последователи критического коммунизма признавали за историей право следовать своим путем. Буржуазная фаза развития действительно преодолима и будет преодолена. Однако до тех пор, пока она длится, она имеет свои законы. Их относительный характер заключается в том, что они сложились и развились в определенных условиях; но их относительный характер не означает их простого противопоставления необходимости, не означает, что эти законы быстротечны, представляют собой чистую видимость, мыльный пузырь. Они могут исчезнуть и исчезнут в силу самого факта изменения общества. Но они не подчиняются субъективному произволу, возвещающему какое-либо исправление, объявляющему о реформе, составляющему проект. Коммунизм защищает интересы пролетариата, ибо в нем одном таится революционная сила, которая взрывает, разрушает, сотрясает и разлагает современный общественный строй и постепенно создает в его недрах новые условия; более того: говоря точнее, сам факт пролетарского движения свидетельствует о том, что уже складываются, укрепляются и развиваются новые условия.

Теория классовой борьбы была найдена. Она была обнаружена в двух ее проявлениях: в происхождении буржуазии, внутренний процесс формирования которой был уже освещен буржуазной экономической наукой, и в появлении нового класса — пролетариата, представляющего собой одновременно условие и следствие нового способа производства. Относительный характер экономических законов был открыт, но одновременно была подтверждена их лишь относительная необходимость. В этом заключается весь метод и смысл нового материалистического понимания истории. Заблуждаются те, кто, называя его экономической интерпретацией истории, полагают, что они полностью все поняли и объяснили. Это его второе обозначение более подходит к аналитическим попыткам тех ученых *, которые рассматривают раздельно, с одной стороны, экономические формы и категории, а с другой стороны, к примеру, право, законодательство, политику, обычаи, и изучают затем взаимные влияния

* Например, Роджерса.

различных аспектов жизни, столь абстрактно и столь произвольно разделенных. Наша позиция — совершенно иная. Мы исходим из органического понимания истории. Мысленно видим мы целостность и единство общественной жизни. Сама *экономика* (я имею в виду устройство *реальной жизни,* а не науку о нем) растворяется в течении исторического процесса, чтобы появиться затем в ряде морфологических стадий; в каждой из них экономика составляет структуру, на которой покоится и которой соответствует все остальное. Следовательно, речь идет не о распространении так называемого экономического фактора, абстрактным путем изолированного, на все прочее, как это изображают наши противники; напротив, речь идет главным образом о том, чтобы исторически понять экономику и объяснить ее изменениями остальные исторические изменения. В этом заключается ответ на все критические замечания, доносящиеся из лагерей ученого невежества или невежества плохо обученного, включая лагерь незрелых, сентиментальных или истеричных социалистов. И такой ответ объясняет в то же время, почему Маркс дал в «Капитале» не *первую* книгу критического коммунизма, а последнюю великую книгу об *экономике буржуазного общества.*

* * *

В то время, когда был написан Манифест, исторический горизонт ограничивался античным миром, весьма мало еще изученными германскими древностями и библейским преданием, которое лишь незадолго до того начали рассматривать с прозаической точки зрения, как любую светскую историю. Иным является наш исторический горизонт сегодня, ибо он охватывает и арийскую предысторию, и древнейшие общества Египта и Месопотамии, предшествовавшие всем семитским традициям. Более того: линия горизонта проходит еще дальше, включая и так называемую предысторию, т. е. неписаную историю. Гениальное исследование Моргана позволило нам глубоко ознакомиться с *древним обществом,* т. е. дополитическим обществом, дало нам ключ к пониманию того, каким образом из него затем вышли позднейшие формации; их отличительными признаками являются моногамия, развитие патриархальной семьи, возникновение соб-

ственности — сначала родовой, потом семейной и, наконец, индивидуальной, последовательное образование союзов родов, из которых позднее произошло государство. И все это получает объяснение благодаря как знакомству с процессом развития техники — открытием и применением средств и орудий производства,— так и пониманию того, какое влияние оказывает этот процесс на весь социальный комплекс, толкая его в определенных направлениях и заставляя проходить определенные стадии. Подобные открытия и теории еще могут неоднократно подвергаться исправлениям, в особенности учитывая разнообразие специфических путей перехода от варварства к цивилизации, которые могут быть установлены в разных частях света. Но один факт теперь не подвергается сомнению: для нас уже ясен общий эмбриогенетический ход развития человечества от первобытного коммунизма к тем сложным образованиям, которые — как, например, афинское и римское государства с их организацией граждан по классам соответственно размерам их имущества — еще недавно представляли собой геркулесовы столпы исследования письменной истории. В настоящее время уже выяснен процесс образования классов, из наличия которых исходил Манифест; и в этом процессе схематически обрисовывается сплетение *особых* и *специфических* оснований и причин, т. е. таких, которые отличны от категорий экономической науки нашей буржуазной эпохи. Сбылась мечта Фурье о включении эпохи цивилизации в общую цепь длительного и широкого исторического процесса. Проблема происхождения неравенства между людьми, которую Жан Жак Руссо пытался разрешить, основываясь на гениальных диалектических доводах и слишком скудных фактических данных, получила свое научное разрешение.

Процесс развития человечества ясен нам в двух своих пунктах, являющихся для нас крайними: это возникновение буржуазии, имевшее место столь недавно и столь хорошо освещенное экономической наукой, и образование в древности общества, разделенного на *классы* с переходом от высшей ступени варварства к цивилизации (т. е. к эпохе *государства*), если придерживаться периодизации Моргана. Все, что находится между этими двумя эпохами, составляло до сих пор объект изучения хронистов и собственно историков, юристов, теологов и философов. Про-

низать и обогатить эту область знаний новой исторической концепцией — нелегкое дело. Не следует спешить, так как это привело бы к схематизму. Прежде всего надо выяснить, насколько это возможно, какая экономика характерна для каждой эпохи *, чтобы дать специфическое объяснение классам, развивающимся в данную эпоху. При этом следует избегать гипотетических или сомнительных данных и не прибегать к ненужным обобщениям, перенося условия нашего времени в тот или иной период.

Для такого предприятия потребуются целые фаланги ученых. Так, например, то, что говорится в Манифесте относительно происхождения первых элементов буржуазии, которые вышли из крепостных, постепенно переселявшихся в города,— является односторонним. Такой путь возникновения буржуазии типичен для Германии и других стран, в которых этот процесс повторился. Но он не имел места в Италии, Южной Франции и Испании — именно в тех странах, в которых было положено начало истории буржуазии, т. е. современной цивилизации. В этой первой фазе заключены все предпосылки капиталистического общества, как замечает Маркс в одном из примечаний в первом томе «Капитала» **. Эта первая фаза, достигшая своей наиболее совершенной формы в итальянских коммунах, представляет собой предысторию того первоначального накопления капитала, которые Маркс проследил, отметив столько характерных подробностей на примере Англии, где эволюция приняла ясную и законченную форму. Но достаточно об этом.

Пролетарии могут рассчитывать только на будущее. Для последователей научного социализма прежде всего важно настоящее, как эпоха, в которой спонтанно развиваются и зреют условия будущего. Знание прошлого практически представляет пользу и интерес лишь постольку, поскольку оно может осветить настоящее и облегчить его критическое объяснение. Для данного же момента достаточно того, что сторонники критического коммунизма открыли пятьдесят лет тому назад важнейшие элементы

---

* Кто бы мог несколько лет тому назад помыслить о том, что вскоре будет открыто и получит достоверную интерпретацию древнее вавилонское право?

** Примечание 189 к стр. 682 четвертого немецкого издания. Соответствует стр. 315 французского перевода. (См. *К. Маркс.* Капитал, т. I, Госполитиздат, 1955, стр. 721, примечание 189.)

новой и окончательной философии истории. Вскоре эта концепция одержит верх над другими, ибо иной образ мыслей фактически станет невозможным; и это открытие будет казаться столь же простым и само собой разумеющимся, как колумбово яйцо. И может быть, еще до того, как отряд ученых широко использует и применит такую концепцию, рассматривая под этим углом зрения весь непрерывный ход истории, успехи пролетариата будут столь велики, что все будут считать буржуазную эпоху преодолимой, ибо она будет близка к преодолению. *Понять — значит преодолеть* (Гегель).

* * *

Когда Манифест пятьдесят лет тому назад возвысил пролетариев, превратив их из возбуждающих сострадание несчастных в тех людей, кому историей предопределено стать могильщиками буржуазии, размеры будущего кладбища буржуазии должны были показаться весьма незначительными авторам Манифеста, которым плохо удавалось скрыть за суровостью стиля свой идейный энтузиазм. Возможные границы этого кладбища, если прибегнуть к образному выражению, охватывали тогда лишь Францию и Англию, едва задевая другие страны, как, например, Германию. Теперь же эти границы кажутся нам необъятными вследствие стремительного и мощного распространения буржуазного способа производства, который в свою очередь усиливает, умножает и сливает в единый поток пролетарское движение и расширяет до огромных масштабов сцену, над которой витает призрак близящегося коммунизма. Кладбище становится таким обширным, что его границы делаются необозримыми. Чем больше производительных сил вызывает волшебник своими заклинаниями, тем больше он вызывает сил возмущения против самого себя.

Всем тем, чей коммунизм носил в прошлом идеологический, религиозный, утопический или даже пророческий и апокалиптический характер, неизменно представлялось, что царство справедливости, равенства и счастья должно охватить весь мир. В настоящее время мир завоевывает эпоха цивилизации, т. е. повсеместно утверждается общество, которое покоится на классовых противоречиях и классовом господстве, на буржуазном способе производ-

ства (поучителен пример Японии!). Сосуществование двух народов в одном и том же государстве, которое описал уже божественный Платон, все еще продолжается. Победа коммунизма на всей земле не явится делом завтрашнего дня. Но чем шире становятся границы буржуазного мира, чем больше народов приобщается к нему, оставляя позади и преодолевая низшие способы производства, тем более твердой и уверенной становится надежда на будущую победу коммунизма, в особенности потому, что вследствие расширения арены конкуренции и роста конкурентной борьбы усиливается колонизаторская и захватническая деятельность буржуазных государств.

Пролетарский Интернационал, зачаточной формой которого пятьдесят лет назад являлся «Союз коммунистов», превратился теперь в международную организацию и наглядно подтверждает с каждым Первым мая, что пролетарии всего мира реально объединены для совместной деятельности. Будущие могильщики буржуазии и их внуки и правнуки будут вечно помнить день появления Коммунистического манифеста.

Рим, 7 апреля 1895 года.

Очерк II

ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛИЗМЕ

I

Историко-социальные исследования, подобно многим другим, но более всех остальных, встречают немалую помеху, более того — досадное препятствие в пороке, свойственном умам, получившим лишь книжное образование, который обычно называют *вербализмом*. Эта скверная привычка проникает во все области знаний и получает в них распространение, но в исследованиях, относящихся к так называемому миру морали, т. е. к комплексу историко-социальных наук, нередко случается, что культ слова, власть слова приводят к извращению и уничтожению живого и реального смысла вещей.

Там, где длительное наблюдение, повторные опыты, уверенное использование усовершенствованных инструментов, повсеместное или по крайней мере частичное применение точных расчетов приводят человеческий ум к методическому общению с вещами и их видоизменениями, как это происходит в естественных науках в точном смысле этого слова,— там *миф о словах* и *культ слов* уже преодолены и побеждены, а вопросы терминологии имеют в конечном итоге лишь подчиненное значение — значение простой условности. Но при изучении человеческих отношений и дел страсти, интересы, предвзятые мнения какой-либо школы, секты, класса и религии, злоупотребление традиционными литературными приемами выражения мыслей, а также никогда до конца не уничтоженная и постоянно возрождающаяся схоластика либо скрывают реальный смысл вещей, либо незаметно превращают его в термины, слова, абстрактные и условные обороты речи.

Необходимо прежде всего отдавать себе отчет в этих трудностях тем, кто выступает во всеуслышание с выражением, или формулой, «материалистическое понимание истории». Многим казалось, кажется и будет казаться, что естественно и легко проникнуть в смысл этого выражения посредством простого анализа составляющих его слов, без выяснения его связей с другими понятиями и явлениями или генетического изучения причин возникновения данного учения *, или же, наконец, в полемике, в которой его последователи опровергают возражения своих противников. Вербализм неизменно стремится замкнуться в чисто формальных определениях. Он прививает умам заблуждение, будто не представляет никаких трудностей выразить огромный запутанный комплекс природных и исторических явлений в простых и очевидных терминах и формулировках. Он прививает также веру в то, что нетрудно составить себе наглядное представление о многообразном и чрезвычайно сложном сплетении причин и следствий, как если бы это был театральный спектакль. Выражаясь яснее, вербализм уничтожает смысл проблем, ибо он видит в них только названия.

* * *

Далее, если случается, что вербализм находит поддержку в тех или иных теоретических предположениях, как, например, в тех, которые изображают материю как нечто, стоящее ниже более высокого и благородного начала, называемого духом, или нечто, противоположное духу; либо если случается, что вербализм соединяется с литературной привычкой противопоставлять слово «материализм», которому придается презрительный смысл, всему тому, что коротко зовется идеализмом, т. е. совокупности антиэгоистических побуждений и поступков,— тогда мы оказываемся в большом затруднении. Тогда нам говорят: это учение пытается объяснить все свойства человеческой природы, принимая в расчет только материальные интересы и не придавая никакой ценности идеальным интересам. Немало способствовали появлению

* Это генетическое исследование было главной темой и объектом моего первого очерка — «В память о Манифесте Коммунистической партии», который и является вступлением, необходимым для понимания всего остального.

такой путаницы неопытность, бездарность и торопливость некоторых поборников и распространителей этого учения; последние, спеша в своем рвении объяснить другим то, что они сами не вполне поняли — в то время как само учение только начало складываться и еще нуждалось в длительном развитии,— осмеливались применять его в том виде, какой оно тогда имело, к первому же встретившемуся факту или историческому явлению и едва не привели новую доктрину к крушению, превращая ее в объект легкой критики и насмешки со стороны дилетантов-любителей научных новинок и других бездельников подобного рода.

* * *

Если дозволительно здесь, на первых же страницах, опровергнуть, пока лишь предварительно, эти предубеждения и раскрыть питающие их намерения и тенденции, то следует напомнить, что значение нашего учения надо прежде всего искать в положении, занимаемом им по отношению к тем доктринам, против которых оно действительно направлено, и в особенности по отношению к различного рода идеалистическим системам. Нужно также помнить, что доказательство его ценности состоит исключительно в наиболее приемлемом и сообразном объяснении последовательного движения истории человечества, вытекающем из этого учения. Следует, наконец, помнить, что данному учению не свойственно *субъективное* предпочтение, оказываемое тем или иным свойствам той или иной группе человеческих интересов, произвольно противопоставляемых другим интересам; оно лишь устанавливает объективную координацию и субординацию всех интересов в ходе развития любого общества; при этом оно исходит из того генетического процесса, который заключается в переходе от условий к обусловленному, от элементов образования вещей к вещам, уже образовавшимся.

* * *

Пусть *вербалисты* фантазируют, сколько им угодно, рассуждая о значении слова «материя»: в какой степени оно является метафизическим вымыслом или напоминает

о нем, или же в какой степени оно выражает конечный гипотетический субстрат естественного опыта. В данном случае мы не занимаемся вопросами физики, химии или биологии, а стремимся лишь познать определенные условия человеческого существования постольку, поскольку они отличны от существования животного. Речь идет не о том, чтобы делать индуктивные или дедуктивные выводы, основываясь на данных биологии, но о том, чтобы выяснить в первую очередь особенности образа жизни человека в обществе, который формируется и развивается путем преемственности и совершенствования деятельности самого человека в данных и изменяющихся условиях, и о том, чтобы найти отношения координации и субординации потребностей, представляющих собой субстрат воли и действия. Дело не в том, чтобы обнаружить намерения людей или дать им оценку, а только в стремлении показать необходимость, заключающуюся в самом факте.

Не по свободному выбору, но потому, что они не могли бы поступать иначе, удовлетворяют люди вначале известные элементарные потребности, а позднее — более совершенные, развившиеся из первых; для того чтобы удовлетворять какие бы то ни было потребности, они изобретают и используют определенные орудия и средства и определенным образом объединяются. Точно так же и материалистическое понимание истории — не что иное, как попытка мысленно воссоздать с помощью данного метода происхождение и постепенное усложнение на протяжении веков общественной жизни. Новизна этого учения не отличается от новизны всех прочих учений, которые, пережив множество перипетий в сфере фантазии, в конце концов с трудом достигли области прозаической действительности и в ней и остались.

II

Имеется известное сходство, по крайней мере внешнее, между формалистическим пороком вербализма и другим недостатком, который укореняется в умах различными путями. Принимая во внимание некоторые его наиболее общие и распространенные проявления, я назову такой недостаток *фразеологией,* хотя это слово не выражает полностью его сущности и не объясняет его происхождения.

В течение многих веков люди пишут историю, объясняют ее, комментируют. Самые разнообразные интересы — от узко практических до чисто эстетических — побуждали разных писателей задумывать и писать подобного рода сочинения, которые, однако, начали появляться в различных странах лишь долгое время спустя после зарождения цивилизации, образования государства и перехода от первобытного коммунистического общества к обществу, покоящемуся — если пользоваться нашей терминологией — на классовых различиях и противоречиях. Историки, даже если они были столь наивны, как некогда был Геродот, всегда рождались и формировались в обществе отнюдь не наивном, а, напротив, весьма сложном и запутанном, причем в такое время, когда причины этой сложности и запутанности были неизвестны, а их происхождение забыто. Эта сложность, со всеми присущими ей контрастами, которые она позднее обнаруживает и заставляет бурно проявиться в разнообразных сменяющих друг друга событиях, вставала перед повествователями как нечто таинственное, требующее объяснений, и, как только историк хотел придать определенную последовательность и известную связь излагаемым им событиям, он был вынужден дополнить простой рассказ соображениями общего характера. От *зависти богов* отца истории Геродота до *среды* г. Тэна бесконечное число концепций, рассматриваемых как средство объяснить повествуемые события и служить дополнением к ним, оказывали давление на рассказчиков, являясь естественным порождением непосредственной мысли. Классовые тенденции, обусловленные религией предвзятые мнения, широко распространенные предрассудки, влияние того или иного господствовавшего философского течения или подражание ему, экскурсы в область фантазии, стремление дополнить художественным вымыслом изложение фактов, известных лишъ во фрагментарной форме,— все эти и другие подобные им причины способствовали образованию субстрата той более или менее наивной теории, дающей толкование событий, которая либо составляет в скрытом виде основу повествования, либо служит по крайней мере для того, чтобы приправить и приукрасить его. Говорят ли о *случае* или *роке,* ссылаются ли на провиденциальное направление человеческих дел, выдвигают ли на первый план слово и понятие *судьба* (единственное божество, кое-как уце-

левшее в строгой и зачастую суровой концепции Макиавелли), рассуждают ли, как это довольно часто делают в наше время, о *логике вещей* — все эти измышления являлись и являются изобретениями и находками мысли наивной, мысли непосредственной, мысли, которая не в состоянии объяснить сама себе при помощи критики или опыта ни своего хода, ни результатов, к которым она приходит. Стремление заполнить условными понятиями (например, *судьба*) или пояснениями с виду теоретического характера (например, *роковой ход событий*, позднее иногда смешивавшийся в представлении с понятием прогресса) лакуны в понимании того, как действительно развиваются события в силу заключенной в них необходимости, независимо от нашей воли и нашего одобрения,— это стремление и является причиной и следствием широко распространенной в скрытом или ясно выраженном виде философии историков нарративного [27] типа. По причине своего непосредственного характера эта философия исчезает, как только появляется критика, основанная на знании.

* * *

Во всех этих представлениях и во всех этих вымыслах, оказывающихся в свете критики лишь временно пригодными вспомогательными средствами и измышлениями незрелой мысли, но нередко кажущихся даже образованным людям non plus ultra (высшим достижением) разума, находит тем не менее свое проявление и отражение немалая часть процесса человеческого развития; поэтому их не следует рассматривать как необоснованные выдумки или порождения кратковременной иллюзии. Они являются частью и моментами становления того, что мы назвали бы человеческим духом. Если случается, что такие представления и вымыслы, смешиваясь и соединяясь, образуют communis opinio (общепринятое мнение) образованных людей или людей, слывущих образованными, они в конце концов начинают составлять как бы огромную груду предрассудков и образуют препятствие, которое порождает невежество, мешая ясному и полному распознаванию действительности. Эти предрассудки в виде своих фразеологических производных повторяются политиканами по профессии, публицистами и газетчиками любого сорта и

вида и представляют риторическую опору так называемого *общественного мнения.*

* * *

Противопоставить такому миражу некритических вымыслов и литературных приемов, таким идолам воображения и условностям реальные предметы или позитивно действующие силы, т. е. людей в их различном, обусловленном обстоятельствами, общественном положении, а затем заменить такими силами эти вымыслы — вот революционная задача и научная цель нового учения, которое *объективирует* и, я сказал бы, почти *натурализирует* объяснение исторических процессов.

* * *

Основу всей истории составляет совокупность факторов. Перечислим эти факторы. Каждый определенный народ представляет собой не любую массу индивидуумов, а объединение людей, организованных тем или иным образом, связанных естественными узами кровного родства или искусственными и скрепленными обычаем отношениями родства и свойства́ или же узами, основанными на постоянном соседстве. Этот народ живет на определенной, заключенной в известные границы территории, в той или иной степени плодородной и так или иначе продуктивной, освоенной благодаря определенным видам регулярного труда; этот народ известным образом расселился на данной территории и расчленен вследствие определенного разделения труда, которое привело к тому или иному (едва зарождавшемуся или развитому) делению на классы или уже к разрушению и преобразованию некоторых классов. Этот народ обладает теми или иными орудиями — от кремня до электрического света, от лука и стрелы до магазинной винтовки; у него существует известный способ производства и соответствующий ему способ распределения продуктов; этот народ благодаря всем отмеченным отношениям составляет общество, где из-за привычки к взаимному приспособлению, либо вследствие заключения четко оформленных договоров, либо в результате перенесенных актов насилия уже зародились или находятся в процессе создания правовые

и политические связи, позднее приводящие к образованию государства; этот народ после появления государственной организации, представляющей собой попытку закрепить, защитить и увековечить неравенство и создающей тем не менее постоянную неустойчивость общественного строя по причине порождаемых ею новых противоречий, что влечет за собой политические движения и революции, предопределяет таким образом причины прогресса и регресса. И в этом комплексе факторов заключается победа прозы действительности над любой теорией фантастического и идеалистического характера.

Разумеется, надо отречься от иллюзий, чтобы видеть вещи такими, какими они существуют в действительности, отбрасывая в сторону фантомы, мешавшие в течение веков правильному видению. Но это открытие реалистического учения не было и не стремится быть возмущением материального человека против человека идеального. Напротив, оно являлось и является обнаружением подлинных принципов и движущих сил всякого человеческого развития, включая все то, что мы назовем идеальным в определенных конкретных условиях, содержащих в себе причины, законы и ритм своего собственного становления.

III

Было бы глубоким заблуждением верить в то, что историки, излагающие, истолковывающие и комментирующие события, сами выдумали и призвали к жизни то немалое количество предвзятых мнений, фантазий и незрелых объяснений, которые вследствие силы предрассудков на протяжении многих веков скрывали правду действительности. Может случиться — и в самом деле иногда случается,— что некоторые из этих предрассудков являются плодом измышлений отдельных людей или порождением литературных течений, формирующихся в узком профессиональном кругу университетов и академий. Об этих предрассудках народ ничего не знает. Но важен тот факт, что история сама набрасывает на себя эти покровы; иначе говоря, сами деятели и действующие лица исторических событий, будь то широкие народные массы, господствующие классы или сословия, прави-

тели государств, секты, партии в узком смысле слова — все они почти до конца XVIII века (за исключением отдельных моментов непродолжительных проблесков) сознавали свою собственную деятельность, лишь облекая ее некими идеологическими покровами, препятствовавшими распознаванию действительных причин событий. Уже в ту темную эпоху, когда совершился переход от варварства к цивилизации, т. е. когда с первыми усовершенствованиями в земледелии, с началом прочной оседлости какой-либо народности на определенной территории, с первым общественным разделением труда и образованием первых союзов различных родов, появились условия для развития собственности и государства или, по крайней мере, города-государства, коротко говоря — уже в эпоху самых первых социальных революций люди видели в своей деятельности чудесные деяния богов и героев. Таким образом, поступая так, как они могли и должны были поступить в силу необходимости на данном уровне экономического развития, они придумывали объяснение собственной деятельности, как если бы она не исходила от них самих. Эта идеологическая оболочка человеческих действий позднее в течение столетий много раз меняла свои формы, внешний вид и изменялась в своих сочетаниях и отношениях, от непосредственного создания наивных мифов до сложных теологических систем и *Града божьего* блаженного Августина, от суеверной веры в чудеса до самого изумительного чуда из всех метафизических чудес — *Идеи*, которая, согласно декадентам гегельянства, в ходе исторического процесса рождает сама и из самой себя, путем собственного отрицания все столь значительно отличающиеся друг от друга разновидности человеческой жизни.

Теперь именно потому, что идеалистический подход к пониманию истории был окончательно преодолен лишь недавно и только в наши дни совокупность реальных и реально действующих отношений была четко отделена от тех наивных отражений, которые она получила в мифах, и от более сложных и изощренных отражений в религии и метафизике, наше учение выдвигает новую проблему и ставит немалые трудности перед теми, кто хочет применить это учение для углубленного толкования истории прошлого.

* * *

Проблема заключается в следующем: наше учение нуждается в новой критике исторических источников. Я не имею в виду исключительно критику документов в собственном и общепринятом смысле слова, ибо в отношении этих последних мы можем большей частью удовлетвориться тем, что нам поставляют во вполне законченном виде профессиональные критики, ученые и филологи. Но я подразумеваю непосредственный источник, обычно находящийся вне собственно документов и существующий — еще до того как он находит свое выражение и фиксируется в последних — в духе и форме осознания действующими лицами мотивов своей собственной деятельности. Этот дух, т. е. это сознание, зачастую не соответствует тем подлинным причинам исторических событий, которые мы теперь в состоянии обнаружить и запечатлеть; поэтому действующие лица представляются нам вовлеченными в замкнутый круг иллюзий. Совлечь с исторических фактов те покровы, в которые сами же факты облекаются в процессе своего развития — вот к чему сводится новая критика источников в реальном значении этого слова, а не в формальном, когда источник отождествляют с документом; вот к чему в конечном итоге сводится способность понять благодаря сознанию, которым мы обладаем теперь, дошедшие до нас сведения об условиях прошлого, с тем чтобы полностью реконструировать затем эти условия заново.

Однако этот пересмотр самых непосредственных источников, являясь наивысшим пределом исторического самосознания, которого когда-либо можно достигнуть, может послужить причиной серьезной ошибки. Поскольку мы становимся на точку зрения, находящуюся за пределами тех идеологических взглядов, благодаря которым исторические деятели осознавали собственные действия и в которых они находили нередко как побуждение к этим действиям, так и их обоснование,— мы можем прийти к ложному убеждению, что эти идеологические взгляды были лишь чем-то кажущимся, чем-то искусственным, чистейшей иллюзией в самом прямом смысле этого слова. Так, например, Мартин Лютер, подобно другим великим реформаторам своего времени, не знал, как это знаем мы теперь, что реформационное движение было лишь этапом

в процессе становления третьего сословия и экономическим восстанием немецкой нации против эксплуатации ее папской курией. Характер Лютера как агитатора и как политика определялся тем, что он был всецело проникнут верой, заставлявшей его видеть в борьбе классов, которая дала толчок волнениям, возврат к истинному христианству и божественную необходимость, кроющуюся за повседневным ходом событий.

Изучение давно прошедших событий, а именно — усиления городской буржуазии, выступавшей против феодальных сеньоров, роста территориальных владений и власти князей за счет межтерриториальной и сверхтерриториальной власти императора и папы, жестокого подавления крестьянского движения и движения анабаптистов [28], по своему характеру более близкого к пролетарскому,— все это позволяет нам заново пересмотреть подлинную историю экономических причин Реформации [29], в особенности понять причины ее успеха, который является основным доказательством ее необходимости. Но это не означает, что мы можем себе позволить рассматривать какой-либо факт изолированно от обстановки, в которой он произошел, и разорвать цепь взаимосвязанных обстоятельств посредством позднейшего анализа, который оказывается совершенно субъективным и упрощенным. Внутренние причины, или, как мы сказали бы теперь, светские и прозаические мотивы, Реформации представляются нам более ясными во Франции, т. е. именно там, где она не окончилась победой; они для нас ясны также в Нидерландах, где в борьбе с Испанией весьма четко проявились помимо национальных различий экономические противоречия; они совершенно ясны, наконец, в Англии, где религиозное обновление, осуществленное путем политического насилия, делает очевидным переход к тем условиям, которые являются для современной буржуазии предвестниками капитализма. Post factum и долгое время спустя после того, как проявились непредвиденные последствия Реформации, становится совершенно ясной история подлинных движущих сил — ее внутренних причин, в большей своей части не осознанных самими деятелями Реформации. Однако специфический характер сопутствующих этому событию обстоятельств, которые никакой предвзятый анализ не в состоянии изменить, заключался в том, что оно произошло

именно так, как оно действительно произошло, приняло определенные формы, облеклось в определенные одежды, получило определенную окраску, в том, что оно пробудило такие страсти и развертывалось с таким фанатизмом.

Только любовь к парадоксу, неотделимая от рвения страстных популяризаторов нового учения, может вселить подчас убеждение, что для исторического исследования достаточно выделить лишь *экономический момент* (нередко еще неясный, а зачастую вовсе не поддающийся выяснению) для того, чтобы отбросить затем все остальное, как ненужный груз, который люди по собственному желанию взваливали себе на плечи, — отбросить как нечто второстепенное, или попросту как сущую мелочь, или же вообще как несуществующее.

Из утверждения, что историю необходимо рассматривать целиком, все ее совокупности, и что в ней ядро и оболочка составляют нечто единое, как это свойственно, по замечанию Гёте, всем вещам, с очевидностью вытекают три следствия.

Прежде всего, ясно, что в сфере историко-социального детерминизма никогда не бывает заметна с первого взгляда связь между причиной и следствием, между условиями и обусловленными ими явлениями, между предшествующими и последующими явлениями, точно так же как все эти отношения никогда не бывают заметны с первого взгляда и в субъективном детерминизме индивидуальной психологии. В области субъективного детерминизма уже с давних пор абстрактной и формальной философии сравнительно легко удавалось обнаруживать, пренебрегая всеми вздорными выдумками относительно фатализма и свободной воли, определенную причину каждого акта воли, ибо в конце концов акт воли определяется решением, обусловленным той или иной причиной. Но за актом воли и его причинами кроется их генезис, и для того чтобы воссоздать этот генезис, следует выйти за пределы замкнутой сферы сознания и подвергнуть анализу элементарные человеческие потребности, которые, с одной стороны, порождаются социальными условиями, а с другой — теряются в темных глубинах биологических свойств, присущих человеческой природе, включая наследственность и атавизм.

То же самое наблюдается и в историческом детерминизме: и здесь таким же образом начинают с побуди-

тельных мотивов — религиозных, политических, эстетических, продиктованных какой-либо страстью и т. п. Однако затем надо найти причины этих мотивов в лежащих в их основе материальных условиях. В наше время изучение этих условий должно быть столь углубленным, чтобы можно было до конца выяснить не только то, что они являются причинами, но и то, какими путями они приняли ту форму, в которой являют себя сознанию как мотивы, происхождение коих часто забывается.

Из этого вытекает, несомненно, и второе следствие: в нашем учении идет речь не о том, чтобы свести к экономическим категориям весь сложный ход исторического развития, а только об объяснении в *последнем счете* (Энгельс) каждого исторического факта при помощи *лежащей в его основе экономической структуры* (Маркс). Такая задача требует анализа и приведения к простейшим элементам, а затем объединения связанных друг с другом отдельных элементов воедино, т. е. синтеза.

В-третьих, отсюда следует, что для перехода от лежащей в основе структуры к какому-либо определенному историческому процессу во всех его разнообразных формах необходимо обратиться к тому комплексу понятий и знаний, который можно назвать, за отсутствием другого термина, *общественной психологией.* Пользуясь этим термином, я не имею намерения намекать ни на фантастическое существование социальной души, ни на вымысел о так называемом коллективном духе, который якобы обнаруживает и проявляет себя в общественной жизни, следуя своим собственным законам, не зависящим от сознания индивидуумов и от их материальных и поддающихся определению отношений. Это чистейший мистицизм. Я не имею также намерения ссылаться на те попытки обобщения, которые явились целью трактатов по общественной психологии, заключающих в себе следующую идею: перенести на вымышленный объект, который называется общественным сознанием, и применить к нему категории и формы, установленные для психологии индивидуумов. Я не собираюсь, наконец, ссылаться на то множество полубиологических и полупсихологических названий, при помощи которых социальному организму приписывают, на манер Шеффле, головной мозг, спинной мозг, способность ощущать, чувства, сознание, волю и т. п. Я намерен говорить о более скромных и прозаических вещах: о конкрет-

ных и определенных формах общественного сознания, при рассмотрении которых перед нами предстают в своем подлинном облике плебеи Рима той или иной эпохи, ремесленники Флоренции времени, когда вспыхнуло движение чомпи, или же те крестьяне Франции, в среде которых зародилась, по выражению Тэна, стихийная анархия 1789 года,— те крестьяне, которые, став затем свободными работниками и мелкими собственниками или обретя надежду на получение мелкой собственности, за короткий срок превратились из людей, одерживающих победы за пределами своей родины, в слепое орудие реакции. Эту общественную психологию, которую никто не может свести к абстрактным канонам, ибо она носит в большинстве случаев чисто наглядный и конкретный характер, историки нарративного типа, ораторы, художники, романисты и различного рода идеологи рассматривали и познавали до сих пор как предмет исключительно их исследований и измышлений. К этой психологии, представляющей собой специфическое сознание людей в данных социальных условиях, обращаются и апеллируют агитаторы, ораторы и пропагандисты различных идей. Нам известно, что она является плодом производным, следствием определенных, конкретных социальных условий. Данный класс, находящийся в данном положении, определяемом выполняемыми им функциями, подчинением, в котором он находится, или господством, которое он осуществляет, и вообще классы, их функции, подчинение и господство — все это предполагает тот или иной определенный способ производства и распределения средств существования, т. е. специфическую экономическую структуру. Эта общественная психология, природа которой всегда зависит от условий существования, не является выражением абстрактного и общего процесса развития так называемого человеческого духа; она неизменно представляет собой специфический продукт специфических условий.

Итак, мы считаем бесспорным положение, что не формы сознания людей определяют их общественное бытие, а, наоборот, их бытие определяет их сознание (Маркс). Но эти формы сознания, поскольку они определяются условиями жизни, также составляют часть истории. История — это не только экономическая анатомия общества, но вся совокупность явлений, которые облекают и покрывают дан-

ную анатомию, включая многообразные отражения ее в фантазии. Или, иными словами, не может быть ни одного исторического факта, который своим происхождением не был бы обязан условиям находящейся в основе экономической структуры; но вместе с тем не может быть ни одного исторического события, которому бы не предшествовали, которого бы не сопровождали и за которым бы не следовали определенные формы общественного сознания, будь то сознание, основанное на суеверии или на опыте, на непосредственном восприятии или на рефлексии, сознание, вполне развившееся или непоследовательное, импульсивное или самоконтролируемое, фантастическое или рационалистическое.

IV

Незадолго до этого я отмечал, что наше учение объективирует и в известном смысле *натурализирует* историю, находя ее объяснение не в том, что прежде всего бросается в глаза: в волеизъявлениях людей, действующих целеустремленно, и представлениях, находящихся в связи с их деятельностью,— а, напротив, в причинах воли и действия и побуждениях к ним,— с тем чтобы затем обнаружить взаимосвязь этих причин и побуждений в основных процессах производства средств существования.

Ныне в термине «натурализовать» таится для многих сильное искушение смешать проблемы этого порядка с проблемами иного порядка, т. е. распространить на историю законы и понятия, которые представлялись подходящими и пригодными для изучения и объяснения мира природы вообще и животного мира в частности. Дарвинизму удалось благодаря принципу изменчивости видов захватить последнюю цитадель метафизического учения о неизменяемости вещей, вследствие чего организмы превратились в фазы и моменты подлинной естественной истории. Поэтому многим показалось очевидным и простым заимствование для объяснения происхождения человека и истории человечества тех закономерностей и принципов, которым подчинена жизнь животных, развивающаяся непосредственно в условиях борьбы за существование, а следовательно, в географической среде, не преобразованной воздействием труда. Политический и социальный дарвинизм [30] владел в течение многих лет, подобно эпидемии,

умами некоторых исследователей и еще большего числа адвокатов и декламаторов социологии, и в конце концов повлиял даже, как модная привычка или фразеологическое течение, на повседневный язык политиканов.

* * *

На первый взгляд кажется, что имеется нечто непосредственно очевидное и интуитивно правдоподобное в этом образе мышления, который, впрочем, отличается главным образом злоупотреблением аналогиями и слишком поспешными выводами. Человек, несомненно, животное и связан с другими животными узами происхождения и генетического родства. У него нет преимуществ в отношении происхождения и элементарного строения организма; физиология его организма есть не более как частный случай общей физиологии. Первоначальным и непосредственным полем его деятельности была природа, не подвергавшаяся искусственным изменениям под воздействием труда; это создало условия для настоятельной и неизбежной борьбы за существование, имевшей своим следствием разные формы приспособления человека к природе. Результатом такого приспособления являются расы в подлинном значении этого слова, т. е. поскольку они отличаются одна от другой непосредственно такими признаками, как черный или белый цвет кожи, курчавые или прямые волосы и т. п., а не представляют собой вторичных историко-социальных образований, т. е. народов и наций. Результатом подобного приспособления являются также первобытные общественные инстинкты и, вследствие перехода к промискуитету [31],— первые зачатки полового отбора.

Мы имеем возможность лишь представить себе умозрительным путем, комбинируя догадки и предположения, дикого первобытного человека (ferus primaevus), но нам не дано постигнуть его с помощью интуиции, основанной на опыте, точно так же как нам не дано определить генезис того hiatus (пропасти), т. е. того перерыва в преемственности, вследствие которого жизнь человека оказалась как бы оторванной от жизни животных и в дальнейшем поднималась на все более высокую ступень по сравнению с последней. Все люди, населяющие землю в настоящее время, и все, кто населяли ее в прошлом и явились объектом сколько-нибудь достоверных наблюдений, весьма зна-

чительно отдалились в своем развитии от того момента, когда для человечества прекратилось животное существование в собственном смысле этого слова. Любая жизнь в обществе, когда уже выработались известные обычаи и институты, пусть даже в самой примитивной из известных нам ныне форм, т. е. в австралийском племени, разделенном на классы и практикующем брак между всеми мужчинами одного класса и всеми женщинами другого, — создает значительный разрыв между жизнью человека и жизнью животного. Переходя к дальнейшему этапу и рассматривая gens materna (материнский род) (открытие Морганом его классического типа, существовавшего у ирокезов, революционизировало изучение предыстории и дало в то же время ключ к пониманию истоков собственно истории), мы видим форму общества, намного продвинувшегося вперед по сложности своих отношений. Даже на той ступени общественной жизни, которая на основании наших познаний о ходе исторического процесса представляется нам самой примитивной, т. е. в австралийском обществе, существует не только довольно сложный строй языка (а язык представляет собой, можно сказать, условие и орудие, причину и следствие общественного бытия), отличающий человека от всех остальных животных, но и имеет место специализация деятельности человека, проявившаяся помимо применения огня в употреблении различных искусственных средств удовлетворения своих жизненных потребностей. Определенная территория, занятая племенем для своих передвижений, известные приемы охоты, превосходное использование некоторых орудий защиты и нападения, наличие кое-какой утвари для хранения добытых припасов, способы украшения тела и т. п.— все это свидетельствует о том, что такая жизнь в сущности протекала в искусственной, хотя и очень примитивной среде, к которой люди стремились приспособиться. Эта среда является в конечном итоге необходимым условием всего дальнейшего развития. В зависимости от степени развития этой искусственной среды мы причисляем людей, создавших ее и живущих в ней, к той или иной ступени дикости или варварства, и это первичное образование искусственной среды соответствует тому, что обычно называется *предысторией*.

История, если придавать этому слову общепринятое в литературе значение, т. е. та часть процесса развития че-

ловечества, традиции которой четко запечатлены в памяти поколений, начинается тогда, когда искусственная среда прошла уже длительный период развития. Так, например, система каналов в Месопотамии вызвала к жизни древнее Вавилонское государство, а отводные каналы Нила — древнейший хамитский Египет. В этой искусственной среде, находящейся на самой заре собственно истории, жили, как и теперь живут, не бесформенные массы индивидуумов, а организованные общества, которые создавали свою организацию, подобно тому как это происходит теперь, путем распределения обязанностей, иными словами — труда, и вытекающих отсюда определенных форм и видов координированной деятельности и подчинения одних другим. Такого рода отношения и связи, а также образ жизни не являлись, как и не являются ныне, результатом повторения и фиксации навыков, сложившихся под непосредственным воздействием животной борьбы за существование. Более того, они имеют своей предпосылкой изобретение известных орудий, одомашнивание ряда животных, обработку камня и металлов, включая железо, введение рабства и тому подобные орудия и способы хозяйства, которые сначала дифференцировали общественные коллективы один от другого, а затем — одних членов этих коллективов от других. Иными словами, деятельность людей, поскольку они объединены в общества, оказывает воздействие на самих людей. Их открытия и изобретения, создавая условия жизни, далекие от естественных, породили не только навыки и обычаи (употребление одежды, вареной пищи и пр.), но и отношения и связи совместного существования, соразмерные и соответствующие способу производства и воспроизводства непосредственной жизни.

В то время когда начинается история, сведения о которой дошли до нас в виде устной традиции, *экономика* уже существовала. Люди трудились, чтобы поддержать свое существование, в среде, в значительной степени измененной благодаря их труду, и с помощью орудий, всецело являвшихся продуктом их труда. И, начиная с этого времени, они боролись между собой за то, чтобы занять лучшее положение и получить преимущество в использовании этих искусственных орудий, иначе говоря — они боролись между собой как рабы и господа, подданные и сеньоры, покоренные и завоеватели, эксплуатируемые и эксплуата-

торы; однако во всех случаях,— там, где наблюдался прогресс, и там, где имел место регресс, а также там, где люди оказались не в состоянии преодолеть данную общественную форму и временно наступил застой,— они никогда не возвращались более к чисто животной жизни и не утрачивали полностью *искусственной среды.*

Таким образом, первой и главной задачей исторической науки является определение и исследование искусственной среды, ее происхождения и состава, ее изменений и преобразований. Утверждать, что эта среда составляет лишь часть и продолжение природы, значит высказать мысль, которая носит слишком общий и абстрактный характер и поэтому в конечном итоге не имеет никакого определенного значения.

Человеческий род живет только в земных условиях, и нельзя предположить возможность его перенесения в другое место. В таких условиях он находил с самого начального этапа существования человека и вплоть до наших дней средства, необходимые для развития труда, т. е. как для прогресса материальной культуры, так и для внутреннего формирования самого человека. Эти естественные условия всегда необходимы: как прежде — для спорадического земледелия кочевников, время от времени возделывавших землю, чтобы пасти скот, так и теперь — для выращивания изысканных продуктов современного интенсивного садоводства. Эти земные условия давали различные породы камня, пригодные для изготовления первого оружия, и дают ныне каменный уголь — источник энергии для крупной промышленности; они давали первобытным племенам тростник и ивовые прутья для плетения и дают ныне все материалы, нужные для сложной современной электротехники.

Однако прогресс наблюдался не в самих материалах природы, а только в людях, которые постепенно обнаруживали в природе благодаря накопленному труду, т. е. опыту, условия для создания новых, все более сложных форм производства. Этот прогресс не сводится целиком к тому, что подразумевают под ним приверженцы субъективистской психологии, а именно: к внутренним изменениям, которые состоят в самом развитии разума и мышления. Более того, этот прогресс во внутреннем развитии человека является вторичным и производным, поскольку он имеет своей предпосылкой прогресс, происходящий в ис-

кусственной среде, представляющий собой следствие общественных отношений, возникших на основе определенных форм труда и его разделения. Поэтому утверждение, будто все это — лишь простое продолжение природы, лишается смысла, за исключением того случая, когда слову «природа» хотят придать столь широкое значение, что под этим словом перестают подразумевать что-либо точное и определенное и имеют в виду все, не представляющее собой продукты развивающейся трудовой деятельности человека.

История — творение человека, поскольку человек может создавать и совершенствовать свои орудия труда и посредством этих орудий формировать искусственную среду, которая затем воздействует сложными путями на самого человека и является в данном своем состоянии и в своих последующих изменениях причиной и условием его развития. Следовательно, нет никаких оснований сводить это творение человека, каким является история, к простой борьбе за существование. Если борьба за существование совершенствует и изменяет органы животных, если при известных обстоятельствах и в известных случаях она вызывает появление и развитие новых органов, то она не порождает, тем не менее, того непрерывного, происходящего по восходящей линии и обладающего преемственностью движения, каким является процесс развития человечества. Наше учение не следует смешивать с дарвинизмом, и оно не нуждается в том, чтобы вновь прибегать к понятию *фатализма* в какой-либо из его форм — мифической, мистической или метафорической. Ибо, если верно, что история опирается главным образом на развитие техники, и, иными словами, если верно, что последовательное изобретение орудий труда имеет своим результатом последовательные виды разделения труда, а вместе с ними — типы неравенства, которые в своей совокупности, более или менее стабильной, составляют так называемый общественный организм, то столь же верно и другое: изобретение этих орудий является причиной и одновременно следствием тех условий и форм внутренней жизни, которые мы, рассматривая их изолированно как абстрактные категории психологии, называем воображением, сознанием, разумом, мышлением и т. п. Создавая последовательно разные виды социальной среды, т. е. разные искусственные условия для своей деятельности, человек изменял в то же самое время свою собственную природу. Именно в этом заключается

подлинное ядро, конкретное основание, позитивный фундамент того, что, претворяясь в различные фантастические комбинации и разнообразные логические построения, создало у идеалистов представление о прогрессивном развитии человеческого духа.

* * *

Тем не менее выражение «натурализировать историю», которое, если его понимать в слишком широком и общем смысле, может дать повод к упомянутой нами двусмысленности, и употребляемое с должной осторожностью и весьма приближенно, содержит в себе в сжатой форме критику всех идеалистических воззрений, исходящих в своем толковании истории из предпосылки, что труд и деятельность человека составляют единое целое со свободной волей, свободным выбором и свободными намерениями.

Для теологов было удобно и не представляло трудностей свести весь ход человеческих дел и событий к единому плану или предначертанию, так как они совершали скачок от данных опыта к предполагаемому духу, управляющему вселенной. Юристы, имевшие возможность первыми обнаружить в институтах, составляющих объект их исследований, некую руководящую нить, позволяющую увидеть, как одни формы с наглядной последовательностью сменяют другие, без особых затруднений переносили и переносят по сей день представление о мыслящем разуме, который является их профессией, на объяснение всего обширного и столь сложного комплекса социальных отношений. Политические деятели, которые, естественно, исходят из данных опыта, свидетельствующего о том, что правители государства имеют возможность либо с согласия массы подданных, либо используя противоречия интересов различных социальных группировок, ставить себе определенные цели и осуществлять свои намерения, замыслы и планы,— эти деятели склонны усматривать в последовательном развертывании человеческих действий лишь разные варианты намерений, замыслов и планов. Теперь же наше учение, революционизируя самые основы гипотез теологов, юристов и политических деятелей, приходит к утверждению, что труд и деятельность человека вообще далеко не всегда в ходе исторического развития соответствуют его воле, ставящей перед собой определенную цель, заранее обдуманным планам и свободному выбору средств,

т. е. они не соответствуют мыслящему разуму. Все то, что произошло в ходе истории,— дело рук человека, но за редкими исключениями исторические события не являлись и не являются результатом критического выбора или воли, опирающейся на разум. Напротив, именно в силу необходимости человеческая деятельность, порождаемая потребностями и объективными факторами, создает опыт и вызывает развитие внутренних и внешних органов, в том числе интеллекта и разума, также являющихся результатом и следствием повторного и накопленного опыта. Объяснение того, как происходило всестороннее формирование человека, вступившего на путь исторического развития, является уже не гипотезой и не простой догадкой, а наглядной и очевидной истиной. Условия исторического процесса, порождающего прогресс, могут быть ныне сведены к ряду объяснений, и до известного предела нам совершенно ясна общая схема всех вариантов исторического развития в их морфологическом понимании. Это учение решительно и окончательно отрицает всяческий идеализм, ибо оно представляет собой отчетливо выраженное отрицание всех форм рационализма, если под последним подразумевать ошибочное мнение, будто бы вещи в своем существовании и развитии явно или скрыто отвечают известной норме, идеалу, какому-то мерилу, определенной цели. Весь ход человеческих действий представляет собой сумму, вернее, ряд условий, которые создали сами люди при помощи опыта, накопленного в меняющейся общественной жизни, но он не означает ни приближения к заранее намеченной цели, ни отклонения от первоначального идеала совершенства и счастья. Сам прогресс привносит с собой лишь эмпирическое и обусловленное обстоятельствами представление о вещах. В настоящее время это представление приобретает в наших умах ясность и отчетливость, ибо, исходя из развития, происходившего до сих пор, мы оказались в состоянии дать оценку прошлому, а также в известном смысле и в известной мере предвидеть или предугадать будущее.

V

Таким путем устраняются серьезная двусмысленность и связанная с ней опасность. Разумным и обоснованным является стремление тех, кто поставил перед собой цель

подчинить всю совокупность событий истории человечества, рассматриваемых в их движении, строгой и последовательной концепции *детерминизма.* Напротив, лишено всяких оснований отождествление этого детерминизма, отраженного и имеющего сложный характер, с детерминизмом непосредственной борьбы за существование, которая развертывается в обстановке, не подвергшейся изменениям под воздействием непрерывной трудовой деятельности. Абсолютно обоснованным и правомерным является историческое объяснение, которое, отправляясь от предполагаемых обдуманных актов воли, якобы произвольно направляющей человеческую жизнь на ее различных фазах, приходит к рассмотрению объективных мотивов и причин каждого акта воли, которые следует искать в условиях среды, территории, средств, которыми располагает человек, и в обусловленном обстоятельствами опыте. Но, напротив, лишено какого бы то ни было основания мнение, пытающееся вообще отрицать наличие воли, исходя из теории, которая подменяет волюнтаризм автоматизмом: в конечном итоге автоматизм представляет собой такую же несомненную и полную бессмыслицу, как и волюнтаризм. Повсюду, где развитие средств производства достигло определенного уровня, где искусственная среда приобрела известную устойчивость, где социальные различия и вытекающие из них противоречия создали и необходимость, и возможность, и условия для более или менее прочной или непрочной государственной организации,— там неизменно и неизбежно появляются преднамеренные замыслы, политические проекты, планы деятельности, правовые системы, а затем — общие и абстрактные принципы. В кругу этих явлений и этих процессов, производных, сложных и, я бы сказал, вторичных, рождаются также науки, искусства, философия, образование и история как род литературного произведения. Это тот самый круг явлений, которому сторонники рационализма и идеалисты, незнакомые с его реальным базисом, давали и дают до сей поры особое название — *цивилизация.* Ибо и в самом деле случалось и случается, что некоторые люди, в особенности профессиональные ученые, будь то светские, будь то духовные лица, находили и находят возможность вести интеллектуальную жизнь в замкнутом кругу отраженных и вторичных продуктов цивилизации; поэтому они могли и могут подчинять все остальное субъективным воз-

зрениям, которые вырабатываются ими в подобной обстановке. В этом и кроются истоки и объяснение идеализма любого вида. Наше учение решительным образом преодолело точку зрения всех идеалистических доктрин. Прежде чем заранее обдуманные планы, политические проекты, науки, правовые системы и т. п. могут служить средством и орудием объяснения истории, они сами нуждаются в объяснении, так как они порождены определенными условиями и обстоятельствами. Но это не означает, что они — просто видимость, мыльные пузыри. Если вещи произошли и образовались из других вещей, то из этого не следует, что они не существуют реально. Недаром на протяжении веков они казались ненаучному сознанию и даже научному сознанию, еще находящемуся в процессе своего формирования, единственными действительно существующими вещами.

* * *

Однако этим еще не все сказано. И наше учение может дать волю воображению и представить условия и аргументацию для новой идеологической системы прямо противоположного характера. Оно родилось на поле битвы, которую ведет коммунизм. Оно имеет своей предпосылкой появление на политической арене современного пролетариата и предполагает ту способность разбираться в проблеме происхождения современного общества, которая позволила нам полностью критически воссоздать весь генезис буржуазии. Оно является революционным в двух отношениях: потому, что оно открыло причины и пути развития пролетарской революции, которая находится in fieri (в процессе становления), и потому, что оно стремится найти причины и условия развития всех остальных социальных революций, происходивших в прошлом, в тех классовых противоположностях, которые достигали известного критического момента в результате обострения противоречий между производственными отношениями и развитием производительных сил. Более того, в свете этого учения именно подобные критические моменты составляют самое главное в истории, а процессы, протекающие в промежуток времени между двумя такими моментами, можно — по крайней мере, в настоящее время — предоставить заботам профессиональных ученых-повествователей. Благо-

даря своему революционному характеру наше учение прежде всего представляет собой интеллектуальное сознание современного пролетарского движения, в лоне которого, согласно нашему утверждению, издавна создаются предпосылки для наступления коммунизма. Недаром ярые противники социализма отвергают наше учение как воззрение, будто бы лишь сохраняющее видимость научного, но в действительности воспроизводящее хорошо известную социалистическую утопию.

При таких обстоятельствах вполне может случиться и в самом деле уже подчас случается, что воображение людей, совершенно незнакомых с методами исторического исследования, и рвение фанатиков находят даже в историческом материализме стимул и повод к созданию новой идеологической системы и — на ее основе — новой философии истории, которая носит систематический, т. е. схематический, иными словами — тенденциозный и предвзятый, характер. Здесь необходима величайшая осторожность. Наш интеллект редко довольствуется строго критическим исследованием и неизменно склонен к превращению любого открытия мысли в элемент педантизма и новую схоластику. Короче говоря, даже материалистическая концепция истории может быть превращена в форму отвлеченных рассуждений и способствовать возрождению в новом обличье старых предрассудков; таков предрассудок, полагающий, что историю можно рассматривать с помощью абстрактных доказательств, толкований и умозаключений.

Для того чтобы этого не произошло, и в особенности для того, чтобы не появилась вновь, косвенно и скрыто, *телеология* в той или иной форме, следует уяснить себе два момента: что все известные нам исторические условия определялись конкретными обстоятельствами и что до сих пор прогресс всегда наталкивался на своем пути на многообразные препятствия и поэтому неизменно был частичным и ограниченным.

* * *

Только часть человеческого рода — причем, вплоть до самого недавнего времени, небольшая его часть — прошла в своем внутреннем развитии все стадии процесса, в результате которого наиболее передовые нации достигли

состояния современного гражданского общества с его передовой техникой, покоящейся на научных открытиях, и со всеми политическими, интеллектуальными, моральными и тому подобными последствиями, сообразными и соответствующими этому уровню развития. Приведем наиболее разительный пример: бок о бок с англичанами, принесшими с собой в Новую Голландию* европейские средства производства и создавшими там центр промышленности, уже занимающий значительное место на мировом рынке с его конкуренцией, до сих пор живут, подобно ископаемым видам доисторического человека, австралийские туземцы, которые обречены на вымирание и не в состоянии приспособиться к цивилизации, внедренной не у них, а рядом с ними. В Америке, и особенно в Северной Америке, цепь действий, приведших к развитию современного общества, началась со ввоза из Европы растений, домашних животных и земледельческих орудий, применение которых породило ab antico (в античности) многовековую цивилизацию Средиземноморья; однако в Америке это движение целиком осталось ограниченным замкнутым кругом потомков конквистадоров и колонистов, в то время как туземцы либо растворяются в массах пришельцев путем естественного смешения рас, либо полностью вымирают и исчезают с лица земли. Передняя Азия и Египет, которые уже в древнейшие времена, будучи колыбелью всей нашей цивилизации, положили начало крупным полуполитическим образованиям, прошедшим первые фазы истории, известной нам благодаря достоверной традиции,— на протяжении ряда столетий предстают перед нами сохранившими окостеневшие социальные формы, неспособными к самостоятельному движению вперед, переходу к новым фазам развития. Над ними тяготеет вековой гнет варварского военного лагеря, каким является турецкое господство. В эту застывшую массу проникает скрытыми путями административная система, принявшая в некоторой степени современный характер, а также, исключительно в интересах торговли,— железные дороги и телеграф, эти деятельные аванпосты европейского банка-завоевателя. Вся эта застывшая масса населения может надеяться на то, чтобы вернуть себе жизнь, энергию и подвижность лишь в результате кру-

* Современная Австралия.— *Ред.*

шения турецкого господства, на место которого постепенно становится, с помощью всех возможных, прямых и косвенных методов завоевания, владычество или протекторат европейской буржуазии *. Тот факт, что процесс преобразования народов отсталых или остановившихся в своем развитии может быть осуществлен и ускорен благодаря внешним влияниям, подтверждается на примере Индии. Эта страна, живущая еще своей собственной жизнью, активно включается ныне под воздействием Англии в кругооборот международной деятельности, поставляя даже продукты своего интеллектуального творчества. Но это не единственные контрасты в историческом облике современной эпохи. Так, в то время как Япония, действующая по своей собственной воле и настойчиво стремящаяся к подражанию, менее чем за тридцать лет в известной степени восприняла западную цивилизацию, что послужило толчком к отныне нормальному развитию собственных сил страны,— русское завоевание по праву силы вовлекло значительный район по ту сторону Каспийского моря в сферу влияния современной промышленности, даже крупной. До самых последних лет громадный Китай казался почти неподвижным со своими учреждениями, унаследованными от глубокой древности,— настолько медленно совершаются в нем какие-либо изменения. В то же время по причинам этнического и географического порядка почти вся Африка оставалась непроницаемой для культуры, и вплоть до периода последних попыток ее завоевания и колонизации казалось, что только прибрежной полосе Африки суждено подвергнуться влиянию цивилизации, как если бы мы жили даже не во времена португальцев, а в эпоху греков или карфагенян.

Такая дифференциация людей на путях их исторического и доисторического развития становится вполне объяснимой, когда мы располагаем возможностью поставить ее в связь с естественными и непосредственными условиями, ограничивающими эволюцию труда. Именно так обстояло дело в Америке, где до появления европейцев имелся лишь один зерновой злак — маис и одно животное, которое можно было приручить и использовать для рабо-

* Колониальная политика при капитализме *никогда* не способствовала экономическому и культурному развитию порабощенных стран, а, наоборот, препятствовала такому развитию, беспощадно эксплуатируя народы и богатства этих стран.— *Ред.*

ты,— лама. Мы можем быть довольны, что европейцы вместе со своими особами и своими орудиями ввезли в Америку вола, осла, лошадь, пшеницу, хлопок, сахарный тростник, кофе и, наконец, виноградную лозу и апельсинное дерево и таким образом создали там новое общество, производящее товары,— общество, которое с неслыханной быстротой прошло уже две фазы своего развития: фазу самого отвратительного рабства и фазу самой демократической системы наемного труда. Однако там, где имеет место действительная остановка процесса развития и даже подтвержденный источниками регресс, как, например, в Передней Азии, Египте, на Балканском полуострове и в Северной Африке, и такая задержка не может быть объяснена особенностями природных условий,— там мы сталкиваемся лицом к лицу с проблемой, решить которую можно лишь путем непосредственного и детального исследования социального строя; при этом социальный строй следует рассматривать как с точки зрения внутреннего процесса его становления, так и с точки зрения сложного переплетения интересов различных народов в той сфере, которую обычно называют ареной исторической борьбы.

Даже та самая цивилизованная Европа, которая вследствие непрерывности традиции являет столь законченную схему процесса своего развития, что по этому образцу до сих пор придумывали и строили все системы философии истории; та самая Западная и Центральная Европа, которая породила буржуазную эпоху и пыталась и пытается насадить эту форму общества во всем мире посредством разнообразных, прямых и косвенных методов завоевания,— не представляет собой полного единообразия в отношении уровня своего развития, и ее различные национальные, региональные и политические конгломераты представляются как бы размещенными на лестнице со множеством ступеней. От подобных различий зависит относительное превосходство одних стран над другими и более или менее выгодные или невыгодные условия экономического обмена данной страны с другими. От этого в свою очередь в большей своей части зависели и зависят поныне столкновения и разные формы борьбы, договоры и войны и все остальное, что сумели рассказать нам с большей или меньшей точностью историки, занимавшиеся политической историей начиная с эпохи Воз-

рождения и — разумеется, со все возрастающей степенью достоверности — со времен Людовика XIV и Кольбера.

Итак, даже сама Европа отличается большой пестротой. В одной стране — наивысший расцвет капиталистического промышленного производства — такова Англия; в других местах сохраняется процветающее или захиревшее ремесло, как, например, от Парижа до Неаполя, если мы хотим представить себе этот факт в обоих его крайних проявлениях. В одной стране деревня почти полностью индустриализирована, как это наблюдается в той же Англии, в других — крестьянство прозябает, погруженное в идиотизм деревенской жизни в его многообразных традиционных формах, как это имеет место в Италии и Австрии, причем в последней — в еще большей степени, чем в Италии. В то время как в одной стране политическое управление государством осуществляется — как это и подобает прозаическому сознанию буржуазии, которая знает свое дело, ибо она действительно сама завоевала занимаемое ею положение — наиболее надежными методами, путем неприкрытого классового господства в его отчетливо выраженных формах (любой поймет, конечно, что я имею здесь в виду Францию), в других странах, особенно в Германии, старые феодальные обычаи, протестантское лицемерие и трусость буржуазии, использующей благоприятную экономическую обстановку, не внося в нее революционного духа и смелости,— все это дает *существующему государству* возможность сохранять лживую видимость якобы выполняемой им этической миссии (о, тупые и ретроградные немецкие профессора, под какими только малоаппетитными и неудобоваримыми соусами не подавали вы эту государственную этику, и вдобавок — *прусского государства!*). Здесь и там современное капиталистическое производство внедряется в странах, которые в других аспектах не принимают участия в буржуазном движении, в особенности в политическом аспекте, как это имеет место в несчастной Польше, или же такое производство проникает лишь окольным путем, как в южнославянских странах.

Однако наиболее резкий контраст, как будто предназначенный для того, чтобы представить на всеобщее обозрение в сжатом виде все, даже самые крайние фазы исторического процесса, являет собой Россия. Эта страна не могла пойти по пути развития крупной промышлен-

ности (такая промышленность действительно начинает развиваться в настоящее время), не выкачивая из Западной Европы, и преимущественно из Франции с ее «очаровательным» шовинизмом, те денежные средства, которые она тщетно пыталась бы извлечь из себя самой, т. е. на своей собственной огромной территории, где прозябает в условиях старых экономических форм пятьдесят миллионов крестьян. В настоящее время Россия пришла к тому, что для превращения в общество с современной экономикой, которое, вероятно, подготовит условия для соответствующей политической революции, необходимо разрушить последние остатки аграрного коммунизма * (здесь не следует решать вопрос о том, был ли этот коммунизм непосредственно связан по своему генезису с *первобытным* или же он был, как полагают некоторые, *вторичного происхождения*) — остатки, которые сохранялись вплоть до последнего времени в столь типичных формах и в таком объеме. Россия должна обуржуазиться, и для этого она должна прежде всего превратить землю в товар, способный в свою очередь производить товары, и одновременно обратить бывших общинников деревни в пролетариев и нищих. В Западной и Центральной Европе мы находимся, напротив, на противоположном полюсе процесса развития, едва лишь начинающегося в России. Здесь, у нас, где буржуазия уже прошла — более или менее успешно, преодолевая на своем пути самые разнообразные препятствия — столько стадий своего развития, не воспоминание о первобытном коммунизме, с великим трудом оживающее благодаря научным комбинациям в головах ученых, а сам буржуазный способ производства порождает в пролетариате стремление к социализму, который уже обрисовывается в общих контурах как указание на новый исторический период, а не как повторение того, что гибнет, подчиняясь неумолимым законам, на наших глазах в славянских странах.

* * *

Кто же не увидит в этих приведенных мною примерах, которых я не подбирал намеренно, более того — которые пришли мне в голову почти случайно и в беспорядке,

---

* Речь идет об общинном землепользовании в России.— *Ред.*

повторяю, в этих примерах, которые могут быть продолжены до бесконечности в книге, посвященной политико-экономической географии современного мира,— наглядное доказательство того факта, что исторические условия целиком определяются формами их развития? Не только расы, народы, нации и государства, но и части наций и разные области государств, сословия и классы находятся как бы на самых различных ступенях очень длинной лестницы или же на различных точках кривой, изображающей длительный и сложный процесс развития. Течение истории не было единообразным для всех людей. Простая смена поколений никогда не служила признаком устойчивости и интенсивности процесса развития. Время как абстрактное мерило хронологии и поколения, следующие одно за другим через приблизительно равные промежутки времени, не дают ни критерия, ни указаний на какие-либо законы или процессы. Формы развития были до сей поры разными потому, что разными были события, свершавшиеся за один и тот же отрезок времени. Между этими различными формами развития существует сходство, даже подобие их побудительных причин, иными словами — аналогия типа, т. е. соответствие; поэтому передовые формы могут посредством простого контакта или насильственным путем ускорить развитие отсталых форм. Но важнее всего уяснить себе, что прогресс, понятие которого является не только эмпирическим, но всегда обусловленным обстоятельствами, а следовательно, ограниченным,— не нависает над ходом человеческих дел подобно судьбе или року либо как непреложный закон истории. Поэтому наше учение не может иметь своей целью представить всю историю человеческого рода в единой перспективе, повторяющей mutatis mutandis (с соответствующими изменениями) ту философию истории от св. Августина до Гегеля или, пожалуй, от пророка Даниила до господина де Ружмона, которая изображает весь ход развития как происходящий по заранее начертанному пути.

Наше учение не претендует на то, что оно раскрывает умозрительным путем некий великий план или замысел: оно является лишь методом исследования и истолкования. Не случайно Маркс говорил о своем открытии как о руководящей нити. Именно поэтому это учение аналогично дарвинизму, который также представляет собой метод,

и оно не является, да и не может быть приспособленным к современности воспроизведением сконструированной и конструктивной *натурфилософии,* пригодной для Шеллинга и его соратников.

* * *

Первым заметил в понятии прогресса указание на то, что ему присуще нечто относительное и обусловленное обстоятельствами, гениальный Сен-Симон, противопоставивший этот свой взгляд доктрине XVIII столетия, в значительной степени нашедшей свое кульминационное выражение у Кондорсе. Этой доктрине, которая могла бы называться унитарной, уравнительной и формальной, так как она считала, что процесс развития человеческого рода происходит неизменно по одной и той же восходящей линии, Сен-Симон противополагает теорию о том, что в ходе истории одни способности и свойства человеческого духа заменяются и возмещаются другими; таким образом, он остался идеалистом.

Для того чтобы понять истинные причины относительного характера прогресса, требовалось совсем другое. Необходимо было прежде всего отказаться от тех ошибочных взглядов, которые вытекают из убеждения, что единообразному развитию человечества препятствуют исключительно различные природные условия. Эти препятствия либо весьма проблематичны, как мы это видим на примере рас, ни одна из которых не обладает прирожденной привилегией быть исторической расой, либо — как это наблюдается в отношении географических различий — они не способны объяснить формирование историко-социальных условий, резко различающихся между собой в одной и той же природной среде. Историческое движение рождается именно тогда, когда естественные препятствия уже в значительной части преодолены или заметно уменьшились в результате создания искусственной среды, в которой будущие поколения смогут продолжить свое развитие. Таким образом, ясно, что те препятствия единообразию прогресса, которые встречаются в дальнейшем, следует искать в собственных внутренних условиях самой социальной структуры общества.

Эта структура до сих пор находила свое завершение в той или иной форме политической организации, которая

в конечном счете пытается поддерживать в равновесии экономическое неравенство, вследствие чего такая организация, как я неоднократно отмечал, отличается постоянной неустойчивостью. С тех пор как существует история, сведения о которой дошли до нашего времени, она является историей общества, стремящегося к образованию государства или уже завершившего его образование. А государство означает внутреннюю борьбу, которая или находится в самом разгаре, или незадолго до данного момента подавлена, или же на некоторое время успокоена. Государство означает также внешнюю борьбу, которая ведется с целью покорения других народов, или колонизации других стран, или экспорта продуктов на рынки других государств, или вывода излишков населения и т. п. Государство означает такую внутреннюю и внешнюю борьбу потому, что оно прежде всего является органом и орудием более или менее значительной части общества в ее борьбе с остальной частью того же общества, поскольку оно в сущности опирается на экономическое господство людей над людьми, осуществляемое в более или менее непосредственных и ясно выраженных формах. Эти формы господства зависят от того, нуждается ли та или иная степень развития производства, его естественных средств и искусственных орудий в неприкрытом рабстве, крепостном праве или *свободном* наемном труде. Это состоящее из противоречий общество, которое опирается на государство, всегда означает наличие, хотя и в разнообразных формах и видах, противоположности между городом и деревней, ремесленником и крестьянином, пролетарием и хозяином, капиталистом и рабочим и так далее до бесконечности. Это общество неизменно приходит разными сложными и своеобразными путями к иерархии, будь то иерархия, покоящаяся на застывших привилегиях, как в средние века, или иерархия в скрытом виде формально равного права для всех, вызванная к жизни автоматическим действием экономической конкуренции, как это имеет место в наши дни.

Такой экономической иерархии соответствует то, что я назвал бы иерархией душ, интеллектов, умов, получающей в разных странах и местах в разное время различное выражение. Иными словами, *культура,* являющаяся, с точки зрения идеалистов, конечным результатом прогресса, в силу необходимости, порождаемой реальной

жизнью, распределялась и распределяется весьма неравномерно. Большинство людей превратилось из-за характера своих занятий в неполноценных, односторонних и неспособных к полному и нормальному развитию индивидуумов. *Экономическому* положению классов и общественной иерархии соответствует *классовая психология*. Итак, мы считаем относительный характер прогресса неизбежным следствием классовых противоречий. В этих противоречиях заключены препятствия, в которых кроется объяснение возможности относительного регресса, вплоть до вырождения и гибели целого общества. Машины, знаменующие собой торжество науки, становятся вследствие противоречий, присущих общественному строю, орудиями пролетаризации многих миллионов уже свободных ремесленников и крестьян. Достижения техники, создающие в городах всевозможные жизненные удобства, еще более подчеркивают приниженное и жалкое положение крестьян, а в самих городах еще более ухудшают положение низших слоев населения. Все успехи знания приводили и поныне приводят лишь к обособлению замкнутого сословия ученых и ко все растущему отдалению от культуры народных масс, которые заняты непрерывным повседневным трудом и содержат, таким образом, все общество.

Прогресс всегда являлся и до сих пор является частичным и односторонним. Причастное к нему меньшинство утверждает, что это прогресс человечества, а надменные сторонники теории эволюции называют его развитием человеческой природы. Весь этот частичный прогресс, который до сих пор имел место в условиях угнетения одних людей другими, основан на антагонизме, в силу чего экономические противоречия породили все социальные противоречия, относительная свобода немногих людей породила рабство большинства, а право оказалось защитником несправедливости. Прогресс, если его рассматривать с этой точки зрения и составить себе ясное представление о нем, предстает перед нами как моральная и интеллектуальная сводка всех бедствий, перенесенных людьми, и всего материального неравенства.

Для того чтобы обнаружить неизбежно относительный характер прогресса, понадобилось, чтобы коммунизм, возникший вначале как инстинктивное движение, зародившееся в душах угнетенных, превратился в науку и по-

литику. Далее понадобилось, чтобы наше учение подошло ко всей истории прошлого с особым оценочным критерием, обнаруживая в каждой форме социальной организации — сложившейся и состоявшей из противоречий, как это было всегда, вплоть до наших дней,— врожденную неспособность создать условия для всеобъемлющего и единообразного прогресса человечества, иными словами,— обнаруживая препятствия, из-за которых польза обращается во вред.

VI

Существует один вопрос, который мы не можем обойти молчанием: что породило веру в *исторические факторы?* Это выражение весьма часто встречается в сочинениях многих ученых и философов, а также тех комментаторов исторических событий, которые, рассуждая или сопоставляя, отклоняются в известной мере от безыскусственного повествования и пользуются своим убеждением в наличии множества факторов как гипотезой, дающей возможность ориентироваться в бесконечном нагромождении человеческих деяний, кажущихся на первый взгляд и при первом их рассмотрении столь неясными и не поддающимися анализу. Эта вера, это широко распространенное убеждение сделалось для историков-резонеров и собственно рационалистов полудоктриной, которую многократно выдвигали за последнее время в качестве решающего аргумента против монистической теории материалистического понимания истории. Более того, так глубоко укоренилась вера и так распространилось убеждение, что историю можно понять, лишь видя в ней столкновение и сплетение различных факторов, что многие из тех кто говорит о социальном материализме, являясь его сторонником или противником, верят в возможность устранить все затруднения, утверждая, будто бы в конечном итоге сущность этого учения целиком сводится к тому, что *экономическому фактору* приписывается преобладающее влияние и решающее действие.

Без сомнения, важно выяснить, каким образом возникла эта вера, или убеждение, или полудоктрина, ибо подлинная и плодотворная критика заключается главным образом в том, чтобы узнать и понять причины того, что является в наших глазах заблуждением. Объявить мимоходом какой-либо взгляд ошибочным — это еще не значит

опровергнуть его. Ошибка в науке всегда проистекает из неверного понимания той или иной стороны несовершенного опыта или из какого-нибудь субъективного недостатка. Недостаточно отвергнуть заблуждение: его следует победить и изжить, *дав ему правильное объяснение.*

* * *

Каждый историк, приступая к своему труду, совершает, так сказать, акт абстрагирования. Прежде всего он как бы рассекает непрерывную цепь событий; затем он отбрасывает в сторону множество разнообразных предположений и прецедентов и даже разрывает и расчленяет сложно сплетенную ткань. Для того чтобы начать, ему необходимо также установить исходный пункт, направление, границы своего исследования; надо, например, сказать: я собираюсь описать, как началась война между греками и персами; посмотрим, каким образом Людовик XVI пришел к решению созвать Генеральные штаты. Короче говоря, рассказчик оказывается лицом к лицу с комплексом совершившихся событий и событий назревающих, которые в своей совокупности имеют определенные очертания. От такой занятой им позиции зависят метод изложения и стиль любого повествования, ибо, для того чтобы приступить к нему, следует исходить из событий, уже имевших место, так как это позволяет проследить их дальнейшее развитие.

Однако этот комплекс фактов необходимо подвергнуть некоторому анализу, разбивая его на разные группы и выделяя разные аспекты фактов или взаимодействующие элементы, которые появятся затем в известный момент как обособленные категории. К ним относятся: государство определенной формы и обладающее определенной властью; законы, которые, повелевая и запрещая, устанавливают определенные отношения; нравы и обычаи, раскрывающие перед нами стремления, потребности, особенности мышления, верований, воображения людей; в общем и целом это множество людей, живущих вместе и совместно работающих на основе того или иного распределения обязанностей и занятий. Далее, к ним относятся мысли, идеи, склонности, страсти, желания, надежды, которые рождаются и развиваются известным путем в условиях совместного существования людей самого различного поло-

жения и в их столкновениях между собой. Любая происходящая перемена проявляется в одной из сторон или в одном из аспектов эмпирического комплекса, либо — по истечении более или менее длительного времени — во всех его аспектах. Так, например, государство расширяет свои территориальные границы или меняет положение, которое оно занимает по отношению к обществу, увеличивая либо уменьшая объем своей власти и своих обязанностей или видоизменяя форму пользования тем и другим; или же право меняет свои нормы либо находит свое выражение и подкрепление в новых органах; или же, наконец, за изменением внешних повседневных привычек кроется изменение чувств, мыслей и наклонностей людей, различающихся между собой своей принадлежностью к разным классам общества, которые смешиваются, претерпевают внутренние перемены, меняют занимаемое ими место, сливаются или возрождаются. Для понимания всех этих явлений в тех внешних формах и очертаниях, в каких они предстают перед нами с первого взгляда, достаточно обычных способностей нормального ума — я подразумеваю, такого, который еще не опирался на науку в собственном смысле слова, в который последняя не внесла еще своих коррективов и дополнений. Собрать воедино все эти изменения и заключить их в строго очерченные рамки — к этому и сводится подлинная цель безыскусственного повествования, которое становится тем более ясным, убедительным и рельефным, чем более оно приближается к типу работ, посвященных одному-единственному предмету; таков, например, Фукидид в своей «Истории Пелопоннесской войны».

Общество, уже сформировавшееся определенным образом, общество, уже достигшее определенного уровня развития, общество, уже настолько сложное, что оно скрывает тот экономический фундамент, на котором покоится все остальное,— такое общество предстает перед простыми рассказчиками лишь в тех своих видимых и бросающихся в глаза проявлениях, в тех своих наиболее заметных результатах, в тех наиболее характерных признаках, каковыми являются политические формы, законоположения и партийные страсти. Не говоря уже об отсутствии теории, о подлинных источниках исторического движения, сама позиция, занятая рассказчиком в отношении фактов, которые он воспринимает лишь по внешнему виду, при-

нятому ими в процессе образования, дает такому рассказчику возможность свести этот процесс к единству, основываясь лишь на своей непосредственной интуиции; если он художник, то эта интуиция принимает у него в уме ту или иную окраску и претворяется в драматическое действие. Его задача выполнена, если ему удается сгруппировать известное число фактов и событий и придать их комплексу строгие очертания, позволяющие увидеть их в ясной перспективе; точно так же как автор чисто описательного труда по географии полностью выполнил свою обязанность, если он суммировал в живом и ясном очерке все географические условия, определяющие, к примеру, внешний вид Неаполитанского залива, не углубляясь в изучение вопроса о его возникновении.

Эта потребность дать образное нарративное изложение и является первой причиной — явной, осязаемой и, я бы сказал, почти эстетического и художественного порядка — всех тех абстракций и обобщений, которые в конечном итоге приводят к полудоктрине так называемых *факторов*.

Вот два выдающихся человека — Гракхи, которые хотели приостановить процесс присвоения ager publicus (государственной земли) и воспрепятствовать росту латифундий, приводившему к уменьшению или полному исчезновению класса мелких собственников, т. е. свободных людей, которые составляли основу и условие демократического устройства античного города. В чем заключались причины неудачи Гракхов? Их цель ясна: ее раскрывают направление их ума, их происхождение, характер, проявленный ими героизм. Против них выступали другие люди, с другими интересами и иным направлением ума. Сначала столкновение представляется нам борьбой замыслов и страстей, развертывающейся и завершающейся с помощью средств, которые дает им эта политическая форма государства, использование публичной власти или злоупотребление ею. Среда, в которой развертываются эти события, такова: город, господствующий разными способами над другими городами и над территориями, полностью лишенными автономии; в самом господствующем городе — Риме — далеко зашедшая дифференциация населения на богатых и бедных; и, наконец, рядом с немногочисленной группой угнетателей и всесильных людей — огромная масса пролетариев, теряющих или уже утративших сознание и политическую силу, присущие город-

скому плебсу,— масса, которая позволяет поэтому обманывать и развращать себя и которая вскоре кончит тем, что подвергнется полному разложению, став раболепным придатком эксплуататоров-аристократов. Таков материал, которым располагает рассказчик; он не в состоянии составить себе представление о том или ином факторе, если не будет принимать во внимание непосредственных условий, в которых находится сам факт. Доступное нашему взору единство этих условий образует сцену, на которой развертываются исторические события, и для того, чтобы их изложение стало рельефным, связным и приобрело перспективу, необходимы ориентиры и методы обобщения.

В этом и заключается первопричина того *абстрагирования,* в процессе которого различные стороны определенного социального комплекса понемногу лишаются их качества простых аспектов одного целого; постепенно обобщаемые, они приводят к учению о предполагаемых факторах.

* * *

Иными словами, можно сказать, что эти факторы зарождаются в уме в результате абстрагирования и обобщения непосредственных аспектов видимого движения вещей и равноценны всем прочим понятиям, образованным эмпирическим путем. В какой бы отрасли науки ни создавались эти понятия, они сохраняются до тех пор, пока не будут либо сведены на нет и устранены вследствие нового опыта, либо поглощены более общим понятием, которое отразит генезис и эволюцию подвергнувшихся обобщению явлений и будет иметь диалектический характер.

Разве не было необходимым, чтобы человеческий ум, занимаясь эмпирическим анализом и непосредственным исследованием причин и следствий некоторых определенных явлений, например тепловых, сначала остановился на предположении и убеждении в том, что он может и должен приписать их теплоте, т. е. субъекту, который, если и не казался никогда ни одному физику чем-то действительно материальным, тем не менее, несомненно, рассматривался как определенная специфическая сила?

Однако в известный момент в результате ряда новых опытов эта придуманная теплота превратилась в определенных условиях в известное количество движения. Более того, в настоящее время научная мысль находится на пути к тому, чтобы растворить все эти придуманные физические факторы в общем потоке всеобъемлющей энергии; при этом атомистическая теория, постольку поскольку она необходима и применима, теряет все следы свойственной ей ранее метафизики.

Разве не было неизбежным в качестве первого этапа изучения проблемы органической жизни надолго задержаться на исследовании отдельных органов и на их систематизации? Без этих анатомических работ, которые кажутся даже слишком материальными и грубыми, прогресс данной отрасли науки не был бы возможен; а до тех пор над множеством подвергнутых анализу фактов, происхождение и координация которых еще не были известны, высились расплывчатые и туманные общие концепции жизни, души и т. п. В течение долгого времени за неимением другого выхода во всех этих порождениях мысли искали то биологическое единство, которое лишь в последнее время нашло свое наглядное доказательство в открытии зарождения клетки и процесса внутриклеточного деления.

Более трудным был, разумеется, путь, который пришлось пройти человеческому уму, чтобы выяснить с очевидностью происхождение всех явлений психической жизни, от самых простых и элементарных ощущений до производных, наиболее сложных ее продуктов. Не только по причине трудностей теоретического характера, но и вследствие других распространенных предрассудков единство и непрерывность психических явлений представлялись вплоть до Гербарта как бы разъединенными и разорванными на большое число *факторов,* или так называемых душевных *способностей.*

С теми же самыми трудностями столкнулись при объяснении историко-социальных процессов; и здесь пришлось вначале задержаться на предварительном рассмотрении факторов. Зная это, нам теперь легко проследить причину появления в дальнейшем теории факторов: она заключалась в испытываемой историками нарративного склада потребности отыскать в фактах, описываемых ими с большим или меньшим художественным талантом и с

целью сделать те или иные поучительные выводы, те непосредственные ориентиры, которые может дать изучение видимого движения исторических событий.

* * *

Однако в этом видимом движении все же имеются признаки, указывающие на возможность выйти за пределы такого взгляда на историю. Никогда не наблюдалось, чтобы каждый из этих действующих одновременно факторов, которые абстракция выделяет, а затем решается изолировать, проявлял себя совершенно самостоятельно. Напротив, факторы действуют таким образом, что это порождает представление об их взаимодействии. Кроме того, они возникают в определенный момент и лишь позднее обретают тот облик, который описывается в каком-либо историческом повествовании. О том или ином государстве известно, что оно образовалось в определенный момент. О каждой правовой системе мы либо знаем, основываясь на достоверных данных, либо предполагаем, что она вступила в действие при таких-то или иных обстоятельствах. Относительно многих обычаев сохранилось воспоминание, что они были установлены в известный момент. Наконец, самое поверхностное сопоставление достоверных фактов и явлений, имевших место в разные времена и в разных местах, дает возможность увидеть, как общество в своей совокупности, т. е. общество, состоящее из различных классов, непрерывно принимало и принимает разные формы.

Как взаимодействие различных факторов, без учета которого нельзя было бы написать даже простейшего изложения событий, так и более или менее точные сведения относительно происхождения и последующих изменений этих факторов предъявляли к научному исследованию и мышлению гораздо более высокие требования, чем те, которым удовлетворяли описательные труды великих историков, являвшихся в то же время подлинными художниками. И в самом деле, когда проблемы, естественно возникающие при рассмотрении исторических данных, сочетаются с другими элементами теории, они порождают различные так называемые практические дисциплины, которые развиваются с той или иной быстротой и с различным успехом, начиная с античности и до

наших дней: от этики к философии права, от политики к социологии, от юриспруденции к политической экономии.

Далее, с появлением и развитием столь многочисленных дисциплин чрезвычайно размножились, в силу того же неизбежного разделения труда, точки зрения. Первичному и непосредственному анализу полученных эмпирическим путем данных о многообразных аспектах социального комплекса должен был, несомненно, предшествовать длительный труд частичного абстрагирования, неизменным и неизбежным следствием которого является утверждение односторонних взглядов. Это можно констатировать в более отчетливой и наглядной форме, чем в какой-либо другой области, в юриспруденции и различных дисциплинах, занимающихся обобщениями в сфере права, включая философию права. По причине этого абстрагирования, неизбежного при частичном и эмпирическом анализе, и в результате разделения труда время от времени разные стороны и разные проявления общественного комплекса фиксировались и закреплялись в виде общих понятий и категорий. Результаты и эманация человеческой деятельности — право, формы экономики, правила поведения и т. п.— как бы получали новое выражение и превращались в законы, императивы и принципы, которые становились над самим человеком. И время от времени приходилось заново открывать ту простую истину, что единственным неизменным и достоверным фактом, т. е. единственным фактом, из которого исходит и на который ссылается любая отдельная практическая дисциплина, являются люди, объединенные посредством определенных уз в общество, имеющее определенную форму. Различные аналитические дисциплины, дающие толкование тем или иным историческим фактам и явлениям, привели в конечном итоге к необходимости создания общей социальной науки, которая сделала бы возможным понимание всех исторических процессов как цельного, единого исторического процесса. Последний предел, вершину такого понимания составляет материалистическое учение об обществе.

* * *

Однако время, затраченное на предварительный и односторонний анализ сложных явлений, нельзя было и нельзя будет считать потерянным. Методическому раз-

делению труда мы обязаны точным знанием, т. е. массой тщательно отобранных, систематизированных, получивших свое объяснение сведений, без которых любая социальная история неизменно блуждала бы в сфере чистой абстракции, сохраняла формальный характер и занималась вопросами терминологии. Специальное изучение предполагаемых историко-социальных факторов послужило, как служит всякое эмпирическое исследование, не идущее далее видимого движения вещей, усовершенствованию наших орудий наблюдения и дало возможность найти в самих явлениях, искусственно изолированных посредством отвлечения, ту связь, которая соединяет их с общественным целым. Знакомство с различными дисциплинами, которые рассматривались гипотезой о действующих в историческом процессе факторах как изолированные и независимые друг от друга, теперь стало для нас благодаря достигнутому этими дисциплинами уровню развития, собранному ими материалу и разработанным методам исследования совершенно необходимым, когда мы ставим перед собой задачу воссоздать какой-либо период прошлой жизни человечества. Что стало бы с нашей исторической наукой без односторонней филологии, которая является важным вспомогательным орудием любого исследования? Где нашли бы мы ключ к истории правовых учреждений, в свою очередь являющейся отправным пунктом при изучении множества других фактов и их комбинаций, если бы нам не помогла упорная вера романистов в универсальное превосходство римского права, породившая не только общую юриспруденцию и философию права, но и столь большое число проблем, из которых в конечном счете выросла социология?

* * *

Таким образом, исторические факторы, о которых столь много говорят и пишут в различных сочинениях, в конце концов представляют собою нечто значительно меньшее, чем истина, но гораздо большее, чем простое заблуждение, если понимать это слово в обычном смысле — как ошибку, иллюзию или обман. Факторы — необходимый продукт науки, находящейся в процессе становления и развития. Его порождает потребность ориентироваться в том смутном и неясном зрелище, кото-

рое являют собой дела человеческие взору того, кто хочет повествовать о них. В дальнейшем факторы служат, так сказать, в качестве наименований, категорий, указателя тому неизбежному разделению труда в науке об обществе, в рамках которого вплоть до нашего времени теоретически разрабатывался весь историко-социальный материал. В этой области знания, как и в области естественных наук, единство реального принципа и единство формальной трактовки никогда не обнаруживаются с самого начала, а только в конце долгого и трудного пути. Поэтому и в данном отношении нам кажется весьма удачной проводимая Энгельсом аналогия между открытием исторического материализма и открытием закона сохранения энергии.

* * *

Предварительная ориентировка с помощью простой и удобной схемы так называемых факторов может в данных обстоятельствах понадобиться и нам, признающим лишь строго монистический принцип толкования истории, если мы намереваемся заниматься не только чистой теорией, а дать в результате собственного исследования объяснение какого-либо определенного исторического периода. Поскольку в этом случае на нас лежит обязанность прямого детального исследования, нам необходимо прежде всего заняться теми группами фактов, которые представляются нам, пока мы не вышли за пределы непосредственного опыта, либо наиболее выдающимися, либо независимыми, либо оторванными друг от друга. Вследствие этого было бы неверным предполагать, что столь очевидный и ясный принцип монизма, который мы положили в основу нашей общей исторической концепции, может, наподобие талисмана, всегда и с первого взгляда действовать как непогрешимое средство, разлагающее на простые составные части огромный и сложный общественный механизм. Лежащая в основе и определяющая все остальное экономическая структура не представляет собой простого механизма, откуда непосредственно и как бы автоматически появляются учреждения, законы, обычаи, мысли, чувства и разные формы идеологии. Процесс перехода от этого базиса ко всему остальному весьма сложен, подчас является тонким и извилистым и не всегда его удается выявить.

Как нам уже известно, социальный организм отличается постоянной неустойчивостью, хотя это становится очевидным для всех лишь тогда, когда неустойчивость вступает в тот острый период, который мы называем революцией. Эта неустойчивость, связанная с непрерывной борьбой, происходящей в недрах организованного общества, исключает для людей возможность достичь стадии длительного и прочного согласия и спокойствия — стадии, которая могла бы возвратить их к животному существованию. В противоречиях заключается главная причина прогресса (Маркс). Но столь же верно и другое: в этой неустойчивой организации общества, неизбежно предстающей перед нами в форме господства и подчинения, интеллект, мышление всегда развивались не только неравномерно, но и весьма неполно, несоразмерно, частично. В обществе существовала и существует до сих пор как бы иерархия интеллекта, а также чувств и идей. Думать, что люди всегда и во всех случаях обладали почти ясным сознанием своего собственного положения и того, как разумнее всего им следует поступать,— думать так значит предполагать нечто невероятное, нечто несуществующее.

Правовые формы, политические действия и попытки основать тот или иной социальный строй были и бывают поныне иногда удачными, а иногда ошибочными, и в последнем случае они несоразмерны и не соответствуют конкретной действительности. История полна ошибок; это значит, что если все в ней было необходимо при данном развитии интеллекта тех, кому приходилось преодолевать трудности или находить решение вставшей на их пути проблемы и т. п., если все имело в истории достаточные основания, то не все являлось разумным в том значении, какое придают этому слову оптимисты, занимающиеся отвлеченными рассуждениями. Причины, определяющие общественные изменения, т. е. изменившиеся экономические условия, в конечном итоге заставляют находить, подчас очень окольными путями, соответствующие правовые формы, подходящие политические порядки и более или менее приемлемые средства социального приспособления. Однако не следует думать, что инстинктивная мудрость мыслящего животного проявлялась или проявляется sic et simpliciter (непосредственно), в полном и ясном понимании всех положений и что нам

остается лишь упрощенно из состояния экономики дедуктивным путем выводить все остальное. Невежество, которое тоже может быть в свою очередь объяснено, является одной из важных причин того, почему историческое развитие направлялось по тому или иному пути. К невежеству нужно добавить грубые животные инстинкты, еще далеко не вполне побежденные, а также страсти, несправедливости и различные формы нравственной испорченности; все они были и продолжают быть необходимым продуктом общества, организованного таким образом, что господство человека над человеком является неизбежным; от этого господства неотделимы, как в прошлом, так и теперь, ложь, лицемерие, наглость и подлость. Не превращаясь в утопистов, лишь в силу того, что мы являемся последователями критического коммунизма, мы в состоянии предвидеть и действительно предвидим наступление в будущем такого общественного строя, который, развившись из современного общества, более того — из его противоположностей, в силу имманентных законов исторического движения завершится ассоциацией, свободной от классовых противоречий. Этой ассоциации будет свойственно регулирование общественного производства, которое освободит жизнь от господства слепой случайности, до сих пор проявлявшейся в истории в виде многообразного сплетения непредвиденных событий и происшествий. Но это дело будущего, а не настоящего или прошлого. Если же мы намереваемся проникнуть в исторические события, развивавшиеся до нашего времени, приняв, как мы это и делаем, за руководящую нить изменение форм лежащей в основе общества экономической структуры, включая самый простой показатель — изменение орудий производства, нам следует полностью осознать все трудности задачи, которую мы ставим перед собой, ибо речь идет уже не о том, чтобы просто созерцать течение событий, а о величайшем усилии мысли, направленной на то, чтобы разобраться в сложной и многообразной картине, данной нам непосредственным опытом, с целью свести его элементы в генетический ряд. По этой именно причине я утверждал, что и нам, если мы занимаемся каким-либо конкретным историческим исследованием, необходимо принять за его исходный пункт те группы фактов, кажущихся с первого взгляда изолированными друг от друга, то пестрое

сплетение событий, одним словом, то эмпирическое изучение истории, которое породило веру в факторы, позднее превратившуюся в полудоктрину.

Эти реальные трудности невозможно преодолеть с помощью гипотезы о так называемом *социальном организме*, носящей в некоторой степени метафорический характер, нередко допускающей двусмысленное толкование и обладающей в конечном счете лишь ценностью аналогии. Но человеческой мысли необходимо было пройти и через эту гипотезу, вскоре выродившуюся в обыкновенную вульгарную фразеологию. Объясняется это тем обстоятельством, что сравнение общества с организмом приближает нас к пониманию исторического движения как движения, порождаемого имманентными законами самого общества, и таким образом исключает свободную волю, все трансцендентное и иррациональное. Однако этим значение данной метафоры и ограничивается; только специальное критическое исследование исторических фактов и явлений, принимающее во внимание все условия и обстоятельства их развития, является единственным источником того конкретного позитивного знания, которое необходимо для полного развития экономического материализма.

VII

Идеи не падают с неба; ничто не приходит к нам во сне.

Изменение в методах мышления, породившее недавно то историческое учение, которое составляет в данном труде объект нашего предварительного исследования и истолкования, происходило постепенно — сначала медленно, а позднее со все возрастающей быстротой — именно в тот период истории человечества, когда имели место великие политико-экономические революции, т. е. в ту эпоху, которая, если рассматривать ее с точки зрения политических форм, называется либеральной, но если рассматривать ее внутреннюю сущность, является вследствие господства капитала над пролетарской массой эпохой анархического производства. Перемены в сфере общественных идей, вплоть до создания новых методов мышления, совершались шаг за шагом, отражая опыт новой жизни. Подобно тому как последняя постепенно, в ходе революций XVIII—XIX веков сбрасывала с себя мифические, мисти-

ческие и религиозные оболочки, по мере того, как она приходила к практическому ясному познанию своих непосредственных и прямых условий, точно также человеческая мысль, теоретически обобщающая эту жизнь, в свою очередь освобождалась от теологических и метафизических гипотез и в конце концов пришла к следующему прозаическому требованию: при объяснении истории необходимо ограничиваться изучением объективно существующей связи между определяющими условиями и определяемыми ими следствиями. Материалистическая концепция знаменует собой вершину этого нового направления в исследовании историко-социальных законов развития, ибо она является не частным случаем общей социологии или общей философии государства, права и истории, а учением, которое рассеивает все сомнения и неясности, присущие другим формам философского размышления над историей человечества, и кладет начало полному ее объяснению.

Вот почему легко — в особенности таким образом, как это делали некоторые вульгарные горе-критики — находить предшественников Маркса и Энгельса, первыми установивших основы данного учения. Разве кому-либо из их последователей, даже наиболее строго придерживающихся их взглядов, приходило когда-либо в голову выдавать этих мыслителей за чудотворцев? Более того, если кому-либо желательно заняться выяснением предпосылок возникновения учения Маркса и Энгельса, ему придется обратиться не только к тем, кого называют предтечами социализма, включая Сен-Симона и более ранних социалистов-утопистов, к философам, в особенности к Гегелю, и к экономистам, показавшим анатомию общества, производящего товары,— ему придется добраться до самого образования современного общества и тогда торжественно заявить, что теория — это воспроизведение вещей, которые она объясняет.

Ибо в действительности подлинными предтечами нового учения явились события новой истории, которая столь отчетливо и открыто обнаружила свою сущность с того времени, когда в Англии произошла в конце XVIII столетия великая промышленная революция, а во Франции — известный всем великий социальный переворот. Позднее эти события повторялись mutatis mutandis (с соответствующими изменениями) в различных вариантах и не в столь резких формах во всем цивилизованном

мире. В самом деле, что же в сущности представляет собой мысль, как не сознательное и систематизирующее дополнение опыта, и что же представляет собой опыт, как не отражение и не интеллектуальную переработку явлений и процессов, которые возникают и развиваются или вне нашей воли, или как результат нашей деятельности, и что такое, наконец, гений, как не обособленная, последовательная и заостренная форма той мысли, которая рождается на основании опыта в умах многих людей одной и той же эпохи, но у большинства из них остается фрагментарной, неполной, неясной, колеблющейся и частичной?

* * *

Идеи не падают с неба. Более того, подобно любому другому продукту человеческой деятельности, они формируются при определенных обстоятельствах, в такое время, когда в достаточной мере созрели условия для их появления, под влиянием известных потребностей и как результат многократных попыток удовлетворить эти потребности, а также вследствие открытия тех или иных приемов доказательств, служащих как бы орудиями, с помощью которых вырабатываются идеи. Ведь и идеи предполагают наличие известных социальных условий и обладают своей техникой: даже мысль является формой труда. Отрывать то и другое, т. е. мысль и идеи, от условий и среды, в которых они зародились и получили свое развитие,— это значит исказить их природу и значение.

Задача моего первого очерка сводилась к тому, чтобы показать, как материалистическое понимание истории родилось именно в данных условиях, т. е. не как личное и допускающее критику мнение двух писателей, а как новое завоевание мысли, которое является неизменным следствием процесса зарождения нового мира, т. е. пролетарской революции. Иными словами, новые исторические обстоятельства получили свое дополнение в соответствующем орудии мысли.

Вообразить себе ныне, что этот продукт интеллектуальной деятельности мог бы появиться на свет в любое время и в любом месте, было бы равносильным принятию в своих научных изысканиях абсурда за норму. Произвольно переносить идеи с той исторической почвы и из тех исторических условий, в которых они зародились, на

какую-либо другую почву — это все равно, что брать за основу своих рассуждений нечто попросту иррациональное. Почему бы в таком случае не предположить, что античный город, в котором возникло греческое искусство и наука, а также римское право, мог бы, сохраняя свой характер рабовладельческой демократии, в то же самое время создать и развить все условия, необходимые для современной техники? Почему бы не вообразить себе, что средневековый ремесленный цех, сохраняя свою неподвижную и застывшую структуру, свою сущность, мог бы приступить к завоеванию мирового рынка при отсутствии условий для ничем не ограниченной конкуренции, которые в действительности начали складываться как раз с разрушением и гибелью цеха? Почему бы не предположить, что феодальное поместье могло бы, сохраняя свой феодальный характер, превратиться в предприятие, производящее исключительно товары? Почему же Микеле ди Ландо не должен был бы тогда написать Манифест Коммунистической партии? Почему бы не допустить тогда, что открытия современной науки могли бы быть плодом мышления людей любой другой страны и эпохи, т. е. появиться раньше, чем определенные условия породили бы определенные потребности, и для их удовлетворения пришлось прибегнуть к помощи накопленного опыта?

Наше учение имеет своей предпосылкой широкое, целеустремленное и непрерывное развитие современной техники, а вместе с ней общества, производящего товары в антагонистической обстановке конкуренции, общества, необходимым условием становления и дальнейшего существования которого является накопление капитала в форме частной собственности, общества, которое непрестанно производит и воспроизводит пролетариат и вынуждено, для того чтобы поддержать свое существование, беспрерывно революционизировать свои орудия, а также государство и его правовой аппарат. Это общество, обнажившее в силу самих законов своего движения свое собственное внутреннее строение, порождает в виде противодействия материалистическую концепцию. Подобно тому как оно породило социализм, т. е. свое практическое отрицание, оно вызвало появление на свет нового исторического учения, представляющего собой теоретическое отрицание этого общества. Если история — не произволь-

ный, а необходимый и естественный продукт деятельности людей именно потому, что они развиваются, а их развитие зависит от общественного опыта, последний же создается постольку, поскольку люди совершенствуют труд и накопляют и сохраняют его продукты и результаты,— если дело обстоит именно так, то та фаза исторического развития, на которой мы в настоящее время находимся, не может быть последней и окончательной, а свойственные ей внутренние противоречия составляют силу, вызывающую к жизни новые условия. Вот каким образом период великих экономических и политических революций XVIII—XIX веков сформировал в умах людей следующие две концепции: представление о том, что процесс исторического развития является имманентным и непрерывным, и материалистическое учение, которое является по существу *объективной теорией социальных революций.*

* * *

Не подлежит сомнению, что проникновение в глубь веков и преднамеренное воссоздание мысленным путем истории развития общественных идей, насколько это можно сделать на основании письменных источников,— занятие неизменно весьма поучительное, которое в особенности способствует тому, что мы начинаем все более критически относиться как к нашим воззрениям, так и к действиям. Такое обращение мысли к ее историческим предпосылкам, если оно не приведет нас в дебри эмпиризма беспредельной учености и не заставляет нас поддаться искушению проводить необдуманные и туманные аналогии, несомненно должно придать формам нашей научной деятельности гибкость и силу убеждения. Из общей суммы наших знаний мы практически извлекаем теперь благодаря наличию почти непрерывной традиции наилучшее из всего, что было когда-либо найдено, открыто и доказано не только в новое время, но и за предшествующую историю, со времени древней Греции, ибо именно с нее для всего человечества несомненно начинается сохраняющее преемственность развитие сознательного, последовательного и методического мышления. Нам не удалось бы ни на один шаг продвинуться в сфере научных исследований, если бы мы не использовали средств, уже давно

открытых и испытанных; так, например, к числу имеющих наиболее общее значение относятся средства, предоставляемые логикой и математикой. Придерживаться противоположного мнения означало бы утверждать, что каждое поколение должно начинать все с самого начала, возвращаясь к детству человеческого рода.

Однако ни древним авторам, ограниченным узкими рамками городских республик, ни писателям Возрождения, вечно колебавшимся между воображаемым возвратом к античности и потребностью духовно постичь сущность зарождавшегося нового мира, не было суждено подняться до четкого анализа основных элементов, составляющих общество, которые непревзойденный гений Аристотеля замечал и понимал лишь в тех пределах, в которых протекала жизнь *человека-гражданина*.

Изучение генезиса и процесса развития различных типов общественного строя стало более глубоким, энергичным и приняло многосторонний характер в XVII и XVIII столетиях. В этот период сложилась политическая экономия и наряду с ней начали предприниматься под разными названиями — естественного права, духа законов и общественного договора — попытки расчленить на причины, факторы, логические и психологические явления многогранную и не всегда ясную картину той жизни, в недрах которой подготовлялась величайшая из всех известных нам революций. Все эти доктрины, каковы бы ни были субъективные намерения и стремления их творцов — приведем в качестве примера прямо противоположные воззрения консерватора Гоббса и пролетария Руссо,— все они были революционными по своему существу и по своим последствиям. В их основе вы неизменно обнаружите материальные и моральные нужды новой эпохи, служившие стимулом и побудительной причиной к их созданию. В тех исторических условиях этими потребностями были потребности буржуазии; вот почему надлежало бороться во имя свободы с традицией, церковью, привилегиями, классами, застывшими в определенных формах, т. е. сословиями, и, как следствие этого, с государством, которое было их творцом или казалось таковым, а также с привилегиями, существовавшими в торговле, ремеслах, труде и науке. Поэтому человека рассматривали абстрактно, т. е. исследовали отдельных индивидуумов, освобожденных и отделенных посредством логической

абстракции от их исторических связей и необходимой социальной принадлежности. В уме многих понятие об обществе как бы разлагалось на атомы, а большинству представлялось естественным думать, что общество — это лишь сумма индивидуумов. При объяснении всех человеческих действий выдвигались вперед или ставились во главу угла абстрактные категории индивидуальной психологии; вот почему во всех этих придуманных системах идет речь только о страхе, самолюбии, эгоизме, добровольном подчинении, стремлении к счастью, врожденной доброте человека, свободе соглашений, а также о нравственном сознании, инстинкте или чувстве морали и тому подобных абстрактных и общих вещах, как будто бы их было достаточно для объяснения конкретной истории того времени и для создания на ее основе совершенно новой истории человечества.

Вследствие того, что все общество оказалось охваченным бурным кризисом, ненависть к унаследованному издревле, устаревшему, традиционному, организованному много веков тому назад и предчувствие близящегося обновления всего человеческого существования в конечном итоге полностью затмили идеи исторической необходимости и закономерности развития общества. Эти идеи, едва намеченные античными философами и получившие столь большое развитие в XIX веке, имели в тот период революционного рационализма лишь немногочисленных приверженцев — таких, как Вико, Монтескье и отчасти Кенэ. В этой исторической обстановке, породившей остроумную, находчивую, разрушительную, всепроникающую и чрезвычайно популярную литературу, кроется причина того, что Луи Блан не без некоторой напыщенности назвал *индивидуализмом*. С тех пор многие верили, что данный термин выражает неизменное свойство человеческой природы; это прежде всего могло служить в их глазах решительным аргументом против социализма.

Своеобразное зрелище, своеобразный контраст! Капитал, каков бы ни был способ его образования, стремился одержать победу над всеми предшествовавшими формами производства, разрывая мешавшие ему узы и ломая препятствия на своем пути, т. е. стремился завоевать в открытом или завуалированном виде господство в обществе, что действительно произошло в большей части мира. Позднее это привело к тому, что помимо всех форм совре-

менной нищеты и новой иерархии общества, в котором мы живем, создалось самое острое за всю историю противоречие: царящая ныне во всем обществе анархия производства и железная деспотия в организации производства на отдельных предприятиях, заводах, фабриках! А между тем мыслители, философы, экономисты и популяризаторы идей XVIII столетия видели лишь свободу и равенство! Все они рассуждали одинаковым образом, все они исходили из одних и тех же предпосылок, независимо от того, приходили ли они к заключению, что следует ожидать дарования им свободы от абсолютной монархии, были ли демократами или даже коммунистами. Никто не сомневался в скором наступлении царства всеобщего счастья, стоило лишь устранить путы и узы, наложенные невежеством и деспотизмом церкви и государства на человека, по природе своей доброго и склонного к совершенствованию. Эти узы не казались тогда условиями и рамками, в которых люди очутились в силу законов общественного развития и в результате хода истории, по необходимости антагонистического, а поэтому колеблющегося и извилистого (как это наконец стало известно нам благодаря торжеству объективной исторической науки): они представлялись лишь простыми препятствиями, от которых должно избавить людей правильное пользование разумом. В этом идеалистическом взгляде, достигшем своего крайнего выражения у некоторых героев Великой французской революции, таилась безграничная вера в несомненный прогресс всего человеческого рода. Впервые представление о *человечестве* появилось во всей своей полноте и без примеси религиозных идей или гипотез. Наиболее решительными из этих идеалистов были как раз крайние материалисты: отрицая все измышления религиозной фантазии, они не сомневались, что эта земля создана для счастья, лишь бы разум проложил ему путь.

* * *

Никогда идеи не подвергались такому дурному и варварскому обращению со стороны прозаических вещей, как в конце XVIII — начале XIX веков. Урок, преподанный реальной действительностью, был весьма суровым и вызвал немало печальных разочарований, за которыми последовал коренной переворот в умах людей. Короче

говоря, факты оказались в противоречии со всеми предположениями; вначале это обстоятельство привело разочарованных мыслителей в уныние, но тем не менее оно не могло не вызвать стремления и потребности в новых исканиях. Известно, как Сен-Симон и Фурье, у которых именно в начале XIX столетия проявилась реакция против непосредственных результатов великой политико-экономической революции (эта реакция носила односторонний характер, свойственный гениям, опередившим свое время), решительно восстали: первый — против юристов, а второй — против экономистов.

И в самом деле: как только были устранены характерные для предшествовавшего периода времени препятствия, лежавшие на пути к свободе, их сменили другие, нередко более серьезные и тягостные. Равное счастье для всех людей не было достигнуто, и политической формой общества по-прежнему оставалась организация, охранявшая неравенство. Следовательно, общество, по-видимому, представляет собой нечто самодовлеющее и естественное, комплекс отношений и условий, источник движения которого заключен в нем самом, который пренебрегает добрыми субъективными намерениями своих отдельных членов и не считается с иллюзиями и планами идеалистов! Следовательно, оно идет своим собственным путем, и мы можем выявить законы его движения и развития, но не в состоянии навязывать ему эти законы! Благодаря этому перевороту в умах XIX век возвестил о том, что он призван стать веком исторической науки и социологии.

Действительно, мысль пронизала все области человеческой деятельности принципом развития. В этом столетии была открыта историческая грамматика и был найден ключ к исследованию происхождения мифов. В этом столетии были обнаружены эмбриогенетические следы доисторической эпохи и впервые была установлена преемственность различных политических и юридических форм, составляющих единый процесс развития. Это столетие возвестило о себе как столетие социологии в лице Сен-Симона, во взглядах которого смешивались зародыши многочисленных противоречивых тенденций, что характерно для гениальных самоучек и предтечей. В этом отношении материалистическое понимание истории является результатом развития науки и в то же время завершением всего процесса ее формирования; оно

представляет собой также — как результат и как дополнение — упрощение всей исторической науки и всей социологии, ибо оно приводит нас от производных явлений и сложных условий к основным функциям общества. И все это произошло на основе нового и бурно развивающегося опыта.

* * *

Законы экономики, которые существуют и развиваются самостоятельно, восторжествовали над всеми иллюзиями и обнаружили, что они являются ведущим началом в общественной жизни. Великая промышленная революция, которая произошла сначала в Англии, в век Просвещения, показала, что, если общественные классы нельзя рассматривать как продукт природы, еще меньше оснований считать их появление результатом случайности или свободной воли; они рождаются в ходе истории, в силу социальных причин, при определенном способе производства. И кто же, в самом деле, не наблюдал воочию, как в результате разорения классов мелких собственников: мелких крестьян и ремесленников поднялся новый класс пролетариев; кто же не был в состоянии увидеть, каким образом происходило это формирование нового социального слоя, до положения которого было насильно низведено столько людей? Кто не имел возможности заметить, как деньгам, превратившимся в капитал, удалось за короткое время приобрести господство в обществе вследствие того, что они притягивали к себе труд свободных людей, ибо необходимость продавать себя за заработную плату, в которую были поставлены эти люди, была исподволь подготовлена с помощью множества детально разработанных правовых норм и посредством насильственной экспроприации или экспроприации, осуществлявшейся косвенными путями? Кто не видел, как вокруг фабрик поднимаются новые города, а на их окраинах гнездится отчаянная нищета, которая ныне является уже не результатом неудач отдельных лиц, а условием и источником богатства? И на эту нищету, типичную для нового времени, оказались обреченными множество женщин и детей, впервые вышедшие из тьмы своего безвестного существования, чтобы выступить на исторической сцене в качестве зловещей иллюстрации того, что представляет собой в действительности общество «равных». И кто не

понимал — даже если бы об этом не возвещала так называемая теория достопочтенного Мальтуса,— что число людей, которое могла бы охватить такого рода экономическая организация, хотя порой и оказывается недостаточным для тех, кто при благоприятном состоянии производства нуждается в рабочих руках, часто слишком велико, а поэтому не находит себе применения и начинает представлять опасность для существующего строя? Кроме того, становилось очевидным, что совершившееся в Англии стремительное, неистовое и бурное преобразование экономики было там успешным потому, что этой стране удалось создать себе невиданную до тех пор монополию по отношению к остальной Европе, а для поддержания этой монополии появилась надобность в проведении политики, не гнушающейся никакими средствами,— политики, позволившей всем раз навсегда перевести на язык прозы идеалистический миф о государстве, которое должно быть опекуном и наставником народа.

Непосредственное наблюдение подобных последствий новой жизни явилось источником более или менее романтического пессимизма laudatores temporis acti (панегиристов прошлого) — от Де Местра до Карлейля. В начале XIX века сатира на либерализм охватила умы и литературу. Началась та критика общества, которая лежит в основе всякой социологии. Прежде всего надлежало одержать победу над той идеологией, концентрированным выражением которой были многочисленные учения о естественном праве и общественном договоре. Надлежало стать лицом к лицу с фактами, которые предлагал вниманию в совершенно новых и столь устрашающих формах интенсивный процесс развития, вызывающий резкие изменения в жизни.

В этот момент и появился Оуэн, непревзойденный во всех отношениях, но особенно удивляющий своей прозорливостью в вопросе выяснения причин новой нищеты, хотя он и был наивным в своих поисках путей ее устранения. Следовало приступить к объективной критике политической экономии, данной впервые — в односторонней и реакционной форме — Сисмонди. В этот период, когда созревали условия для создания новой исторической науки, возникло и привлекло к себе внимание множество разнообразных социалистических учений — утопических, односторонних или попросту фантастических. Ни одно из

этих учений не доходило до пролетариата, потому что у последнего либо полностью отсутствовало политическое сознание, либо, если оно имелось, пролетарское движение носило прерывистый и нерегулярный характер — как это было свойственно французским заговорам и восстаниям 1830—1848 годов,— либо стояло на практической почве немедленных реформ, как, например, чартисты. Все же эти социалистические учения, хотя они и были утопическими, фантастическими и отвлеченными, представляли собой прямую, а нередко гениальную критику политической экономии, в конечном счете — одностороннюю критику, которая нуждалась, в качестве научного дополнения, в общей исторической концепции.

Все эти формы частичной, односторонней и неполной критики фактически были восприняты научным социализмом. Последний является уже не субъективной критикой, извне обращенной на вещи, а открытием той *самокритики*, которая заключена в самих вещах. Подлинная критика общества — это само общество, которое, в силу того что оно покоится на противоположностях, само порождает в своих собственных недрах противоречие и позднее преодолевает его путем перехода к новой форме. Разрешить это противоречие суждено пролетариату, что сами пролетарии сознают или не сознают. Подобно тому как их нищета стала очевидным условием существования современного общества, в самих пролетариях и их нищете кроется основная причина новой социальной революции. Именно в этом переходе от критики, предпринимавшейся субъективной мыслью, рассматривающей вещи извне и воображающей, что она сама же может исправить их, к пониманию той самокритики, которую осуществляет общество по отношению к самому себе в процессе своего собственного имманентного развития,— именно в нем заключается *диалектика истории*, извлеченная Марксом и Энгельсом, поскольку они являются материалистами, из идеалистической философии Гегеля. И в конце концов не имеет большого значения, если литераторы, вкладывающие в слово «диалектика» только одно содержание — отождествляющие его с искусными приемами софистики, а также ученые и эрудиты, не способные по своей природе выйти за пределы ознакомления с частными фактами, расчлененными эмпирическим путем,— если все они не могут понять этих скрытых и сложных форм мысли.

* * *

Однако великий экономический переворот, давший материал для создания современного общества, в котором господство капитала достигло своего почти полного развития, не оказал бы такого быстрого воздействия и не был бы столь поучительным уроком, если бы ему не послужил наглядным пояснением неистовый и чреватый катастрофами вихрь французской революции. Подобно трагическому спектаклю, революция выявила с полной очевидностью все антагонистические силы современного общества, ибо это общество проложило себе путь через руины старой общественной формы и стремительно, за короткий период времени, прошло фазы своего рождения и формирования.

Революцию вызвали препятствия, которые буржуазия должна была преодолеть с помощью силы, после того как стало очевидным, что переход от старой к новой форме производства — или собственности, как говорят юристы, по необходимости прибегая к своему профессиональному жаргону,— не мог быть осуществлен мирно и спокойно, путем последовательных и постепенных реформ. Поэтому революция означала восстание, столкновение и смешение всех прежних классов *старого порядка* и в то же время стремительное и бурное образование новых классов. Все это совершилось за короткий, но чрезвычайно насыщенный событиями период — в течение десяти лет, которые кажутся нам веками по сравнению с обычной историей других времен и других стран. Это сосредоточение событий, ранее развертывавшихся на протяжении веков, в столь коротком промежутке времени обнаружило наиболее характерные черты и стороны нового, или современного, общества; они выявились с тем большей наглядностью, что воинствующая буржуазия уже создала себе интеллектуальные средства и органы, разрабатывавшие на основе ее действий теорию, в которой она нуждалась и которая представляла собой отраженное сознание буржуазного движения.

Насильственная экспроприация значительной части старой собственности — той ее части, которая находилась в неподвижном состоянии в виде феодов, королевских и княжеских доменов и земель, находившихся в мертвой руке,— и экспроприация всевозможных поземельных и

личных прав, вытекающих из прав собственности на эти земли,— все это дало в руки государства, превратившегося в силу объективно существовавшей необходимости в грозное и всемогущее правительство с исключительными полномочиями, огромные экономические ресурсы. Это привело, с одной стороны, к созданию своеобразной финансовой системы ассигнат [32], кончивших тем, что они сами себя уничтожили, а с другой стороны, к появлению новых собственников, обязанных своим состоянием удачной игре на бирже и случайностям интриг и спекуляции. И кто осмелился бы после этого поклоняться священному и древнему институту собственности, когда недавно приобретенное прочное право собственности основывалось столь очевидным образом на умении извлекать пользу из счастливо сложившихся обстоятельств? Если многим беспокойным философам, начиная с софистов, и приходила когда-либо в голову мысль, что право — творение человека, полезное и удобное, то отныне это предположение презренных еретиков могло казаться простой и само собой разумеющейся истиной даже самым жалким беднякам парижских предместий. Разве не они, пролетарии, совместно с остальными представителями простого народа дали своим ранним выступлением в апреле 1789 года толчок революции в целом; и разве не оказались они позднее как бы снова изгнанными с исторической сцены после неудачи Прериальского восстания [33] 1795 года? Разве не они носили на своих плечах всех пламенных ораторов, выступавших в защиту свободы и равенства; разве они не держали в своих руках Парижскую коммуну *, которая оставалась в течение некоторого времени органом, двигающим вперед Законодательное собрание и всю Францию; и разве в конечном итоге им не пришлось испытать горькое разочарование, когда выяснилось, что они сами, собственными руками создали себе новых господ? Молниеносное осознание этого разочарования послужило тем непосредственным психологическим стремительным толчком, который привел к заговору Бабёфа; именно по этой причине заговор является великим историческим событием и содержит в себе все элементы объективно обусловленной трагедии.

---

* Речь идет о Парижской коммуне 1789—1794 годов.— *Ред.*

Земля, которую ленная система и право мертвой руки ранее как бы привязывали к какой-либо корпорации, семье, титулу,— эта земля, освободившись от своих уз, превратилась в товар, служивший основой и средством производства товаров; и она мгновенно стала настолько гибким, податливым и удобным товаром, что оказалась пригодной для обращения в символической форме ценных бумаг. И вокруг этих символов, размножившихся по сравнению с вещами, которые они должны были представлять, до такой степени, что в конце концов они утратили свою ценность, в гигантских масштабах разрослись дела, поднимаясь со всех сторон, на плечах самых бедных, погрязших в нищете, во всех излучинах извилистой и стремительной политики и особенно бесстыдно извлекая выгоду из войны и ее славных побед. Даже быстрые успехи техники, развитие которой ускоряла настоятельная нужда в ней, давали пищу и благоприятную возможность процветания дел.

Законы буржуазной экономики, являющиеся законами частного производства в антагонистических условиях конкуренции, с яростью ополчились всеми возможными средствами, силой и хитростью, против идеалистических стремлений революционного правительства. Последнее, сильное своей уверенностью, что оно спасает родину, и в еще большей степени — иллюзией, что оно установит навеки свободу равных людей, считало возможным уничтожить спекуляцию с помощью гильотины, ликвидировать стремление к легкой наживе путем закрытия биржи и обеспечить существование народных масс установлением *максимума* цен на предметы первой необходимости. Товары, цены и дела неистово боролись за свою свободу, против тех, кто желал проповедовать или навязывать им мораль.

Термидор, независимо от того, какими личными побуждениями руководствовались термидорианцы — низостью, трусостью или же они поддались обману,— являлся в силу своих скрытых причин и по своим ближайшим последствиям торжеством дел над идеализмом демократов. Конституция 1793 года, запечатлевшая крайний предел, которого могла достигнуть демократическая мысль, никогда не была осуществлена на практике. Тяжкий гнет обстоятельств, угроза иностранного нашествия, разного рода мятежи внутри страны — от жирондистского до вандей-

ского — сделали необходимым появление власти, обладающей чрезвычайными полномочиями, каковой был террор, рожденный страхом. По мере того как исчезали опасности, исчезала и потребность в терроре, но демократия разбилась о дела, создавшие собственность новых собственников. Конституция III года освятила принцип умеренного либерализма, на основе которого развился весь конституционализм европейского континента; но главное значение этой конституции заключалось в том, что она гарантировала неприкосновенность новой собственности. Сменить собственников, спасая собственность,— таковы были девиз, лозунг, знамя, вызывавшие в течение ряда лет, начиная с 10 августа 1792 года, как бурные восстания, так и разработку отважных планов теми, кто пытался построить общество на добродетели, на равенстве, на спартанском самоотречении. Директория была тем путем, следуя по которому революция пришла к отрицанию самой себя как идеалистического порыва. И именно при Директории, которая была временем признанной и открыто заявляющей о себе коррупции, стал действительностью девиз: собственники сменились, но собственность спасена! В конце концов появилась необходимость в реальной силе, которая смогла бы возвести на многочисленных развалинах прочное здание. Такая сила нашлась в лице выдающегося авантюриста непревзойденной гениальности, которому фортуна царственно улыбнулась; он был единственным, обладавшим достаточной силой для того, чтобы закончить подходящей моралью эту гигантскую басню, ибо в нем самом отсутствовали малейшие следы моральной щепетильности.

Чего только не случалось в этом яростном вихре событий! Граждане, вооружившиеся с целью защиты родины, одерживавшие победы по ту сторону французских границ, в соседних странах Европы, куда они принесли вместе с завоеванием революцию, превратились в грубую солдатчину, притеснявшую свободу в своем собственном отечестве. Крестьяне, которые, охваченные властным порывом, вызвали в 1789 году анархию на феодальных землях, став солдатами, мелкими собственниками или мелкими арендаторами, после того как они были в течение короткого времени передовыми стражами революции, вновь вернулись к молчаливому и тупому спокойствию своей покоящейся на традициях жизни, лишенной собы-

тий и движения и служащей прочным фундаментом для так называемого социального порядка. Мелкие буржуа, бывшие члены цехов, быстро стали в условиях экономической конкуренции свободными поставщиками ручного труда. Свобода торговли требовала, чтобы каждый продукт превратился в свободно продающийся товар; таким образом, она преодолела последнее препятствие, добившись того, что и труд стал предметом свободной купли и продажи.

Все менялось в это время. Государство, которое на протяжении веков казалось многим миллионам людей, находившихся в плену иллюзии, священным учреждением или божественной миссией, допустив, чтобы его суверен был обезглавлен самым прозаическим образом — при помощи гильотины, утратило свой священный ореол и приобрело светский характер. Само государство превращалось в технический аппарат управления, в котором место иерархии занимала бюрократия. А так как старинные титулы уже не давали их носителям привилегии на занятие государственных должностей, это новое государство могло стать добычей всех тех, кто пожелал бы завладеть им; короче говоря, оно оказалось отправленным на аукцион для продажи на одном лишь условии: чтобы удачливые честолюбцы были надежными поручителями неприкосновенности собственности, а также новых и старых собственников. Новое государство, которому понадобилось 18-е брюмера, чтобы превратиться в упорядоченную бюрократию, опирающуюся на победоносный милитаризм,— это государство, дополнившее революцию актом, явившимся ее отрицанием, не могло обойтись без своего свода законов, и оно получило его в виде *Кодекса гражданского права* — золотой книги общества, производящего и продающего товары. Недаром общая юриспруденция в течение ряда веков сохраняла и толковала в виде научной дисциплины то римское право, которое было, есть и будет типичной и классической формой права любого общества, производящего товары, до тех пор, пока коммунизм не уничтожит какую бы то ни было возможность куплипродажи товаров.

Буржуазия, которая совершила победоносную революцию благодаря совпадению целого ряда специфических обстоятельств и при участии многих других классов и прослоек, почти целиком исчезнувших вскоре с политиче-

ской сцены,— эта буржуазия выступала в моменты наиболее сильных столкновений как бы побуждаемая причинами и вдохновляемая идеями, не имеющими ничего общего с теми последствиями столкновений, которые остались и утвердились надолго. Таким образом, происходившее в разгар борьбы необычайно быстрое изменение экономического базиса являло себя взгляду замаскированным идеалами и затемненным сложным сплетением различных намерений и планов, порождающих как действия, которые отличались исключительной жестокостью и невиданным героизмом, так и множество иллюзий и суровые испытания, приносившие разочарование. Никогда еще сердце человеческое не было полно столь могучей верой в идеал прогресса. Идеализм того времени ставил перед собой следующие цели: сначала избавить человечество от суеверия или даже от религии, сделать из каждого человека гражданина и из каждого частного лица — общественного деятеля, а затем, следуя по пути, намеченному этой программой, проделать за короткий период в несколько лет ту эволюцию, которая ныне представляется даже крайним идеалистам делом многих грядущих столетий. Почему же людям того времени должно было претить воспитательное воздействие гильотины?

Эта поэзия, несомненно грандиозная, хотя и нерадостная, оставила после себя весьма низменную прозу. Это была проза собственников, обязанных своей собственностью удаче; проза крупных финансовых дельцов, разбогатевших поставщиков, маршалов, префектов, продажных журналистов, художников и писателей. Это была проза двора единственного в своем роде человека, которому его военный гений в сочетании с разбойничьим нравом даровали, без сомнения, право презирать как *идеалиста* каждого, кто не восхищался неприкрытым и неприукрашенным фактом, который в реальной жизни может представлять собой, как это и было для него самого, просто суровую оборотную сторону успеха.

Великая французская революция ускорила ход исторического развития в большей части Европы. Она послужила источником всего того, что мы называем либерализмом и современной демократией (за исключением случаев ложного подражания Англии), включая объединение Италии, которое было и, быть может, останется последним действием революционной буржуазии. Эта революция

явилась наиболее ярким и поучительным примером процесса преобразования общества и складывания новых экономических условий, которые во время своего развития сплачивают членов общества в группы и классы. Она наглядно показала, каким образом возникает право, когда в нем появляется потребность для выражения и защиты определенных отношений, как создается государство и как оно применяет свои орудия, органы и находящиеся в его распоряжении силы. Мы видим, как социальные нужды являют собой почву, на которой вырастают идеи, и как в определенных условиях, под воздействием тех или иных обстоятельств рождаются и развиваются характеры, стремления, чувства, желания, т. е., короче говоря, нравственные силы. Одним словом, данные, рассматриваемые социальной наукой, были, так сказать, подготовлены самим обществом. Не следует поэтому удивляться, что революция, которой в отношении идеологии предшествовала самая крайняя форма рационалистического доктринерства из всех известных, в конце концов оставила после себя интеллектуальную потребность в антидоктринерских исторической науке и социологии, которые в значительной степени удалось создать в наш, XIX век, близящийся в настоящий момент к концу.

* * *

После всего, сказанного мною, и после того, что уже общеизвестно, было бы бесполезно вновь напоминать здесь, почему Сен-Симон и Фурье близки Оуэну, и повторять, какими путями происходило зарождение научного социализма. Для нас представляют важность лишь два следующих пункта: исторический материализм мог появиться на свет только на основе теоретического познания социализма; исторический материализм уже в состоянии объяснять теперь свое происхождение с помощью своих собственных принципов, что служит самым убедительным доказательством его зрелости.

Таким образом, находят свое подтверждение слова, которыми начинается эта глава: идеи не падают с неба.

VIII

Все сказанное нами выше позволяет теперь каждому точно уяснить себе относительную ценность так называемого учения о факторах, позволяет понять, как, исходя из объективных предпосылок, можно отбросить те преходящие концепции, которые являлись и являются простым выражением мысли, не достигшей еще полной зрелости.

И все же следует еще раз вернуться к вопросу об этом учении, дабы глубже и обстоятельнее выявить, по каким причинам два так называемых фактора, а именно: *государство* и *право* — рассматривались и по сей день рассматриваются как главный или единственный *субъект истории.*

Историография, как известно, на протяжении веков усматривала в указанных формах общественной жизни сущность человеческого развития; более того: развитие это она видела только в изменении данных форм. На протяжении веков история рассматривалась как предмет, имеющий отношение к политико-правовой и даже преимущественно к политической области. Обращение ученых, занимавшихся вопросами политической истории, к изучению общества произошло не так давно, и совсем уже недавно пришли к выводу, что при этом надлежит пользоваться категориями экономического материализма. Иными словами, социология возникла сравнительно недавно, и читатель, надеюсь, поймет, что я применяю этот термин brevitatis causa (ради краткости) для общего обозначения науки о социальных функциях и изменениях, а отнюдь не в том узком смысле, какой придают ему позитивисты.

Ведь хорошо известно, что вплоть до начала XIX столетия данные, касавшиеся обычаев, нравов, верований и т. д., и даже данные, имевшие отношение к естественным условиям, которые служат почвой и являются средой, в которой получают развитие формы общественной жизни, приводились в историко-политических трудах лишь в качестве любопытных фактов или же как нечто побочное и дополняющее повествование.

Все это не может быть и отнюдь не является случайным. Вот почему нам вдвойне интересно понять смысл запоздалого появления на свет социальной истории: ин-

тересно, во-первых, потому, что наше учение снова подтверждает, таким образом, свое право на существование, и, во-вторых, потому, что мы раз и навсегда отметаем тем самым так называемые факторы.

* * *

С тех пор как существует писаная история, государство неизменно представляется не только вершиной, но и основанием общества; так было всегда, за исключением отдельных критических периодов, когда социальные классы, будучи не в силах сохранить путем приспособления состояние относительного равновесия, вступали в полосу более или менее длительного кризиса анархического характера, и за исключением тех исторических катаклизмов, в результате которых рушился иногда целый мир, подобно тому как это произошло при крушении Западной римской империи или распаде Халифата. Первый шаг, сделанный наивной мыслью в этом направлении, нашел свое выражение в следующей формулировке: тот, кто правит, является в то же время и тем, кто созидает.

Если исключить, далее, несколько коротких периодов демократического образа правления, осуществлявшегося при живейшем участии народа-правителя, как это имело место в некоторых греческих городах, особенно в Афинах, а также в некоторых итальянских коммунах, и прежде всего во флорентийской (в первом случае власть осуществляли свободные люди, рабовладельцы, во втором — привилегированные горожане, эксплуатировавшие чужеземцев и крестьян), то общество, организованное в государство, всегда состояло из большинства, которое подчинялось власти меньшинства. Таким образом, на протяжении всей истории большинство неизменно представляло собой массы, которыми управляли, руководили и которые эксплуатировали, или же это большинство во всяком случае олицетворяло собой пестрый конгломерат интересов, управлять которыми надлежало незначительному меньшинству, уравновешивавшему противоречия либо путем насилия, либо путем поощрения.

Отсюда и необходимость искусства государственного управления, и, поскольку эта необходимость прежде всего становится очевидной для тех, кто изучает жизнь общества, вполне естественно, что политика предстает

как творец общественного строя и как показатель непрерывной смены исторических форм. Кто говорит — политика, тот говорит — деятельность, подразумевая такую деятельность, которая развивается в желанном направлении, вплоть до определенного момента, т. е. до того, когда проводимая политика наталкивается на резкое и непредвиденное сопротивление. Исходя из подсказанного несовершенным опытом положения, что творцом общества является государство, а созидательницей общественного порядка — политика, историки, занимающиеся изложением событий или их истолкованием, были склонны, естественно, видеть сущность истории в смене политических форм, институтов и идей.

Вопрос о том, как возникло государство и что обусловливало неизменное его существование, не имел и не имеет значения при общих рассуждениях. Проблемы генетического характера возникают, как это всем известно, довольно поздно. Государство существует, и его право на существование объясняется его необходимостью в данных условиях; меж тем человеческому воображению трудно было свыкнуться с мыслью, что когда-то государства вообще не было, и стали возникать предположения, что государство ведет свое начало чуть ли не с возникновения рода человеческого. Основателями государства, по крайней мере в мифологии, были боги или полубоги и герои, подобно тому как в средневековой теологии папа являлся первым, а следовательно, божественным и вечным источником всякой власти. Да еще и в наше время малоосведомленные путешественники и глупые миссионеры обнаруживают государство повсюду, даже там, где его нет,— у дикарей и у варваров, где существуют лишь gens (род) или племя, состоящее из родов, или союз племен.

Для преодоления этих ошибочных представлений понадобились две вещи: во-первых, нужно было добиться признания того, что функции государства возникают, возрастают, уменьшаются, видоизменяются и сменяются в зависимости от смены определенных социальных условий. Во-вторых, надо было добиться осознания того, что государство существует и сохраняется лишь постольку, поскольку оно призвано охранять определенные интересы — интересы одной части общества против всего остального

общества, которое должно быть в своей совокупности устроено так, чтобы противодействие подданных, угнетаемых и эксплуатируемых, либо оказалось распыленным, вылившись в многочисленные мелкие столкновения, либо было смягчено частичными, пусть ничтожными, выгодами, выпадающими на долю угнетаемых. Таким образом, чудодейственное, вызывающее восхищение политическое искусство сводится к весьма простой формуле; противопоставить силу или систему сил совокупности сопротивлений.

Первый и самый трудный шаг был сделан тогда, когда удалось объяснить существование государства, исходя из тех социальных условий, которые его породили. Сами же эти социальные условия были впоследствии определены теорией классов, процесс возникновения которых обусловлен характером различных занятий человека при наличии распределения труда, иначе говоря, при учете отношений, объединяющих и связывающих людей в условиях определенной формы производства.

С того момента концепцию государства как предполагаемого творца общества перестали считать непосредственной причиной исторического развития, ибо стало ясно, что в каждой из своих форм и разновидностей оно является не чем иным, как институтом, опирающимся на фактическое и насильственное установление господства определенного класса или на известное приспособление друг к другу различных классов. Затем, продолжая исходить из этих предпосылок, пришлось наконец признать, что политика как искусство воздействия в нужных целях играет весьма незначительную роль в общем развитии истории и относительно небольшую роль в процессе образования и развития самого государства, в котором много вещей, т. е. много отношений рождается и получает развитие в силу необходимости приспособиться, в силу молчаливого согласия, в силу испытываемого или терпимого насилия, в силу интуитивных поисков выхода из положения.

Господство бессознательного — понимая под этим все то, к чему не стремятся по собственной воле, преднамеренно или по свободному выбору, а что предопределяется и происходит в силу постоянной смены привычек, обычаев, всякого рода приспособляемости и т. д.,— получило весьма широкое распространение в области знаний, со-

ставляющих предмет исторической науки; что же касается политики, которая должна была все объяснять, то она сама стала ныне предметом, требующим объяснения.

* * *

Итак, нам теперь ясно, по каким причинам история предстала сначала в сугубо политическом облике.

Из этого, однако, отнюдь не следует, что государство является неким наростом или просто придатком общественного организма или свободной ассоциации, как это представляли себе многие утописты и многие ультралибералы анархистского толка. Если до сего времени общество порождало государство, то происходило это потому, что оно нуждалось в такой дополнительной силе и власти, поскольку само общество состоит из людей неравных, что обусловлено различиями экономического характера. Государство — это нечто весьма реальное; это система сил, которые поддерживают равновесие или же навязывают его с помощью насилия и репрессий. А для того, чтобы существовать как такая система сил, государство должно было обрести и экономическую мощь, будь то с помощью грабежа или завоеваний, военных контрибуций или на основе непосредственного владения доменами или же в результате постепенного накопления средств, как это позволяет современная налоговая система, облекающаяся в псевдоконституционные формы мнимого самообложения. В этой экономической мощи, столь возросшей у совре́менных государств, и заключается основа их способности к действию. Отсюда следует, что в результате нового разделения труда государственные функции обусловливают возникновение особых сословий, т. е. особых слоев, включая слои паразитические.

Государство, которое обладает и должно обладать экономической мощью — поскольку для защиты правящих классов оно должно располагать средствами, чтобы подавлять, осуществлять власть, управлять, вести войны,— порождает, прямо или косвенно, совокупность новых, частных интересов, неизбежно оказывающих влияние на общество.

Таким образом, государство, возникнув и существуя для сохранения социальных противоречий, являющихся следствием экономической дифференциации, порождает круг непосредственно заинтересованных в его существовании лиц.

Из этого вытекают два следствия. Поскольку общество не представляет собой какого-то однородного целого, а является организмом, состоящим из отдельных органов,— более того: поскольку оно отражает сложный комплекс противоположных интересов, то иной раз случается, что правители государства стремятся изолироваться и в результате этой изоляции противопоставляют себя всему обществу. Бывает, далее, и так, что органы и функции, созданные первоначально для блага всех, вырождаются и служат лишь интересам тех или иных групп, или кругов, или клик, порождая всякого рода злоупотребления властью. Отсюда и возникновение аристократии и иерархии, порожденных использованием политической власти, отсюда и династии; все эти образования, с точки зрения простой логики, представляются совершенно неразумными.

С тех пор как существует достоверная история, государство то усиливало, то ослабляло свою власть, но оно никогда не переставало существовать, ибо в обществе, состоявшем в силу экономической дифференциации из неравных между собой людей, всегда наличествовали причины, побуждавшие сохранять и охранять с помощью силы или путем захватов либо рабство, либо монополии, либо преобладание какой-то одной формы производства над другими путем господства человека над человеком. Таким образом, государство стало как бы ареной непрестанной гражданской войны, которая ведется непрерывно, хотя и не носит таких ярко выраженных форм, как война Мария и Суллы, как июньские дни или как война Севера с рабовладельческим Югом в Америке. Внутри государства всегда процветала коррупция, ибо если нет такой формы господства, которая не встретила бы противодействия, то нет и такого противодействия, которое в силу насущных потребностей жизни не могло бы выродиться в покорное приспособление.

По этим причинам исторические события, если рассматривать их в плоскости обычного однообразного повествования, кажутся повторением почти без изменений одного и того же, чем-то вроде припева или смены изображений в калейдоскопе. Нет ничего удивительного в том, что концептуалист Гербарт и желчный пессимист Шопенгауэр пришли к выводу, что истории как поступательного процесса развития нет; в переводе на обыденный язык сие означает: история — это скучная песня.

Если свести политическую историю к ее квинтэссенции, то государство предстает во всей своей прозаической сущности, в которой нет более и следа ни теологического обоготворения, ни той метафизической идеализации, которая была так в моде у некоторых немецких философов, полагавших, что государство — это *Идея,* которая реализует себя в истории, что государство — это полное раскрытие личности, и твердивших прочую чепуху. На деле же государство представляет собой действенную систему защиты, необходимую для обеспечения и сохранения определенного общественного строя, основой которого является либо та или иная форма экономического производства, либо сочетание и соединение различных его форм. Короче говоря, государство предполагает либо наличие одной системы собственности, либо сочетание различных систем собственности. В этом заключается основа всякого искусства правления, которое требует, чтобы само государство стало экономически сильным и обладало средствами и возможностями для обеспечения перехода собственности из одних рук в другие. Когда вследствие резкого и насильственного изменения способов производства приходится вводить необычные и чрезвычайные изменения в отношения собственности (например, упразднение права мертвой руки и феода, упразднение торговых монополий), тогда старое политическое устройство оказывается уже несостоятельным и возникает необходимость революции для создания нового органа, способного осуществить экономический переворот.

* * *

Вся история, исключая очень древние и неведомые нам времена, развивалась на основе контактов и столкновений между различными племенами и обществами, а затем и между различными нациями и различными государствами; иначе говоря, причины, обусловливавшие внутренние противоречия в лоне того или иного общества, неизменно все более и более осложнялись в результате коллизий с внешним миром. Обе указанные причины столкновений взаимообусловлены, но проявляется это всегда по-разному. Так, зачастую внутренние затруднения побуждают то или иное общество или государство вступить во внешний конфликт; а иной раз, наоборот, внешние коллизии влияют на изменение внутренних отношений.

Главной двигательной силой всякого рода отношений между различными обществами с самого их возникновения неизменно была, да и есть сейчас, торговля в широком смысле этого слова, т. е. обмен, независимо от того, сводилось ли дело к тому, чтобы сбывать, как это имело место в отношении бедного племени, только излишки в обмен на другие вещи, или речь шла, как это происходит в наши дни, о массовой продукции, которая предназначается исключительно для продажи, дабы из одной суммы денег можно было получить несколько большую сумму. Это великое множество внешних и внутренних событий, которые накапливаются и наслаиваются одно на другое в обычной летописи, до такой степени ввергает в смятение историографов, занимающихся их истолкованием и кратким изложением, что последние явно теряются в бесконечных попытках создать искусственные хронологические рамки и периоды и дать общую перспективную картину исторического развития. Между тем тому, кто умеет проследить за ходом внутреннего развития различных общественных формаций, анализируя их экономическую структуру, тому, кто рассматривает политические события как результат деятельности действующих в обществе сил, удается в конечном счете одолеть путаницу, порождаемую множественностью и туманностью эмпирического восприятия, и вместо простой хронологии, синхронизма и самой общей перспективной картины выявить конкретную картину подлинного процесса исторического развития.

* * *

Перед такого рода реалистическими соображениями теряют свою состоятельность все те идеологии, которые основываются на принципе этической миссии государства или на любом ином подобном принципе. Государство ставится, если можно так выразиться, на свое место и пребывает как бы в рамках общественного развития как форма, которая порождена другими условиями и которая в силу факта своего существования оказывает в свою очередь, естественно, воздействие на все остальное.

Тут возникает другой вопрос: изживет ли себя когда-нибудь эта форма? Т. е.: может ли существовать общество без государства? Или: может ли быть общество бесклассовым? Или, для большей ясности: будет ли

когда-нибудь такая форма коммунистического производства и такое разделение труда и обязанностей, при которых не могло бы иметь место развитие всякого рода неравенства, порождающего господство человека над человеком?

В утвердительном ответе на эти вопросы и заключается сущность *научного социализма,* поскольку он предусматривает наступление стадии коммунистического производства не как цель, которой можно достичь по свободному выбору, а как результат имманентного процесса развития истории.

Предпосылка такого предвидения заключена, как это более чем хорошо известно, в самих условиях нынешнего капиталистического производства. Последнее систематически социализирует способ производства, все больше и больше подчиняет ручной и регламентированный труд возможностям техники, изо дня в день все больше и больше концентрирует собственность на средства производства в руках немногих, которые, будучи акционерами или занимаясь перепродажей акций, оказываются все больше в стороне от непосредственных процессов труда, руководство которым переходит в руки интеллигенции. По мере роста сознания подобного положения у пролетариата, который обучается солидарности в силу самих условий его труда и существования, и по мере того как капиталистам все труднее будет удержать в своих руках руководство производительным трудом, должен наступить такой момент, когда так или иначе в результате упразднения всех видов ренты, процентов и частнокапиталистической прибыли, производство перейдет в руки коллективной ассоциации, т. е. станет коммунистическим. Тогда-то исчезнет всякого рода неравенство, за исключением того естественного неравенства между людьми, которое обусловлено различием пола, возраста, темперамента и способностей; исчезнут, иначе говоря, все те виды неравенства, которые связаны с существованием экономических классов и даже порождаются ими; с исчезновением классов государство уже не должно будет служить орудием господства человека над человеком. Техническое руководство и воспитательное воздействие интеллигенции станет тогда единственной формой общественного устройства.

Таким путем научный социализм одержал верх — пока что, по крайней мере, теоретически — над государством, и

это дало возможность поборникам этого учения с предельной ясностью понять как истоки возникновения, так и причины естественного отмирания государства. И поняли они это именно потому, что не восставали против государства односторонне или субъективно, как это делали неоднократно в прошлые времена циники, стоики и разного рода эпикурейцы, а позднее религиозные сектанты или утописты из тайных обществ и как это в последнее время делают анархисты всех мастей. Наоборот: научный социализм не только не восставал против государства, а стремился доказать, как государство само непрестанно восстает против самого себя, поскольку, создавая те средства, без которых оно не может обойтись, как-то: колоссальные финансы, милитаризм, всеобщее избирательное право, распространение культуры и т. д.— оно создает условия для своей собственной гибели. Общество, которое породило государство, снова поглотит его, иначе говоря: поскольку общество, как выражение определенной формы производства, уничтожит противоречия между капиталом и трудом, то с исчезновением пролетариев и тех условий, которые обусловливают существование пролетариата, исчезнет и зависимость в какой бы то ни было форме человека от человека.

Таким образом, рамки и условия, в которых происходили зарождение и развитие государства — с момента его возникновения в определенной общине, в которой начался процесс экономической дифференциации, и вплоть до того момента, когда начало вырисовываться его отмирание,— позволяют нам понять сущность государства.

Понимание того, что государство является всего лишь необходимым дополнением к определенным экономическим отношениям, навсегда исключает предположение, будто оно является самостоятельным историческим фактором.

Теперь сравнительно легко будет уяснить себе, каким образом право было возведено в степень решающего общественного фактора, а тем самым — прямо или косвенно — и фактора исторического.

Следует прежде всего припомнить, как сложилась та философская концепция общего права, на которой основывается главным образом теория, рассматривающая историю как процесс, всецело зависящий от развития законодательства как такового.

* * *

Наряду с рано начавшимся распадом феодального общества в некоторых частях Центральной и Северной Италии и одновременно с возникновением коммун, представлявших собой республики ремесленников и купцов, объединенных в гильдии и цехи, имела место рецепция римского права. Оно расцвело новым цветом в университетах, и, поскольку это право было возрождено в противовес варварским правдам [34] и в значительной мере в противовес каноническому праву [35], оно отражало, несомненно, форму мышления, более соответствовавшую потребностям буржуазии, которая начинала в то время развиваться.

И действительно: в отличие от партикуляризма, прав, отражавших либо обычаи варварских народов, либо сословные привилегии, либо льготы, дарованные папами и императорами, римское право, казалось, обладало универсальностью писаного разума. Разве не рассматривало оно человеческую личность в ее самых абстрактных и общих отношениях, поскольку какой-нибудь Тит мог брать на себя обязательства и налагать их на других, мог продавать и покупать, уступать, дарить и т. д.? Таким образом, хотя римское право в своей последней редакции и было разработано раболепными юристами по приказу императоров, оно все же являло собой в условиях упадка средневековых учреждений революционную силу и в качестве таковой означало большой сдвиг. Право это, отличавшееся такой универсальностью, что оно давало в руки средства для ниспровержения варварских правд, несомненно, в большей степени соответствовало человеческой натуре, в силу же своего противодействия частным правам и привилегиям оно носило характер естественного права.

Как возникла идеология естественного права — общеизвестно. Своего наивысшего расцвета эта идеология достигла в XVII и XVIII столетиях, но еще задолго до того подготовлялась юриспруденцией, которая положила в ее основу римское право, либо принимая, либо приспосабливая, либо по-своему истолковывая его.

В формировании идеологии естественного права сыграл свою роль и другой элемент, а именно: греческая философия последующих эпох. Греки, сумевшие изобрести те конкретные формы мышления, каковыми являются науки, не создали, как известно, исходя из своих многочислен-

ных местных законов, такой дисциплины, которая соответствовала бы тому, что мы именуем юриспруденцией. Зато благодаря быстрому прогрессу абстрактного мышления, обусловленному развитием демократических республик, им удалось много раньше других начать весьма смелые изыскания в области логики, риторики и педагогики касательно природы права, государства, закона, наказания; вот почему мы находим в их философии зачаточные формы всех последующих дискуссий. Однако лишь много позднее, а именно, в эпоху эллинизма, когда рамки жизни греков настолько расширились, что смогли слиться с рамками жизни цивилизованного мира,— в условиях этой космополитической среды, испытывавшей потребность найти в каждом человеке человека, возник рационализм права, или естественное право, в той форме, которую придала ему философия стоиков. Этот рационализм греков, отдельные формальные элементы которого уже были использованы при логической кодификации римского права, вновь появился в XVII веке в учении опять-таки о естественном праве.

Таким образом, идеология, которая послужила орудием критики и инструментом для придания правовой формы экономическому устройству современного общества, проистекает из различных источников.

По сути же, эта правовая идеология отражает в борьбе за право и против права революционный период буржуазного мышления. И, хотя в самом начале она основывалась — в плане теоретическом — на возврате к традициям античной философии и на обобщении римской юриспруденции, во всем остальном и по характеру своего естественного развития идеология эта является поистине новой и современной.

Что касается римского права, то, хотя оно и было обобщено современной философской школой, внесшей в него известные поправки, все же оно по-прежнему оставалось собранием частных случаев, которые не были выведены дедуктивным путем на основе определенной, заранее выработанной системы и не были предварительно классифицированы законодателем, обладающим умением систематизировать. Наряду с этим рационализм стоиков и их современников и последователей носил характер чисто созерцательный и не породил вокруг себя революционного движения. Меж тем идеология естественного

права, получившая в последнее время название философии права, была построена на определенной системе; она исходила всегда из общих теоретических положений и отличалась, кроме того, воинственным и полемическим духом, вступая даже в борьбу с ортодоксальностью, нетерпимостью, привилегиями, сословиями; она боролась, иными словами, за свободы, составляющие ныне основы современного общества.

В условиях существования этой идеологии, служившей орудием борьбы, впервые в конкретной и предельно ясной форме зародилась мысль, что существует право, составляющее одно целое с разумом. А те права, против которых велась борьба, представлялись как отклонение, как регресс, как заблуждение.

Вера в рациональное право породила слепую веру в силу законодателя, которая обрела столь фанатичный характер в критические моменты Великой французской революции.

Отсюда и убеждение, что общество, все целиком, должно быть подчинено одному праву, равному для всех, построенному на определенной системе, логике и последовательности. Отсюда же и убеждение, что право обеспечивает всем юридическое равноправие, возможность заключать сделки любого характера и свободу. Отсюда вытекает все остальное. С торжеством истинного права должен восторжествовать, мол, и разум, и тогда общество, управляемое единым для всех правом, будет являть собой совершенное общество!

Излишне говорить о том, какие заблуждения лежали в основе таких тенденций. К чему должно было привести подобное универсальное освобождение человека, мы уже знаем. Однако что много важнее в данном случае — это то, что все эти убеждения строились на такой концепции права, по которой последнее рассматривалось в полном отрыве от порождавших его причин. Так, разум, к которому призывали указанные идеологи, сводился к тому, чтобы освободить труд, ассоциацию, торговлю, политические формы и сознание от всех ограничений и от всех препятствий, служивших помехой свободной конкуренции. Я уже рассказал в одной из глав, какой поучительный опыт мы можем извлечь в этом отношении из великой революции прошлого века. И если в наши дни найдутся еще люди, которые будут настойчиво доказывать, что рацио-

нальное право доминирует в истории, что это право, иначе говоря, является, мол, *фактором*, а не простым *фактом* в процессе исторического развития, то это будет свидетельствовать о том, что они живут вне нашего времени и не поняли, что либеральная и эгалитарная кодификация фактически знаменовала собой конец всей этой школы естественного права.

* * *

Различными путями удалось в наш век (т. е. в XIX век.— *Ред.*) превратить право из вещи рациональной в вещь фактическую, а тем самым в вещь, соответствующую определенным социальным условиям.

Следует учесть прежде всего, что интерес к истории, приобретя более широкий и глубокий характер, побудил научную мысль признать, что для понимания происхождения права недостаточно было считать его источником лишь разум, ни ограничиваться анализом одного только римского права. Так, вновь стали в почете — я имею в виду в плане теоретическом — варварские правды, нравы и обычаи тех народов и обществ, к которым рационалисты относились с таким презрением. Это был единственно верный путь, ибо только на основе изучения древнейших форм можно было найти ключ к пониманию того, как складывались новейшие формы.

Кодифицированное римское право представляет собой достаточно современную форму. Та личность, которую это право предусматривает в качестве универсального субъекта, является продуктом позднейших времен, когда над космополитизмом общественных отношений довлела военно-бюрократическая структура. В том мире, где утвердился писаный разум, не оставалось и следа непринужденности народной жизни, не было больше демократии. Между тем это же самое право, прежде чем достичь подобной кристаллизации, появилось на свет и получило свое развитие, и если изучать его в свете его истоков и развития, в особенности если применить при этом сравнительный метод, то во многих отношениях оно покажется схожим с институтами тех обществ и тех народов, которых считали низшими. Таким образом, становилось ясно, что истинной наукой о праве может быть лишь генетическая история самого права.

Однако спрашивается: в то время как на европейском континенте кодификация гражданского права знаменовала собой создание типа и образца буржуазного практического разума, не сохранилось ли в Англии другой самобытной формы права, возникшей из самих условий породившего его общества и получившей развитие сугубо практического характера, без определенной системы и без какого-либо влияния методического рационализма?

Таким образом, существующее в действительности и представляющее определенную ценность право — вещь гораздо более простая и скромная, чем это кажется восторженным ревнителям писаного разума, разума господствующего; им можно, впрочем, простить их заблуждение, поскольку они явились идейными предтечами великой революции. Надо было идеологию заменить историей правовых учреждений. Философия права завершила свое существование вместе с Гегелем; и если найдутся люди, которые захотят возразить мне, ссылаясь на книги, вышедшие в свет после Гегеля, то я отвечу им, что печатные труды профессоров отнюдь не всегда являются показателем прогресса мысли. Так, философия права превращается в философское толкование истории права. А как философия истории привела к экономическому материализму и в каком смысле критический коммунизм является прямой противоположностью гегелевского учения, нет надобности повторять здесь еще раз.

* * *

Такого рода революция, которая кажется революцией в области идей и только, является на деле лишь духовным отражением тех революций, что произошли в практической жизни.

В наш век законодательная деятельность стала подлинным бичом, а господствующий разум правовой идеологии был ниспровергнут парламентами. Противоречия классовых интересов в парламентах вылились в форму партии, а партии выступают за или против тех или иных прав; вот почему все право представляется либо простым фактом, либо вещью, которую полезно или бесполезно осуществлять.

Пролетариат поднялся на борьбу, и всюду, где борьба рабочих вылилась в определенные формы, стала явной

полная несостоятельность буржуазных кодексов. Так, писаный разум оказался бессильным спасти заработную плату от неустойчивости рынка, охранить женщин и детей от изнурительных условий труда на фабриках или найти какой-либо способ для решения проблемы безработицы. Один лишь вопрос частичного сокращения рабочего дня послужил поводом и причиной для гигантской по размаху борьбы. Мелкая и крупная буржуазия, крупные землевладельцы и промышленники, адвокаты бедняков и защитники накопленных богатств, монархисты и демократы, социалисты и реакционеры — все они яростно стремились повернуть в том или другом направлении деятельность общественных учреждений и использовать удобную политическую обстановку и парламентские интриги для защиты определенных интересов либо путем толкования существующего права, либо путем создания нового. Неоднократно в это новое право вносились изменения, и можно было обнаружить самые странные колебания: от принятия гуманных законов, защищающих бедняков и даже животных, до введения закона о военно-полевом суде. С права была сорвана маска, и оно стало самой обыденной вещью.

Постепенно нами был обретен опыт, на основе которого родилась формула, столь же точная, сколь и скромная: каждое право служило и служит орудием защиты определенных интересов — будь то обычным путем, или посредством применения власти, или с помощью судебных органов,— а отсюда до выведения права из экономики — всего лишь один шаг.

Если материалистическая концепция сумела в последнее время обобщить все эти тенденции в ясную и строгую систему, то произошло это потому, что ее направленность была определена мировоззрением пролетариата. Последний является необходимым продуктом и в то же время обязательным условием существования общества, в котором все люди формально равноправны, но материальные условия развития и свободы отдельных членов общества не равны. Пролетарии — это та сила, благодаря которой накопленные средства производства воспроизводятся и преобразуются в новое богатство; однако сами они не имеют возможности жить иначе, как под властью и в зависимости от капитала, и в любой день могут превратиться в безработных, бедняков и эмигрантов. Они составляют

армию общественного труда, но их командирами являются их хозяева. Они олицетворяют собой отрицание справедливости в царстве права, иначе говоря, они являются нерациональным элементом в мнимом царстве разума.

Таким образом, история не представляла собой некоего процесса, который должен был привести к господству разума в праве, а была и остается по сей день не чем иным, как чередованием и изменением форм подчинения и порабощения. Вся история заключается, следовательно, в борьбе интересов, а право является лишь авторитетным выражением тех интересов, которые одержали верх. Эти положения не позволяют, разумеется, объяснить каждое данное право, появившееся в истории, путем непосредственного рассмотрения интересов, выражением которых оно является. Исторические явления весьма сложны; однако на основании этих общих положений можно наметить характер и метод научного исследования, которое пришло ныне на смену правовой идеологии.

IX

Здесь уместно будет сформулировать несколько подытоживающих положений.

На основании условий развития труда и соответствующих ему средств производства экономическая структура общества, т. е. способ производства предметов потребления, во-первых, непосредственно обусловливает в этой искусственной среде всю остальную практическую деятельность членов общества и развитие разных видов этой деятельности в том процессе, который мы именуем историей. А это означает образование, столкновение, борьбу и уничтожение классов; соответственное развитие регулирующих отношений как в области права, так и в области нравственности, а также причины и формы подчинения одних людей другим путем применения силы и власти — т. е. все, что в конечном счете лежит в основе государства и составляет его сущность. Во-вторых, экономическая структура определяет направление и — в значительной мере и косвенно — объекты воображения и мысли в сфере искусства, религии и науки.

Продукты первой и второй степени, в силу того, что они вызывают к жизни определенные интересы, порождают определенные привычки и объединяют людей, опре-

деляя их намерения и наклонности, имеют тенденцию к тому, чтобы укрепиться и изолироваться в качестве самодовлеющих явлений; отсюда и берет свое начало тот эмпирический взгляд, согласно которому различные независимые факторы, обладающие собственной действенной силой и собственным ритмом движения, якобы содействуют развитию исторического процесса и последовательно проистекающих из него форм общественного устройства.

Подлинными и позитивными факторами истории — если только следует употреблять слово «фактор» — начиная с момента исчезновения первобытного коммунизма и до наших дней были и продолжают быть общественные классы, поскольку они основываются на различии интересов, которые находят свое выражение в определенных проявлениях и формах противодействия (откуда и возникают столкновения, движения, процесс развития и прогресс).

То или иное изменение экономической структуры общества, которое на первый взгляд явственно проявляется в кипении страстей, сознательно осуществляется в борьбе за или против того или иного права и приводит к ломке и крушению определенного политического строя — находит, по сути, свое адекватное выражение лишь в изменении отношений, существующих между различными общественными классами. А эти отношения меняются в связи с изменениями отношений, существовавших ранее между производительностью труда и условиями (политико-юридическими), в которых находятся люди в процессе труда.

И, наконец, эти отношения между производительностью труда и соподчинением тех, кто в нем участвует, меняются с изменением необходимых для производства орудий (в широком смысле этого слова). Процесс развития и прогресс техники является одновременно и отличительным признаком и условием любого иного процесса развития и прогресса.

Общество является для нас некоей данной величиной, которую мы не можем разложить на составные части иначе как путем анализа, с помощью которого сложные формы приводятся к простейшим, а современные формы — к древнейшим; при этом, однако, мы не выходим за рамки существующего общества.

История является не чем иным, как историей общества, иначе говоря: историей изменений совместной деятельности людей, начиная от примитивной орды, вплоть

до современного государства, от непосредственной борьбы с природой, которая велась с помощью немногочисленных и простейших орудий, до нынешней экономической структуры, которая характеризуется полярной противоположностью между накопленным трудом (капиталом) и живым трудом (пролетариями). Сводить весь комплекс общественных явлений к простым индивидам и воссоздавать его затем на основе свободных и произвольных актов мышления — создавать, иначе говоря, общество на основе рассуждений — это значит не понимать объективной природы и имманентных законов исторического процесса.

Революции, в самом широком, а также в конкретном смысле этого слова, означающем свержение того или иного политического строя,— вот что является подлинными вехами исторических эпох. Если рассматривать эти революции издалека, в их составных элементах, в процессе их подготовки и в их проявляющих себя длительное время результатах, то может показаться, что они являются моментами постоянной эволюции, претерпевающей минимум изменений; но если рассматривать их по существу, то они предстают в виде явных и четко выраженных катастроф, и лишь в качестве таковых они носят характер исторического события.

X

Итак, и нравственность, и искусство, и религия, и наука являются, стало быть, продуктами экономических условий? И даже показателями различных категорий этих условий? Иначе говоря, являются украшением, излучением и отражением материальных интересов?

Такие или подобного рода утверждения, изложенные в столь грубой и прямолинейной форме, давно уже передаются из уст в уста и льют воду на мельницу противников материализма, использующих их в качестве удобного пугала. Ленивцы, которых насчитывается множество и среди так называемых представителей интеллигенции, охотно довольствуются принятием подобных утверждений, уподобляясь тем примитивным умам, что ищут убежища для своего невежества. Как это должно быть удобно и отрадно для всех нерадивых и не умеющих думать: получить в один прекрасный день изложенной в виде резюме из нескольких предложений всю науку познания и проник-

нуть затем при помощи одного-единственного ключа во все тайны жизни! Свести все вопросы этики, эстетики, филологии, исторической критики и философии к одному-единственному вопросу, избавившись от всего того, над чем надо ломать себе голову! Следуя по такому пути, простаки от науки могли бы, пожалуй, низвести всю историю к простой арифметике, а какая-нибудь новая оригинальная трактовка Данте могла бы представить нам «Божественную комедию» с иллюстрациями в виде счетов на сукно, которые бойкие флорентийские купцы продавали с превеликой для себя выгодой!

Дело, иначе говоря, заключается в том, что теоретические утверждения, обобщающие те или иные вопросы, весьма легко превращаются в вульгарные парадоксы в головах тех, кто не привык преодолевать трудности мышления путем методического использования соответствующих средств. Что касается сущности и конкретных аспектов этих вопросов, то я коснусь их лишь вкратце и в общих чертах, ибо я не собираюсь, право же, descriver fondo all'universo (описывать основание вселенной) в этом кратком очерке, не претендующем на то, чтобы стать *энциклопедией.*

* * *

Коснемся, прежде всего, морали.

Я не имею в виду религиозные или философские системы или катехизисы. И те и другие существовали и существуют в большинстве случаев вне обычной сферы мирских человеческих дел, точно так же как утопии стоят над реальной действительностью. Я не имею в виду и те формальные анализы этических отношений, которые достигли такой изощренности, начиная от софистов и кончая Гербартом. Все это наука, а не жизнь. И притом наука *формальная,* как логика, как геометрия и как грамматика. Гербарт, последним давший глубокое определение этим этическим отношениям, хорошо понимал, что идеи, т. е. формальные точки зрения нравственного суждения, сами по себе являются бессильными. Поэтому сущность этики он усматривал в обусловленности жизни ее обстоятельствами и в педагогическом формировании характера. Его можно было бы отождествить с Оуэном, если бы он не был ретроградом.

Я имею в виду ту мораль, которая прозаически существует в эмпирической и обыденной форме в склонностях, привычках, обычаях, советах, суждениях и оценках простых людей. Я имею в виду ту мораль, которая, оказывая влияние, побуждая или сдерживая, достигает различной стадии развития и проявляется более или менее явно, но фрагментарно у всех людей и у каждого в отдельности; обусловливается это тем, что, живя в человеческом сообществе и занимая в нем определенное положение, каждый человек естественно и по необходимости размышляет о собственных действиях и о действиях других и выносит те или иные суждения и оценки, складывающиеся в первейшие основы общих принципов.

Такова действительность, и что много важнее — это то, что она обретает в различных условиях жизни различные и многообразные формы, видоизменяясь на протяжении всей истории. Эта действительность является основой научного исследования. Факты не являются ни истинными, ни ложными, как это понял еще Аристотель. Что же касается систем, будь они теологические или же рационалистические, то они в отличие от фактов могут быть истинными или ложными, поскольку они ставят своей целью понять, объяснить и дополнить явление, вскрывая его причинную связь с другим фактом или объединяя его с ним.

Итак, некоторые положения преюдициальной теории в том, что касается трактовки вышеуказанной действительности, ныне можно считать установленными.

Воля не существует сама по себе и не проявляется самопроизвольно, как это полагали изобретатели той *свободной воли,* которая свидетельствовала лишь о бессилии психологического анализа, еще не достигшего зрелости. Проявления воли, будучи актом сознательным, являются особым выражением механизма психики, являются результатом в первую очередь потребностей, а затем и всего того, что им предшествует, вплоть до самой элементарной и органической потребности двигаться.

Мораль не возникает и не зарождается самопроизвольно. Следовательно, та духовная сущность, которая получила название *нравственного сознания,* не является универсальной основой различных и изменяющихся этических отношений, не является единой и единственной для всех людей. Эта абстрактная сущность была отвергнута

критикой, равно как и все остальные подобного рода сущности, иначе говоря, как и все так называемые способности души. И в самом деле, разве можно было считать правильным такое объяснение фактов, при котором обобщение факта как такового считалось средством его истолкования? Когда рассуждали так: ощущения, восприятия, интуиция в какой-то мере подвергаются воздействию воображения, иначе говоря, они изменяются, следовательно, их видоизменило воображение? К подобного рода вымыслам относится так называемое нравственное сознание, возведенное в постулат для соответствующих этических оценок. Нравственное сознание, которое действительно существует, является фактом эмпирическим; это показатель, т. е. выражение этических взглядов того или иного индивида. Если это и должно составлять предмет науки, то последняя не может объяснять этические отношения, основываясь на сознании, а должна установить, как это сознание формируется.

Если волевые побуждения и нравственность определяются условиями жизни, то этика в целом представляет собой лишь определенную идеологическую форму и задача ее, таким образом, схожа с задачей, стоящей перед педагогикой.

Существует педагогика — я назвал бы ее индивидуалистической и субъективной,— которая, исходя из предположения о наличии у всех людей способности к совершенствованию, создает абстрактные нормы, с помощью коих люди, находящиеся в стадии формирования, могут якобы стать сильными, мужественными, правдивыми, справедливыми, доброжелательными и т. д., т. е. могут обрести любые добродетели, как главного, так и второстепенного значения. Но может ли, спрашивается, эта субъективная педагогика сама по себе создать ту социальную почву, на которой все эти прекрасные вещи смогли бы осуществиться? Если она создает ее, то это является всего лишь утопией.

Ведь человеческий род, в сущности говоря, на всем протяжении своего сложного развития никогда не имел ни времени, ни возможности ходить в школу Платона или Оуэна, Песталоцци или Гербарта. Он поступал так, как бывал вынужден поступать. Все люди, если рассматривать их с абстрактной точки зрения, воспитуемы и могут совершенствовать свои качества; и они действительно всегда

это делали в той мере, в какой могли, принимая во внимание условия жизни, в которых им приходилось развивать свою деятельность. Это тот именно случай, когда слово «среда» не является метафорой, а термин «приспособление» применен не в переносном смысле. Нравственность фактически всегда предстает перед нами как нечто условное и ограниченное, как нечто такое, что воображение пыталось превзойти, либо выдумывая утопии, либо создавая сверхъестественного педагога или чудотворное искупление.

Почему, спрашивается, у раба должны были быть те же взгляды, те же страсти и те же чувства, что и у его господина, который внушил ему такой страх? Как может крестьянин избавиться от неодолимых суеверий, на которые обрекают его непосредственная зависимость от природы и зависимость от незнакомого ему социального механизма и слепая вера в священника, заменяющего ему и волхва, и чародея? Каким образом современный пролетарий крупных промышленных городов, постоянно испытывающий на себе тиски нищеты и подчинения, может обрести такой же нормальный и размеренный образ жизни, какой был присущ членам ремесленных цехов, существование которых, казалось, было заключено в рамки некоего провиденциального плана? На основе каких интуитивных элементов опыта какой-нибудь чикагский торговец свиньями, снабжающий Европу таким количеством дешевых продуктов, смог бы обрести то состояние ясности духа и ту возвышенность мыслей, которые придавали афинянину свойства человека *billo-e-buono* (прекрасного и доброго), а *civis romanus* (римский гражданин) — достоинство героя? Какая сила христианских увещеваний и призывов к покорности сумеет вырвать из души современных пролетариев ненависть против их неопределенных или определенных угнетателей, обусловленную естественными причинами? Ведь если они хотят, чтобы восторжествовала справедливость, они вынуждены прибегнуть к насилию; а для того чтобы любовь к ближнему как всеобщий закон стала в их глазах возможной, они должны представить себе условия жизни, совершенно отличные от тех, которые существуют ныне и которые порождают ненависть, возводя ее в необходимость,— подобно необходимости получить причитающийся долг. В современном обществе, построенном на неравенстве, ненависть, высокомерие, ложь,

лицемерие, подлость, несправедливость и весь арсенал основных и второстепенных пороков подстать одинаковой для всех нравственности; более того: все это является сатирой на нее.

Таким образом, этика сводится в известной мере к историческому изучению субъективных и объективных условий, в силу которых нравственность либо развивается, либо наталкивается на препятствия для своего развития. Только в этой плоскости, т. е. только в этих пределах, представляет ценность утверждение, что уровень нравственности соответствует определенному социальному положению, т. е., в конечном счете, тем или иным экономическим условиям.

Только какому-нибудь кретину могла прийти в голову мысль, что нравственность того или иного человека строго соразмерна его материальному положению. Это не только эмпирически ложно, но и неразумно по существу. Принимая во внимание эластичность человеческой психики, никак нельзя считать, что развитие отдельных индивидуумов обусловлено только их принадлежностью к определенному классу или их социальным положением. Здесь речь идет о массовых явлениях — о тех явлениях, которые составляют или должны были бы составить предмет *моральной статистики:* эта дисциплина до сих пор осталась неполноценной, ибо она избрала объектом своих исследований группы, которые она сама же создает, суммируя число случаев (например, адюльтеры, кражи, убийства), а не те группы, которые, подобно классам, условиям и положениям, реально, т. е. социально, существуют.

Рекомендовать людям нравственность, лишь умозрительно представляя себе или вовсе не зная условий их существования,— вот что являлось до сего времени целью и методом аргументации всех занимающихся нравоучениями. Признать, что эти условия определяются окружающей социальной средой,— вот что коммунисты противополагают утопии и лицемерию проповедников нравственности. И поскольку они считают, что нравственность отнюдь не является ни привилегией избранных, ни даром природы, а продуктом опыта и воспитания, то они признают способность человека к совершенствованию, основываясь на таких доводах и аргументах, которые, я сказал бы, более нравственны и более близки к идеалу, чем те, которые обычно, не долго думая, выдвигают идеалисты.

Иными словами, человек развивается, т. е. формируется не как существо, от роду наделенное определенными свойствами, которые повторяются или развиваются сообразно некоему рациональному ритму; он формируется и развивается как причина и как следствие, как творец и в то же время как результат определенных условий, в которых рождаются также определенные направления идей, мнений, верований, мыслей, устремлений, принципов. Отсюда и возникают разного рода идеологии, равно как и обобщения понятий нравственности и их возведение в катехизисы, каноны и системы. Не приходится, следовательно, удивляться, если после появления на свет различных идеологических форм каждая из них получает затем свое развитие путем абстракции; в конечном счете создается впечатление, что они как бы оторваны от той живой почвы, на которой появились, и находятся чуть ли не над людьми, являя собой некие императивы или образцы. Священнослужители и доктринеры всех мастей на протяжении веков содействовали такого рода абстрагирующей работе мышления и стремились сохранить в умах возникающие при этом иллюзии. Сейчас, когда подлинные источники всех идеологий обнаружены в механизме самой жизни, задача заключается в том, чтобы реалистически объяснить, каким образом они возникают. И, поскольку это относится ко всем идеологиям, это относится, в частности, и к тем из них, которые заключаются в распространении этических оценок за их естественные и непосредственные границы, чтобы эти оценки служили либо предвосхищением божественных заповедей, либо предпосылкой универсальных требований совести.

Все это составляет предмет специальных исторических исследований. Не всегда удается найти связь между некоторыми этическими понятиями и определенными конкретными условиями. Зачастую общественная психология той или иной минувшей эпохи остается для нас неразгаданной. Зачастую самые обыденные вещи являются для нас непонятными, например: почему те или иные животные считаются нечистыми или откуда происходит отвращение к браку между людьми, находящимися в отдаленной степени родства. Вдумчивый анализ приводит нас к выводу, что причины, породившие целый ряд отдельных явлений, навсегда останутся для нас невыясненными. Невежество, суеверие, странные представления, символика — вот на-

ряду со многими другими явлениями причины того неосознанного, что часто встречается в обычаях (той или иной нации) и что представляется нам ныне непознанным и непознаваемым.

Основная причина всех трудностей заключается именно в позднем возникновении того, что мы именуем разумом, вследствие чего следы побудительных причин, вызвавших к жизни те или иные представления, оказались либо утерянными, либо скрытыми внутри самих же понятий.

* * *

Гораздо проще обстоит дело с трактовкой вопроса о науке.

История науки в течение долгого времени писалась довольно наивно. Принимая во внимание, что в учебниках и энциклопедиях содержалось, как правило, изложение основных положений каждой из наук в отдельности, казалось, что достаточно просто восстановить в хронологическом порядке появившиеся определения, разложив совокупность систематизированного материала на те элементы, из которых он постепенно складывался. Общее предположение было столь же простым: в основе этой хронологии лежит разум, который развивается и прогрессирует.

Такой метод, если только его можно назвать методом, отличался, однако, одним небольшим недостатком, а именно: он позволял, самое большее, понять путем рассуждения, как из одной, уже существующей науки проистекает другая наука, но он никак не позволял распознать, какие конкретные условия побудили людей впервые открыть науку, т. е. изложить в определенной и новой форме осмысленный опыт. Задача, иначе говоря, заключалась в том, чтобы установить, каким образом возникла подлинная история науки, каковы истоки потребности в науке и что именно связывает генетически, в общем процессе общественного развития, эту потребность с другими потребностями.

Огромные успехи современной техники, в которой действительно заключается духовная сущность буржуазной эпохи, породили среди прочих чудес и следующее чудо: они впервые раскрыли перед нами происхождение научного поиска. (О ты, незабвенная флорентийская Академия;

получившая свое наименование от слова «опыт» в дни, когда Италия переживала закат своего былого величия, а современное ей общество находилось на заре новой эры — эры промышленности). Так мы получили возможность уловить основную нить к разгадке того, что абстрактно именуется научным духом: теперь никто более не удивляется тому, что все научные открытия осуществляются так же, как и в древнейшие времена, когда элементарная геометрия египтян, например, возникла из потребности измерять поля, которые ежегодно заливали выходившие из берегов воды Нила, а периодичность этих наводнений навела на мысль — опять таки в Египте и в Вавилоне — об открытии простейших законов движения небесных светил.

Общеизвестно, что после того, как наука получила развитие и достигла известной степени зрелости, как это имело место в эллинский период, последующие научные поиски ученых, строившиеся на абстракции, дедукции и других формах познания, носили такой характер, что внешне они оставляли скрытыми социальные причины, обусловившие возникновение самой науки. Но если мы рассмотрим в общих чертах различные эпохи, отмеченные развитием науки, и сопоставим те периоды, которые идеалисты назвали бы периодами прогресса и регресса научного мышления, нам станет ясной социальная причина импульсов, характеризовавших то подъем, то спад в развитии науки.

Зачем, спрашивается, феодальному обществу Западной Европы нужны были, к примеру, те античные науки, которые сохраняли, по крайней мере в их материальном, конкретном приложении, византийцы, в то время как арабы, будь то свободные земледельцы, или искусные ремесленники, или предприимчивые купцы, были склонны способствовать их развитию в различных своих владениях? Что такое Возрождение, как не стремление связать воедино изначальный этап развития буржуазии с традициями древней науки, вновь признанной годной и нужной, а тем самым и способной много объяснить? Что представляет собой весь процесс развития научных познаний, носивших столь бурный характер начиная с XVII века и в последующие столетия, как не множество открытий, осуществленных интеллектом на основе приобретенного опыта, с целью обеспечить человеку в его труде возможность под-

чинять себе естественные условия и силы природы с помощью все более совершенной техники?

Отсюда и борьба с обскурантизмом, с суевериями, с церковью, с религией; отсюда и возникновение натурализма, атеизма и материализма; отсюда и установление господства разума. Эпоха развития буржуазии — *это эпоха умственного и духовного подъема* (Вико). Следует припомнить, что именно правительство Директории, которое явилось прототипом и олицетворением всей гнилостности либерализма, первым весьма решительно и торжественно ввело в университете и в Академии метод свободного научного исследования, открыв доступ туда Ламарку! Указанный метод, получивший широчайшее развитие в силу самих условий, присущих периоду становления буржуазии, стимулировавших это развитие, является единственным наследием, которое коммунизм перенял у минувших веков и которое он использует без оговорок.

Нет нужды останавливаться сейчас на рассмотрении вопроса о мнимом противоположении науки философии. Если не считать те формы философского мышления, которые сродни мистике и теологии, философия ни в коей мере не представляет собой такую науку или такое учение, которое оторвано от подлинных и присущих конкретной действительности вещей; она является просто-напросто степенью, формой, стадией мышления по отношению к вещам, составляющим область опыта. Философия является, следовательно, либо общим предвосхищением тех проблем, которые науке надлежит еще конкретно разработать, либо суммированным подытоживанием и изложением в виде концепции тех результатов, которых различные науки уже достигли *. Что же касается тех ученых, которые, дабы не показаться ретроградами, разглагольствуют о *научной философии,* то следует сказать — если только не воспринимать с долей юмора этот термин, отвергающий наличие какой бы то ни было формы теологии и традиционализма (в его чистом виде),— что они попросту фаты, полагая, будто представляют какую-то школу или особое философское течение.

---

* Несомненно, философии свойственны те аспекты, о которых здесь говорит А. Лабриола; при этом следует помнить, что предметом марксистской философии как науки являются наиболее общие законы природы, общества и мышления.— *Ред.*

Я уже говорил выше, формулируя ряд определений, что экономическая структура обусловливает, во-вторых, направленность, а также в значительной степени и косвенно — объекты воображения и мышления в произведениях искусства и в том, что создается религией и наукой. Сформулировать это по-иному или выйти за пределы сказанного означало бы сознательно вступить на путь, ведущий к абсурду.

Этим определением прежде всего опровергается нелепая идеалистическая точка зрения, согласно которой искусство, религия и наука суть субъективные и исторические производные художественного, религиозного или научного духа, якобы последовательно проявляющегося сообразно собственному эволюционному ритму, который обусловливается материальными факторами, в одних случаях способствующими, в других — препятствующими его развитию.

Этим определением, кроме того, подчеркивается наличие неизбежной взаимосвязи, в силу которой все, что относится к области искусства и религии, является духовным, чувственным или иным производным выражением определенных социальных условий. Если я говорю — во-вторых, то делаю это для того, чтобы подчеркнуть различие между указанными явлениями и явлениями политико-юридического порядка, представляющими собой прямое выражение экономических отношений. И если я говорю — в значительной степени и косвенно, когда речь идет об объектах этого вида созидания, то делаю это для того, чтобы выявить два обстоятельства, а именно: в созидании, относящемся к области религии или искусства, взаимосвязь между экономическими условиями и продуктами творчества очень сложна — это первое; второе — люди, хоть они и живут в обществе, продолжают в то же время жить среди природы и черпают в ней материал для своей любознательности и воображения.

В конечном счете все это сводится к более общей формуле: человечество не творит одновременно несколько историй, а все эти мнимые разнообразные истории (искусство, религия и т. п.) представляют собой одну единую историю.

Явственно увидеть и понять это можно лишь в поворотные знаменательные моменты созидания нового, т. е. в такие периоды, которые я назвал бы революционными.

Позднее, в силу привычки к уже созданным вещам и в результате традиционного повторения определенного типа, стирается воспоминание об их истоках.

Пусть попытается кто-нибудь отделить идейное содержание басен, положенных в основу поэм Гомера, от того момента исторической эволюции, когда занялась заря арийской цивилизации в средиземноморском бассейне, т. е. от той фазы высшего этапа развития варварства, когда в Греции и в других странах зародился подлинный эпос. Пусть другие тешат себя иллюзиями, будто христианство возникло и получило развитие вне римского космополитизма, и что оно не явилось делом рук тех пролетариев, рабов, обездоленных и отчаявшихся людей, которые испытывали необходимость в искуплении, в апокалипсисе и в обещании царствия небесного. Пусть попытается кто-нибудь доказать, что в самый разгар Возрождения возник романтизм, первые признаки которого едва-едва обнаруживаются в творчестве Торквато Тассо; или пусть кто хочет присваивает Ричардсону или Дидро романы Бальзака, который, будучи современником первого поколения социалистов и социологов, показал в своих произведениях *психологию классов*.

Углубляясь все дальше в века, к первоистокам мифических понятий, мы явственно видим, что Зевс обрел характерные черты отца людей и богов лишь тогда, когда была установлена patria potesta (отцовская власть) и начался тот процесс развития, который привел впоследствии к образованию государства. Так Зевс перестал быть тем, кем он был сначала, т. е. простым divo (или сверкающим), или громовержцем. И вот наконец на противоположной точке исторической эволюции многие из мыслителей прошлого века решили свести всю совокупность, все многообразие непознанного и трансцендентального, нашедшего свое выражение во множестве мифологических, христианских или языческих творений, к единому *абстрактному богу*, являющемуся просто управителем мира. Человек благодаря приобретенному опыту почувствовал себя гораздо привольнее в мире природы, почувствовал, что способен разобраться в сложном механизме человеческого общества, знанием которого он частично обладал. Он развенчивал постепенно элемент чудесного в сознании настолько, что материализму и критицизму удалось в даль-

нейшем ликвидировать последние остатки трансцендентности, не вступая в борьбу с богами.

Существует, конечно, история идей, но история эта отнюдь не замыкается в порочном кругу тех идей, которые поясняют сами себя. Речь идет о том, чтобы восходить от вещей к идеям. Это целая проблема; более того: в этом заключается множество проблем, настолько разнообразны, сложны, разнохарактерны и запутанны представления людей о самих себе и о социально-экономических условиях своего существования, а следовательно, и о своих чаяниях, опасениях, надеждах и разочарованиях, нашедших выражение в искусстве и религии. Метод найден, но уметь применить его в каждом отдельном случае нелегко. Особенно надлежит остерегаться схоластического искушения *дедуктивно* выводить продукты исторической деятельности, которая отражается в искусстве и религии. Надо надеяться, что философы типа Круга, строившего диалектическим путем умозаключения касательно пера, которым он писал, навсегда останутся похороненными в примечаниях Гегеля к «Логике», где указывается на эту нелепую причуду.

* * *

Тут следует указать на ряд трудностей.

Во-первых, прежде чем пытаться вывести вторичные продукты (например, искусство и религию) из тех социальных условий, идейным выражением которых они являются, необходимо обладать большим опытом и навыками в исследовании психологии того или иного общества, претерпевающего определенные изменения. Именно в этом и заключается суть, т. е. совокупность отношений, которые именуются, к примеру — применяя иную терминологию,— египетским *миром,* греческим *сознанием, духом* Возрождения, *господствующими идеями, психологией народов,* общества или классов.

После того как указанные отношения были сформулированы и люди свыкались с определенными понятиями и с определенными верованиями или характером воображения, идеологии, перешедшие к ним в силу традиции, обнаруживали тенденцию к кристаллизации.

Потому-то они и предстают как некая сила, оказывающая противодействие новому, а поскольку противодействие это выражается посредством слова, письма, нетерпи-

мости, полемики, преследований и т. д., то борьба между новыми и старыми социальными условиями приобретет характер борьбы за идеи.

Во-вторых, на протяжении многовекового развития собственно истории, как в силу наследия, доставшегося от предыстории человечества, от эпохи дикости, так и в силу положения подчиненности, а следовательно, и унизительной зависимости, в которой пребывало и пребывает большинство людей, произошло своего рода примирение с традиционными установлениями, в результате чего старые тенденции оказались очень живучи и продолжают существовать в виде цепких пережитков.

В третьих, люди, как я уже сказал, живя в сообществе, не перестают жить вместе с тем и среди природы. Они, разумеется, не связаны с природой так, как с ней связаны животные, поскольку живут они в искусственной среде. Каждый, впрочем, понимает, что жилой дом — это не пещера, что земледелие не естественное пастбище, а фармация — это не заклинание духов. Но природа всегда является непосредственной почвой искусственной среды. Она окружает всех нас. Благодаря технике между нами, общественными животными, и природой появился ряд посредников, которые изменяют, устраняют или отдаляют естественные влияния, однако техника отнюдь не смогла уничтожить действенную силу последних и мы постоянно ощущаем эту силу на себе. И, подобно тому как каждый из нас совершенно естественно рождается мужчиной или женщиной, подобно тому как все мы умираем почти всегда помимо нашей воли и в нас очень силен инстинкт продолжения рода, точно так же и в нашем характере заключены особые свойства, которые воспитание — в широком смысле этого слова, т. е. социальное приспособление — может, правда в известной мере, изменить, но никогда не может полностью искоренить. Эти свойства характера, повторяющиеся на протяжении веков из поколения в поколение на множестве индивидов, и составляют то, что именуется этническим характером. В силу всех этих причин наша зависимость от природы, хотя она и уменьшилась за истекшие со времен предыстории столетия, все же продолжает иметь место и поныне в нашей общественной жизни, точно так же как созерцание самой природы продолжает порождать любопытство и дает пищу нашему воображению. Таким образом, это воздействие природы и порож-

даемые им непосредственно или косвенно чувства, хотя они и определяются, с тех пор как существует история, теми или иными социальными условиями, неизменно находят свое отражение в произведениях искусства и в том, что создается религией, а это усугубляет трудность реалистической и полноценной интерпретации как одного — т. е. искусства,— так и другой — т. е. религии.

XI

Возникает вопрос, можно ли, пользуясь нашим учением как новым методом исследования, как точным инструментом ориентации и как определенной точкой зрения, прийти в конце концов к конкретному изложению истории с совершенно новых позиций?

На этот общий вопрос нельзя не дать общего утвердительного ответа. В самом деле, если допустить, что последователь критического коммунизма, т. е. социолог, придерживающийся экономического материализма, или, как теперь принято говорить, *марксист,* имеет необходимую критическую подготовку, привычку к историческому труду, а также те способности, которые требуются для последовательного и образного повествования, то нет оснований утверждать, что он не сможет писать историю, как ее до сих пор писали сторонники всех других политических школ.

Приведем в качестве примера Маркса, ибо это фактическое доказательство не может вызвать возражений. Именно он, являясь первым и главным творцом основных положений этого учения, быстро превратил его в орудие политической ориентации, выступив в революционный период 1848—1850 годов как непревзойденный публицист. Позднее он с величайшей последовательностью применил его в своем труде «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»; даже теперь, много лет спустя и после многократных переизданий, можно сказать, что этот труд не нуждается — если не считать некоторых незначительных деталей и отдельных ошибочных предсказаний — ни в исправлениях, ни в дополнениях. Я не стану здесь приводить, подражая библиографам, перечень различных сочинений — представляющих собой применение этого учения к истории — либо самих Маркса и Энгельса, либо их непосредственных продолжателей, а также популяриза-

торов научного социализма. Даже в социалистической печати встречаются время от времени ценные опыты объяснения современных политических событий, обнаруживающие именно благодаря историческому материализму ясность и проницательность, которые мы тщетно стали бы искать у писателей и публицистов, еще не сорвавших с истории ее фантастические покровы и идеалистическую оболочку.

Здесь не место защищать, подобно адвокату, абстрактный тезис. Тем не менее совершенно очевидно следующее: в основе всех написанных до сих пор трудов лежит та или иная тенденция, принцип, общее мировоззрение, если не получившие своего четкого выражения, то, несомненно, неосознанно проводимые авторами этих трудов; точно так же и это учение, которое дало нам полную возможность объективно изучать социальный строй, должно в конечном счете придать историческому исследованию строго определенное направление и привести к всестороннему, ясному и всеобъемлющему изображению исторического процесса.

* * *

Это начинание, разумеется, не испытывает недостатка во вспомогательных средствах.

Политическая экономия, которая, как это теперь общеизвестно, возникла и развивалась как наука о буржуазном производстве, питала вначале горделивую иллюзию, будто она заключает в себе абсолютные законы всех форм производства. Однако в определенный момент, под воздействием суровых уроков действительности она вступила, как мы знаем, в период самокритики. Эта самокритика, положив, с одной стороны, начало критическому коммунизму, вызвала к жизни, с другой стороны, благодаря трудам наиболее беспристрастных, благоразумных и осторожных представителей академической традиции *историческую школу экономических явлений.* Благодаря деятельности этой школы и в результате применения описательного и сравнительного методов мы располагаем в настоящее время весьма обширными знаниями относительно разных исторических форм экономики, начиная с самых сложных явлений и кончая особенностями хозяйства того или иного монастыря или спецификой какого-либо средневекового ремесленного цеха. То же самое произошло и со статистикой, которой вследствие применения

многочисленных методов сопоставления источников удалось теперь установить с достаточной степенью приближения рост народонаселения в минувшие века.

Эти исследования не предпринимаются, конечно, в интересах нашего учения, и большей частью они бывают даже проникнуты духом, враждебным социализму (чего, впрочем, не замечают те ограниченные читатели печатного слова, которые столь часто смешивают *экономическую историю, историческую теорию экономики и исторический материализм*). Но эти исследования помимо собираемого и рассматриваемого в них фактического материала замечательны еще и тем, что они свидетельствуют о каждодневно происходящем прогрессе в изучении внутренней истории, которая постепенно вытесняет внешнюю историю, служившую на протяжении веков единственным объектом внимания ученых и художников.

Значительная часть собранного такими методами материала непрерывно подвергается новому исправлению, как это, впрочем, наблюдается во всех науках, основанных на опыте, постоянно колеблющихся между тем, что, по предположению исследователей, является достоверным, тем, что расценивается ими как вероятное, и тем, что в дальнейшем должно быть дополнено или вовсе исключено. Выводы и сопоставления тех, кто пишет историю экономики, или тех, кто рассматривает историю в целом, принимая за исходный пункт изучение экономических явлений, не всегда настолько правдоподобны и убедительны, чтобы при этом не возникало потребности заявить: все это следует начать изучать заново, с самого начала. Но неоспоримым остается следующий факт: в настоящее время вся историография стремится стать наукой, или, точнее, социальной дисциплиной. Когда это движение, пока еще неопределенное и принимающее различные формы, придет к своему завершению, ученые и исследователи неизбежно кончат свои поиски признанием экономического материализма. Благодаря такому сочетанию стремлений и трудов ученых, отправные пункты которых столь различны, материалистическое понимание всей истории в конечном результате станет решающим завоеванием мысли и овладеет умами. Это избавит наконец сторонников и противников экономического материализма от пристрастия к дискуссиям pro et contra (за и против), как это практикуется при обсуждении партийных тезисов.

* * *

Помимо упомянутых выше прямых вспомогательных средств наша доктрина располагает многими косвенными средствами. Кроме того, она извлекает пользу также из плодотворного сравнения со многими другими дисциплинами, в которых благодаря большей простоте исследуемых отношений легче применять генетический метод. Типичным примером служит лингвистика, в особенности та ее часть, которая занимается изучением арийских (индоевропейских) языков.

Подобным дисциплинам, особенно лингвистике, присущи ясность и убедительность анализа и реконструкции, которых до сих пор, несомненно, недостает приложению принципов материализма к истории. Поэтому в наше время была бы тщетной всякая попытка написать краткую всеобщую историю, рассматривающую развитие всех разнообразных форм производства, с тем чтобы затем вывести из них остальные виды человеческой деятельности, принимая во внимание все своеобразие конкретных обстоятельств. При современном состоянии исследований этого рода всякий, кто попытался бы дать подобный компендий новой Kulturgeschichte (истории культуры), смог бы лишь перевести на язык экономики общие ориентиры, которые в других книгах, как, например, у Гельвальда, выражены языком дарвинизма [36].

От признания принципа до его полного приложения, с учетом специфики каждого конкретного случая, ко всей обширной области фактов или к длинному ряду взаимозависимых явлений — расстояние немалое.

Вот почему, применяя наше учение, мы должны ограничиться в данное время изложением и истолкованием определенных разделов истории. Наиболее ясным является новейший ее период. Экономическое развитие буржуазии, разнообразные препятствия (хорошо известные нам), которые ей пришлось преодолевать в разных странах, возникновение в результате ее столкновения с препятствиями различных революций в самом широком смысле слова — все эти в равной степени отчетливо прослеживаемые факторы помогают нам уяснить себе сущность новейшей эпохи. Столь же ясно мы представляем себе непосредственную предысторию буржуазии, относящуюся ко времени упадка средних веков. Так, например,

для нас не представляло бы трудностей найти в своеобразном развитии города Флоренции на основании источников ряд комплексов явлений, обнаруживающих, что экономическое и демографическое развитие находит свое полное соответствие в политических отношениях и достаточно яркую иллюстрацию в интеллектуальном развитии того времени, которое уже приняло прозаическое направление и в значительной степени освободилось от идеологических иллюзий. В настоящее время не лежит за пределами возможного также рассмотрение и объяснение всей истории древнего Рима под строго определенным материалистическим углом зрения. Но для такого изучения древнеримской истории, особенно ее раннего периода, не хватает непосредственных источников; зато в изобилии имеются источники, освещающие историю древней Греции — начиная с народных преданий, эпоса и подлинных юридических надписей и кончая сочинениями, дающими прагматическую трактовку историко-социальных отношений. В отличие от Греции борьба за политические права в Риме почти всегда непосредственно отражает те экономические причины, которые лежат в ее основе; в результате этого упадок тех или иных классов и образование новых классов, ход завоеваний, изменение законов и форм политического аппарата управления становятся для нас совершенно очевидными. Эта римская история сурова и прозаична; она никогда не облекается в те идеологические покровы, которые были характерны для греческой жизни. Жесткая проза завоеваний, колонизации, проводящейся по строго продуманному плану, правовых учреждений и норм, установленных и выработанных с целью устранить определенные трения и противоречия,— все это превращает римскую историю в цепь событий, следующих одно за другим с особо отчетливой ясностью.

* * *

Итак, подлинная проблема заключается в следующем: речь идет не о том, чтобы поставить социологию на место истории, как будто бы последняя была лишь видимостью, за которой скрывается реальная действительность, а, напротив, о том, чтобы полностью понять историю во всех

ее конкретных проявлениях и сделать это с помощью экономической социологии. Речь идет не о том, чтобы отделить случайное от существенного, видимость от реальности, явление от сущности и т. д., как бы ни называли эти категории последователи какого-либо схоластического учения; наоборот, дело в том, чтобы объяснить переплетение и комплекс явлений и фактов именно постольку, поскольку они существуют в действительности. Речь идет не о том, чтобы обнаружить и определить только социальную почву и затем представить людей в виде марионеток, приводимых в движение уже не провидением, а экономическими категориями. Эти категории сами находились и находятся в процессе становления, подобно всему остальному, ибо меняются способность и умение людей побеждать, покорять, преобразовывать природные условия и извлекать из них пользу; ибо меняются наклонности и способности людей под обратным воздействием орудий труда на самих людей; ибо меняются взаимоотношения людей в обществе, а следовательно, меняются характер и отношения зависимости одних людей от других. Короче говоря, речь идет об истории, а не о скелете истории. Речь идет об изложении хода исторических событий, а не об абстракции, о том, чтобы обрисовать и истолковать историю в целом, а не только разлагать ее на отдельные элементы и анализировать их; одним словом, речь идет, как и всегда, *об искусстве.*

Может случиться, что социолог, следующий принципам экономического материализма, ставит перед собой задачу ограничиться, например, анализом того, что представляли собой классы в момент, когда вспыхнула французская революция, чтобы перейти вслед за этим к классам, которые образовались в результате революции и пережили ее. В данном случае наименования, признаки, классификация подлежащего анализу материала очерчены отчетливо, к примеру: город и деревня, ремесленник и рабочий, дворяне и крепостные крестьяне, земля, освобождающаяся от всех феодальных тягот и поборов, и формирующийся класс мелких собственников, торговля, избавляющаяся от многочисленных ограничений, деньги, находящиеся в процессе накопления, процветающая промышленность и т. п. Нельзя ничего возразить против выбора такого метода, который, поскольку он прослеживает эмбриогенетический путь развития, необходим для

подготовки исторических исследований, руководствующихся новым учением *.

Однако нам известно, что одного лишь эмбриогенеза недостаточно для того, чтобы составить себе представление о жизни животных, ибо последняя является не схемой, а жизнью живых существ, которые борются и используют в этой борьбе свои силы, инстинкты и эмоции. То же самое можно сказать mutatis mutandis (с соответствующими изменениями) и относительно людей, поскольку они действуют в истории.

Эти конкретные люди, приводимые в движение определенными интересами, побуждаемые теми или иными страстями, находящиеся под давлением известных обстоятельств, руководствующиеся определенными намерениями и планами, известными чаяниями, своими собственными иллюзиями того или иного рода либо определенными заблуждениями других,— люди, которые, сами являясь жертвами или обращая в жертву других, вступают в жестокие столкновения и попеременно уничтожают друг друга,— такова действительная история французской революции. Ибо если верно, что любая история представляет собой лишь развитие определенных экономических условий, то столь же верно, что эта история развертывается, только облекаясь в определенные формы человеческой деятельности, независимо от того, диктуется ли последняя страстями или рассудком, достигает ли она удачи или остается безуспешной, является ли она слепой, повинующейся инстинкту или сознательно героической.

Понять переплетение и комплекс явлений и фактов в их внутренней связи и в их внешних проявлениях; спуститься с поверхности в глубину и вновь вернуться на поверхность; обнаружить при анализе страстей и стремлений их побудительные силы, от ближайших до наиболее отдаленных, а затем, отправляясь от страстей, стремлений и их побудительных сил, вывести их из наиболее далеко отстоящих от них определенных экономических условий — в этом и заключается трудное искусство, которым должна овладеть материалистическая концепция истории.

---

* Я имею в виду в данном случае ценный труд К. Каутского «Классовые противоречия 1789 года» (K. Kautsky, Die Klassengegensätze von 1789). [В русском переводе: «Классовые противоречия в эпоху Французской революции», Харьков, 1923].

Поскольку мы не должны уподобляться тому схоластику, который на морском берегу обучал плаванию, давая теоретическое определение плавания, я прошу читателя подождать, пока я не приведу в других очерках в подтверждение моей мысли конкретные примеры, дав подлинное историческое повествование, т. е. изложив в письменном виде часть того, о чем я в течение некоторого времени рассказываю в своих лекциях.

Таким путем выясняются некоторые второстепенные и производные вопросы.

Какое имеет, например, значение жизнь так называемых великих людей?

За последнее время на этот вопрос был дан ряд ответов, которые представляют собой в том или ином смысле крайности. На одном фланге находятся непримиримые социологи, на другом — индивидуалисты, которые, подобно Карлейлю, выдвигают в истории на первый план *героев*. Первые утверждают, что вполне достаточно выяснить, например, причины диктатуры, не придавая никакого значения личности диктатора. Вторые заявляют, что объективные причины возникновения классов и определенных общественных интересов ничего не в состоянии объяснить — только великие люди являются движущей силой всего исторического развития, история как бы имеет своих господ и повелителей. Историки эмпирического склада выходят из затруднительного положения самым простым способом: они нагромождают в своих работах как попало людей и события, объективно существующие нужды и субъективные влияния.

Исторический материализм преодолевает прямо противоположные воззрения социологов и индивидуалистов, отбрасывая в то же время эклектизм историков эмпирического типа.

Прежде всего остановимся на фактах.

То, что данный диктатор — Наполеон родился в таком-то году, сделал такую-то карьеру и оказался, к счастью для него, хорошо подготовленным 18-го брюмера,— все это совершенно случайные моменты в сравнении с общим ходом событий, побуждавшим новый класс, вышедший победителем из борьбы, спасти те результаты революции, которые представлялось ему необходимым спасти. Для этого требовалось создать военно-бюрократическое правительство, а для того чтобы образовать его,

нужно было найти подходящего человека или группу людей. Однако, если на практике все это произошло определенным, известным нам образом, а не иначе, то это было обусловлено тем, что именно Наполеон осуществил подобное предприятие, а не какой-нибудь жалкий Монк или нелепый Буланже. Начиная с этого момента, случайность перестает быть случайностью именно потому, что налицо данная личность, которая накладывает отпечаток на события и придает им тот или иной облик, определяя, как они будут развиваться.

Самый факт, что в основе всей истории лежат противоречия, противоположности, борьба, войны, объясняет решающее влияние определенных людей при определенных обстоятельствах. Эти люди не являются ни случайным и ничтожным фактором в общественном механизме, ни чудодейственными творцами того, что общество никоим образом не могло бы создать без их участия. Само сложное переплетение антитетических условий приводит к тому, что в критические моменты определенные личности, гениальные, героические, удачливые или преступные, призываются сказать решающее слово. Когда специфические интересы отдельных социальных групп настолько обострены, что все борющиеся партии взаимно парализуют друг друга, тогда, для того чтобы привести в движение политический механизм, требуется индивидуальное сознание определенной личности.

Социальные противоречия, которые превращают любое человеческое общество в неустойчивую организацию, придают истории — в особенности тогда, когда ее рассматривают поверхностно и в самых общих чертах — драматический характер. Эта драма повторяется вновь и вновь в отношениях общества к обществу, нации к нации, государства к государству, так как внутреннее неравенство в сочетании с внешними различиями между странами порождали и порождают все войны, завоевания, договоры, колонизацию и т. п. В этой драме неизменно появляются на общественной сцене в роли вождей люди, называемые выдающимися или великими, и их присутствие на сцене побудило эмпириков прийти к заключению, что эти люди — главные творцы истории. Вывести объяснение их появления из общих причин и из основных условий социального строя составляет задачу, которая полностью гармонирует с положениями нашего учения; в то же

время всякая попытка исключить действия выдающихся людей из поля зрения историков, как это охотно делают некоторые непримиримые приверженцы объективной социологии, является поистине нелепостью.

* * *

В заключение следует отметить, что последователь исторического материализма, приступающий к изложению и описанию событий, должен избегать при этом схематизации.

История всегда принимает определенную форму, те или иные очертания, она полна бесчисленных неожиданностей и отличается необычайным разнообразием. Она сочетает самым причудливым образом различные элементы, обладает известной перспективой.

Недостаточно отбросить предварительно гипотезу факторов, ибо тот, кто пишет историю, непрестанно сталкивается с явлениями, которые, как кажется на первый взгляд, не имеют внутренней связи, не зависят друг от друга и совершенно самостоятельны. Трудность заключается в том, чтобы постигнуть всю совокупность явлений и фактов как таковую и обнаружить в ней устойчивые взаимоотношения связанных между собой событий.

История представляет собой сумму событий, непосредственно следующих одно за другим и тесно связанных между собой; иначе говоря, это все, что мы знаем о нашем существовании постольку, поскольку мы являемся общественными существами, а не просто животными.

XII

Итак, спрашивают некоторые, разве в совокупности всех последовательно развертывающихся исторических событий, в присущей всем им необходимости не заключено никакого смысла, никакого значения? Этот вопрос заслуживает, разумеется, нашего внимания и требует надлежащего ответа независимо от того, исходит ли он из лагеря идеалистов или из уст самых осторожных критиков.

В самом деле, если мы обратим свое внимание на интуитивные или интеллектуальные предпосылки, из которых вытекает понятие *прогресса,* т. е. идеи, вмещающей в себе и охватывающей процесс развития человече-

ства в целом, мы увидим, что все подобные предпосылки покоятся на свойственной нашему уму потребности приписывать ряду или рядам исторических событий известный смысл и известное значение. Для всякого, кто тщательно расследует специфическую сущность понятия прогресса, это понятие неизменно содержит элемент оценки; поэтому его нельзя смешивать с узким понятием простого развития, в котором полностью отсутствует идея увеличения ценности, побуждающая нас утверждать относительно той или иной вещи, что она прогрессирует.

* * *

Я уже говорил выше, и, как мне кажется, достаточно пространно, о том, что прогресс не представляет собой какого-либо императива или предписания, стоящего над естественной и непосредственной сменой человеческих поколений. Это так же очевидно, как очевиден и факт сосуществования различных народов, наций и государств, находящихся в одно и то же время на разных стадиях развития; как нельзя отрицать и относительного превосходства в настоящее время одних народов над другими, более отсталыми; как, наконец, бесспорен частичный и относительный регресс, неоднократно имевший место в ходе истории,— регресс, примером которого на протяжении столетий служила Италия. Более того, если вообще существует убедительное доказательство, почему прогресс не следует понимать в смысле непосредственно действующего закона или, если прибегнуть к более сильному выражению, непреложного, неотвратимого закона, таким доказательством является именно следующее обстоятельство: социальное развитие в силу тех самых причин, которые лежат в основе всего процесса развития, часто завершается регрессом. С другой стороны, очевидно и несомненно, что как способность к прогрессу, так и возможность регресса, во-первых, не составляют ни прямой привилегии, ни врожденного недостатка той или иной расы, а во-вторых, не являются непосредственным следствием определенных географических условий. Ибо дело не только в том, что древние центры цивилизации различались между собой, не только в том, что с течением времени они перемещались в другие районы, но и в том,

что орудия, открытия, результаты и импульсы определенной, уже развившейся цивилизации могут в известных пределах восприниматься всеми людьми до бесконечности. Короче говоря, прогресс и регресс неотделимы от условий и ритма социального развития в общем и целом.

* * *

Поэтому вера в универсальный характер прогресса, с такой силой проявившаяся в XVIII веке, коренится в том позитивном факте, что люди, когда они не наталкиваются на препятствия со стороны внешних обстоятельств и не встречаются с помехами, создаваемыми их собственной деятельностью в общественной среде, способны все без исключения к прогрессу.

Далее, в основе предполагаемого или воображаемого единства истории человечества, в результате которого процесс развития различных обществ образует как бы одну цепь прогресса, находится другое явление, послужившее поводом и причиной создания множества фантастических идеологических представлений. Хотя не все народы двигались вперед одинаково быстро и даже некоторые из них либо останавливались в своем развитии, либо начинали двигаться по пути регресса; хотя процесс общественного развития не обладал во всех областях и во все времена одним и тем же ритмом и одной и той же интенсивностью, тем не менее не вызывает сомнения то обстоятельство, что с переходом в процессе истории ведущей роли от одного народа к другому полезные продукты, уже приобретенные народами, приходившими в упадок, воспринимались теми, которые выходили на историческую сцену и двигались по восходящей линии. Это относится не столько к произведениям чувства и воображения, которые, впрочем, тоже сохраняются и увековечиваются литературной традицией, сколько к продуктам мысли, и в особенности к изобретению и производству технических орудий, ибо после их изобретения они начинают непосредственно передаваться и переходить от одного народа к другому.

Следует ли напоминать, что письменность никогда не утрачивалась человечеством, несмотря на то что народы, которые изобрели ее, исчезли с арены истории. Следует ли напоминать, что мы всегда носим с собой карманные

часы с вавилонским циферблатом и что мы пользуемся алгеброй, введенной теми арабами, историческая деятельность которых была развеяна позднее ходом истории наподобие песка пустыни? Не стоит заниматься дальнейшим бесконечным нагромождением случайных примеров, так как достаточно представить себе развитие технологии и историю изобретений в широком смысле слова, в которых отчетливо видна почти не имеющая перерывов преемственность в средствах труда и производства.

Наконец, те предварительные краткие очерки, которые носят название «всеобщая история», хотя в замысле их составителей и в самом изложении неизменно чувствуется некоторая принужденность и искусственность, вообще никогда не были бы задуманы и написаны, если бы сменяющие друг друга события не предлагали рассказчикам-эмпирикам некоей, хотя и тонкой, нити, дающей возможность уловить непрерывность исторического процесса.

Приведем в качестве примера Италию XVI века: она несомненно приходит в упадок, но в то же время передает остальной Европе свое интеллектуальное оружие. Но не только последнее становится достоянием развивающейся далее цивилизации: мировой рынок также складывается на основе тех географических открытий и тех изобретений в сфере мореплавания, которые были сделаны итальянскими купцами, путешественниками и моряками. Другие страны восприняли в Италии не только способы ведения войны, не только утонченные и изворотливые политические приемы (хотя это единственное, на что обращают свое внимание ученые), но и искусство умножать деньги, получившее четкую форму детально разработанной коммерческой дисциплины: кроме того, постепенно они восприняли зачатки науки, на которой покоится современная техника, и прежде всего методы регулярного орошения полей и общие законы гидравлики. Все это настолько верно и несомненно, что какому-нибудь любителю строить предположения мог прийти в голову следующий вопрос: во что превратилась бы Италия в эту современную буржуазную эпоху, если бы был осуществлен проект венецианского сената (1504 год) о проведении мероприятий, по своим последствиям напоминающих проведение канала через Суэцкий перешеек, и итальянский флот оказался бы в состоянии соперничать

с португальцами непосредственно в Индийском океане именно в тот момент, когда перенесение центра тяжести исторической деятельности из бассейна Средиземного моря на океан подготовило упадок Италии? Однако довольно экскурсов в область фантазии!

* * *

Итак, в истории, бесспорно, существует известная, носящая эмпирический характер и обусловленная обстоятельствами непрерывность передачи и последовательного роста орудий цивилизации. И, несмотря на то что этот факт исключает всякую мысль о заранее предначертанном плане, о преднамеренной или скрытой конечной цели, о предустановленной гармонии и все другие фантастические идеи, о которых так много отвлеченно *размышляли,* он не исключает, тем не менее, идеи прогресса, могущей служить нам известным мерилом для *оценки* процесса развития человечества. Не вызывает сомнений, что прогресс не охватывает *материально* все смены поколений и что понятие прогресса не заключает в себе ничего категорического, так как иногда наблюдался также регресс отдельных обществ. Однако отсюда не следует, что эта идея не может служить руководящей нитью и *критерием* для выяснения значения исторического процесса. В подобном критическом, осторожном подходе как к употреблению специфических понятий, так и к самому методу их применения ничего не понимают те жалкие, непримиримо настроенные эволюционисты, которые хотят быть учеными, не пользуясь грамматикой и законами логики, без которых вообще немыслима наука.

Как я не раз говорил, идеи не падают с неба, и даже те из них, которые в известные моменты порождаются верой и возникают как бы вне связи с данными условиями, в метафизическом облике, всегда содержат в себе указание на их связь с группой фактов, которым они стремятся или пытаются дать объяснение. Идея прогресса как объединяющего начала в истории с силой проявилась и приняла гигантские размеры в XVIII веке — в героический период политической и интеллектуальной жизни революционной буржуазии. Подобно тому как буржуазия положила начало в сфере практических действий самому интенсивному из всех известных нам историче-

ских периодов, она создала в то же самое время свою собственную идеологию, в основе которой лежало понятие прогресса. Эта идеология по существу в данное время означает, что капитализм является единственной формой производства, способной распространиться на весь земной шар и поставить весь человеческий род в такие условия существования, которые повсюду были бы сходными. Если современная техника в состоянии проникнуть повсюду, если все человечество выступает на единой арене конкурентной борьбы, а вся земля представляет собой единый рынок, то что же удивительного, если идеология, являющаяся интеллектуальным отражением этой действительности, пришла к утверждению, что нынешнее историческое единство было подготовлено всем, предшествовавшим ему? Переведите это представление о так называемой подготовке в совершенно естественное представление *о ясных, доказуемых, последовательных фазах развития,* и перед вами открывается путь от идеологии, основанной на понятии прогресса, к историческому материализму. Таким образом вы придете также к утверждению Маркса, что буржуазный способ производства является последним антагонистическим способом производства в процессе развития общества.

Чудеса буржуазной эпохи в деле унификации процесса социального развития не имеют себе подобных в прошлом. Весь Новый свет и Австралия, Южная Африка и Новая Зеландия — все они похожи на нас! Как следствие этого процесса на Европу становится похож и Дальний Восток, стремящийся подражать ей, и другие области Африки — в результате их завоевания! Перед лицом подобной универсальности и подобного космополитизма представляется совсем незначительным явлением приобщение кельтов и иберов к римской культуре, германцев и славян — к сфере римско-византийско-христианской культуры. Эта постепенно возрастающая унификация с каждым днем все более отражается на политическом механизме Европы: поскольку этот механизм имеет своим фундаментом экономическое завоевание других частей света, он подвержен теперь колебаниям в зависимости от приливов и отливов, исходящих из самых отдаленных районов земного шара. При таком сложнейшем сплетении действий и противодействий война между Японией и Китаем, которая велась с помощью средств, либо сделанных по образцу европей-

ских, либо прямо заимствованных у европейской техники, надолго оставляет глубокий след в дипломатических отношениях Европы и еще более отчетливый след на деятельности биржи — зеркале, точно отражающем изменения в сознании общества. В Европе, господствующей над всем остальным миром, недавно наблюдались колебания в политических отношениях между государствами, вызванные восстанием в Трансваале и поражением итальянских войск в Абиссинии *, имевшим место как раз в последние дни **.

На протяжении тех столетий, когда подготовлялось и постепенно приняло свою современную форму экономическое господство буржуазного производства, росло также стремление внести единообразие в историю, рассматривая ее с общей точки зрения. Именно в этом находит свое объяснение и оправдание идея прогресса, которая лежит в основе многих книг по философии истории и Kulturgeschichte. Единство повсеместно господствующей социальной формы, т. е. единство капиталистической формы производства, к которому буржуазия стремилась в течение ряда веков, нашло более убедительное и наглядное отражение в концепции единства истории, чем когда-либо это мог сделать в отношении человеческой мысли узкий космополитизм Римской империи или односторонний космополитизм католической церкви.

* * *

Однако наступившая благодаря распространению капиталистического способа производства унификация общественной жизни развилась вначале и продолжает теперь развиваться не согласно заранее начертанным правилам, планам и задуманным проектам, а, напротив, посредством борьбы и столкновений, образующих в своей совокупности колоссальный клубок противоречий. Война внешняя и война внутренняя. Непрерывная борьба между нациями и непрерывная борьба между группами людей, составляющими отдельную нацию. При этом сплетение действий и

---

* Речь идет об итало-абиссинской войне 1895—1896 годов.— *Ред.*

** Напоминаю, что первое издание этой книги снабжено датой 10 марта 1896 года. *(Примечание к переизданию.)*

поступков такого множества соперников, конкурентов и противников настолько сложно, что весьма часто бывает очень трудно открыть внутреннюю связь между событиями и координация этих событий ускользает от внимания. Столкновения, происходящие в настоящее время между людьми, разные виды борьбы, которая ведется различными методами между нациями и внутри каждой из них,— все это помогает нам лучше понять, какого рода трудности приходилось преодолевать человечеству в прошлом, в процессе своего исторического развития. Если буржуазная идеология, отражая стремление к установлению единообразия в капиталистическом духе, возвестила о прогрессе человеческого рода, то исторический материализм, не прибегая к громким словам, открыл противоположное явление: что вплоть до нашего времени причину и движущую силу всех исторических событий составляли противоречия.

Вот почему движение истории, взятое как нечто целое, предстает перед нами в виде движения колеблющегося, или, вернее, если воспользоваться более подходящим образом, нам кажется, что оно развивается по линии, которая часто меняет свое направление и снова прерывается, временами как бы поворачивает назад, иногда вытягивается, намного удаляясь от своей исходной точки, короче говоря, представляет собой настоящий зигзаг.

Если принять во внимание сложную внутреннюю структуру каждого общества и столкновение ряда обществ на поле конкуренции (начиная с примитивных форм борьбы — набега, грабежа и пиратства и кончая утонченными методами — внешне корректной игрой на бирже), вполне естественно, что каждый исторический результат, когда к нему применяют единственное субъективное мерило индивидуальной оценки, весьма часто предстает в виде чего-то *случайного;* будучи подвергнут затем теоретическому рассмотрению, он представляется уму более запутанным и непонятным, чем неожиданное появление метеоров.

Поэтому слова, что ирония царит в истории, не являются пустой фразой; в самом деле, если и не существует бога Эпикура, насмехающегося сверху над человеческими делами, здесь, на земле, человеческие дела сами слагаются в *божественную комедию.*

* * *

Исчезнет ли когда-либо эта ирония человеческих судеб? Станет ли когда-либо возможной такая форма ассоциации, которая создаст условия для полного и всестороннего развития человеческих способностей, в результате чего последующий исторический *процесс* приобретет характер подлинной и действительной эволюции? Возможно ли, что все люди станут, говоря языком любителей громких фраз, гуманными? Действительно ли в тот период, когда коммунистическое производство устранит противоречия, которые являются в настоящее время причиной и следствием экономических различий, труд человека достигнет высшей степени продуктивности и интенсивности в процессе коллективного труда, и в то же время каждый отдельный человек, развивая свою энергию, получит полную свободу проявить все свои индивидуальные способности?

В утвердительных ответах на эти вопросы заключается все то, что критический коммунизм говорит о будущем, т. е. то, что он предсказывает относительно будущего. Но он делает это не так, как если бы он обсуждал какую-то абстрактную возможность или стремился осуществить на практике такое положение вещей, на которое он надеется и которого он горячо желает. Он говорит о будущем и предсказывает его потому, что возвещает о событии, которое неизбежно наступит в силу необходимости, заключенной в самом историческом развитии, рассматриваемом и исследуемом отныне в самой сущности — своей *экономической основе*.

«Только при таком порядке вещей, когда не будет больше классов и классового антагонизма, *социальные эволюции* перестанут быть *политическими революциями»* *.

«На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» **.

---

* *K. Marx.* Misère de la Philosophie, Paris, 1847, p. 178. (См. *К. Маркс.* Нищета философии. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, 2 изд., стр. 185).

** Manifest der Kommunistischen Partei, London, 1848, p. 16. (См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Манифест Коммунистической партии, Госполитиздат, 1958, стр. 60).

«Буржуазные производственные отношения, это — последняя антагонистическая форма общественного процесса производства, антагонистическая не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Этой общественной формацией завершается поэтому предыстория человеческого общества» *.

«Раз общество возьмет во владение средства производства, то будет устранено товарное производство, а вместе с тем и господство продуктов над производителями. Анархия внутри общественного производства заменяется плановой, сознательной организацией. Прекращается борьба за отдельное существование. Тем самым человек теперь — в известном смысле окончательно — выделяется из царства животных и из звериных условий существования переходит в условия действительно человеческие. Условия жизни, окружающие людей и до сих пор над ними господствовавшие, теперь подпадают под власть и контроль людей, которые впервые становятся действительными и сознательными повелителями природы, потому что они становятся господами своей обобществленной жизни. Законы их собственных общественных действий, противостоявшие людям до сих пор как чуждые, господствующие над ними законы природы, будут применяться людьми с полным знанием дела, следовательно, будут подчинены их господству. Общественное бытие людей, противостоявшее им до сих пор как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом. Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самого человека. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в значительной и все возрастающей степени и те следствия, которых они желают. Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы...

---

* *K. Marx.* Zur Kritik der politischen Oekonomie, Berlin, 1859, стр. VI предисловия (См. *К. Маркс.* К критике политической экономии, Госполитиздат, 1953, стр. 8).

Совершить этот освобождающий мир подвиг — таково историческое призвание современного пролетариата» *.

Если бы Маркс и Энгельс были когда-либо фразерами, если бы их ум не выработал в себе величайшей осторожности путем повседневного и кропотливого использования и применения научных методов, если бы постоянное соприкосновение с многочисленными заговорщиками и фантазерами не вселило в них отвращение ко всякой утопии, противодействуя которой они доходили до педантизма,— подобные высказывания могли бы показаться гениальными парадоксами, ускользающими от критического расследования. Но эти положения являются как бы заключением, фактическим выводом из учения об историческом материализме. Они представляют собой прямой результат *критики политической экономии* и *применения диалектики к истории.*

В этих утверждениях, которые, впрочем, могут быть развиты, как я буду иметь случай показать в другом месте, заключается единственно возможное предвидение будущего, не являющееся и не желающее быть ни романом, ни утопией. И в этих именно утверждениях содержится достаточно полный и окончательный ответ на вопрос, которым начинается данная глава: имеется ли в конце концов фактически в рядах исторических событий какой-либо смысл и значение?

Здесь я кончаю, ибо, на мой взгляд, для предварительного объяснения этого достаточно.

Рим, 10 марта 1896 года.

---

* *Engels.* E. Dühring's Umwälzung der Wissenschaft, 3 Ausg., Stuttgart, 1894, S. 305—306 (См. *Ф. Энгельс.* Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1957, стр. 267, 269).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *«Истинный социализм»* — одно из направлений реакционного мелкобуржуазного социализма, получившее в 40-х годах XIX в. распространение в среде «образованных» людей Германии. Его идеологи — К. Грюн, М. Гесс, Г. Криге и др.— обращались не к пролетариату, а к мелкой буржуазии с ее филантропическими иллюзиями. Отрицая классовую борьбу, проповедуя освобождение человечества посредством «любви», «истинный социализм» «ударился в самую отвратительную беллетристику и любвеобильную болтовню» (Энгельс).—*15.*

[2] *Инкунабулами* (от лат. incunabula — раннее детство, первые шаги) называли первые книги, напечатанные наборными буквами в начальную пору книгопечатания. О «Манифесте Коммунистической партии» Лабриола говорит как о первой книге, в которой в сжатой и яркой форме изложены идеи научного социализма.— *18.*

[3] *«Союз коммунистов»* (1847—1852) — первая коммунистическая международная революционно-пролетарская организация, зародыш революционной партии рабочего класса. Создателями и руководителями «Союза» являлись К. Маркс и Ф. Энгельс, написавшие по поручению «Союза» первый программный документ марксизма — «Манифест Коммунистической партии».— *22.*

[4] *«Союз справедливых»* — тайная революционная организация рабочих — приверженцев идей утопического социализма. Возник в Париже в 1836 г. в результате раскола существовавшей там с 1834 г. немецкой революционно-демократической организации — «Союза отверженных». Окончательно оформился в 1837 г. Руководителями союза были К. Шаппер, И. Молль, Г. Бауэр и др.

На основе «Союза справедливых» в июне 1847 г. К. Маркс и Ф. Энгельс создали «Союз коммунистов».— *23.*

[5] *Эгалитаризм* (от фр. égalité — равенство) — мелкобуржуазная утопическая теория, стремящаяся к устранению противоречий

капитализма путем уравнительного передела частной собственности.— *23.*

[6] *Чартизм* — первое широкое, действительно массовое, политически оформленное, пролетарско-революционное движение в Англии. Чартистское движение началось в 30-х годах XIX в. В 1838 г. все требования рабочих были оформлены в виде законопроекта, получившего название «Народная хартия» («Чартер»), откуда и произошло название движения.

С лидерами левого крыла чартистов Дж. Гарни и Э. Джонсом поддерживали связь К. Маркс и Ф. Энгельс, указывавшие чартистам на необходимость сочетать демократические требования с борьбой за социализм. Движение чартистов, быстро распространившееся по всей Англии, оказало большое влияние на рабочее и демократическое движение в Европе и Америке.— *23.*

[7] *«Новая Рейнская газета. Орган демократии»* («Neue Rheinische Zeitung. Organ der Demokratie») — боевой орган пролетарского крыла демократии. Выходила ежедневно в Кёльне под редакцией К. Маркса с 1 июня 1848 г. по 19 мая 1849 г.— *35.*

[8] А. Лабриола имеет в виду немецкого экономиста и социолога А. Шеффле (1831—1903), который в своих работах «Капитализм и социализм» (1870), «Квинтэссенция социализма» (1874) и др. выступил против научного социализма, извратив основные идеи учения К. Маркса и Ф. Энгельса.— *37.*

[9] *Термидор* — контрреволюционный переворот во Франции в период буржуазной революции, произведенный 27 июля 1794 г. (9 термидора по революционному календарю, применявшемуся во Франции в 1793—1805 гг.). Этот переворот ликвидировал якобинскую диктатуру и привел к власти контрреволюционную буржуазию.— *39.*

[10] 23—26 июня 1848 г. было подавлено восстание парижского пролетариата. 28 мая 1871 г. после ожесточенных боев пала последняя баррикада Парижской коммуны.— *40.*

[11] Имеется в виду крестьянско-плебейское восстание в Северной Италии в 1304—1307 гг. под руководством Дольчино (сын священника, глава еретической секты «апостольских братьев»). Это было первое крупное восстание крестьян в Западной Европе XIV в.— *40.*

[12] Имеется в виду установление революционной народной власти в Мюнстере (Мюнстерская коммуна) под руководством анабаптистов (см. прим. 28) в 1534 г. Мюнстерские анабаптисты, следуя своим представлениям о «тысячелетнем царстве», которое якобы должно установиться на земле, провели ряд мероприятий в городе (устройство общих трапез, уравнительное распределение предметов потребления и т. д.), пытаясь осуществить на практике учение сектантского уравнительного коммунизма. Главное же значение Мюнстерской коммуны — в ее антифеодальной направленности. В июне 1535 г. коммуна была разгромлена феодальными войсками.— *40.*

[13] *Табориты* — сторонники революционного крестьянско-плебейского течения в антифеодальном национальном движении чешского народа в XV в.— гуситских войнах. Получили название от города Табора, который был основан в 1420 г. как политический центр левого крыла гуситов.— *41.*

[14] *Милленарии* (от лат. mille — тысяча) — приверженцы распространенного в средние века религиозно-мистического учения о «тысячелетнем царстве Христа», которое якобы должно наступить на земле перед «концом мира».— *41.*

[15] *Фратичелли* (итал. fraticelli — братцы) — итальянские монашеские или полумонашеские объединения в XIV—XV вв. Характерная черта фратичелли — крайний аскетизм, отказ от всякой собственности и резко отрицательное отношение к официальному католицизму. В более тесном смысле название «фратичелли» применялось к группе, обосновавшейся в Сицилии в первой четверти XIV в. и распространившей свое влияние на всю Италию.— *41.*

[16] Речь идет о кёльнском процессе коммунистов 1852 г., устроенном прусским правительством над 11 членами «Союза коммунистов», обвиненными в «государственной измене» и «заговоре» против прусского государства. В работе «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов» (1853) К. Маркс не только документально доказал необоснованность обвинений, но и вскрыл полицейские махинации и подлоги, при помощи которых создавалось обвинение.— *45.*

[17] Лабриола имеет в виду государственный переворот 18—19 брюмера VIII г. (9—10 ноября 1799 г.), в результате которого Наполеон Бонапарт пришел к власти, и государственный переворот 2 декабря 1851 г., когда Луи Наполеон захватил власть.— *57.*

[18] *«Басня о пчелах»* — стихотворная философская сатира английского демократического писателя-моралиста и экономиста Мандевиля (1670—1733). В этой «Басне» дана острая критика пороков буржуазного общества.— *61.*

[19] *«Заговор равных»* — утопически-коммунистическое движение во Франции в 1795—1796 гг. Находилось под руководством тайного общества «равных» во главе с революционером и утопическим коммунистом Г. Бабефом (1760—1797). «Заговор равных» сыграл некоторую роль в развитии идей коммунизма.— *63.*

[20] *Крестьянская война в Германии* —крупнейшее крестьянское восстание в Германии в 1524—1525 гг. Было вызвано усилением крепостнической эксплуатации в конце XV — начале XVI в., тесно переплелось с реформацией (см. прим. 29).— *63.*

[21] *Жакерия* — крестьянское восстание во Франции в 1358 г., получившее название по кличке «Жак-Простак», данной крестьянам феодалами. Несмотря на поражение, восстание способствовало освобождению крестьян от личной крепостной зависимости.— *63.*

[22] Речь идет о восстании чомпи (чомпи — наемные рабочие шерстоткацких мануфактур Флоренции XIV в.) в 1378 г. В июле того же года восстание привело к созданию нового правительства, во главе которого стал Микеле ди Ландо, оказавшийся предателем. В августе чомпи, убедившись в предательстве ди Ландо, организовали свой революционный комитет и попытались захватить власть, но потерпели поражение.— *63.*

[23] Здесь А. Лабриола имеет в виду не О. Бальзака, великого французского писателя XIX в., которого упоминает на следующей странице, а Жана Луи Геза Бальзака (1597—1654) — французского писателя времен Ришелье, оказавшего своими утонченными по форме, но бедными по содержанию произведениями известное влияние на развитие французской прозы.— *65.*

[24] *Меркантилизм* — экономическая политика ряда европейских феодальных государств в XV—XVIII вв., выражавшая интересы нарождавшейся буржуазии, стремившейся ускорить накопления капиталов в стране путем развития внешней торговли, торговых войн и порабощения отсталых народов, а также система экономических взглядов, обосновывающих эту политику.— *67.*

[25] *Физиократы* — одно из направлений буржуазной классической политической экономии, возникшее во второй половине XVIII в. Основное положение физиократов заключается в том, что только земледельческий труд является производительным трудом. Физиократы перенесли центр исследования из обращения в производство и впервые стали рассматривать экономические процессы в аспекте воспроизводства.— *68.*

[26] *Катедер-социализм* (от нем. Katheder — кафедра) — либерально-буржуазное течение, возникшее во 2-й половине XIX в. и объединившее группу германских буржуазных профессоров (А. Вагнер, Л. Брентано, В. Зомбарт), проповедовавших с университетских кафедр апологетические теории мирного врастания капитализма в социализм.— *71.*

[27] *Нарративный* (от лат. Narrata refero — передаю рассказанное) — здесь в смысле: имеющий описательный характер.— *83.*

[28] *Анабаптисты* («перекрещенцы») — в период реформации (см. прим. 29) члены плебейской религиозной секты и их приверженцы в Германии, Швейцарии и Нидерландах. Выступали за крещение в сознательном возрасте. Отрицание анабаптистами церковной иерархии, требование общности имущества означали протест против феодального строя. Сыграли значительную роль в Крестьянской войне 1525 г. в Германии.— *88.*

[29] *Реформация* — социально-политическое движение эпохи разложения феодализма в Западной Европе (XVI в.), направленное против феодализма и принявшее форму религиозной борьбы с католической церковью.— *88.*

[30] *Социальный дарвинизм* — антинаучное направление в буржуазной социологии, переносящее на общественную жизнь биологические законы. Желая придать своим идеям наукообразную форму, социальные дарвинисты широко используют теорию Дарвина (например, распространяют на общество закон естественного отбора) и его мальтузианские ошибки.— *92.*

[31] *Промискуитет* — термин, обозначающий предполагаемую стадию ничем не ограниченных брачных отношений, предшествовавшую установлению каких бы то ни было норм брака и форм семьи.— *93.*

[32] *Ассигнаты* — бумажные деньги периода французской буржуазной революции конца XVIII в. Функционировали в 1789—1796 гг.— *137.*

[33] *Прериальское восстание* народных масс Парижа против термидорианского конвента происходило 1—4 прериаля III г. Республики (20—23 мая 1795 г.). Восставшие заняли здание конвента и декретировали восстановление якобинской конституции 1793 г., но не сумели использовать достигнутый успех. 23 мая восстание было подавлено.— *137.*

[34] *Варварские правды* — записи обычного права германских племен, составленные между V и IX вв. Являются важным источником для изучения разных этапов перехода народов Западной Европы от первобытнообщинного строя к феодальному.— *153.*

[35] *Каноническое право* — в христианской церкви совокупность церковных правил (канонов). Регулирует внутреннее устройство церкви, церковных учреждений, взаимоотношения церкви и государства и некоторые вопросы жизни верующих. Впервые было кодифицировано в XII в.— *153.*

[36] В своей «Истории культуры» (в 4 томах) немецкий историк и географ Ф. Гельвальд (1842—1892) выступает как сторонник эволюционной теории и близко примыкает к органической школе (для которой законы развития общества аналогичны законам развития биологического организма) в социологии.— *178.*

СОДЕРЖАНИЕ

А. ЛАБРИОЛА

ОЧЕРКИ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ ИСТОРИИ

ВЫПУСК 25

Редакторы *К. Г. Сазонов* и *А. П. Поляков*

Оформление художника *И. К. Байтодорова*

Технический редактор *Е. М. Сербин*

Ответственные корректоры *З. П. Баранова* и *Н. Н. Рощупкина*

Сдано в набор 3 сентября 1959 г. Подписано к печати 23 января 1960 г.
Формат 84 × 108[1]/32. Физ. печ. л. 6¼. Условн. печ. л. 11,89. Уч.-изд. л. 10,48.
А 01512. Тираж 65 тыс. экз. Заказ № 833. Цена 2 р. 40 к.

Государственное издательство политической литературы.
Москва, Д-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата
Министерства культуры СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.

2 р. 40 к.